
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**«Issues Of Japanology»
Вопросы японоведения
№2**

Материалы научной конференции,
посвящённой 110-летию основания
кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Материалы научной конференции,
посвящённой 110-летию основания
кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

**Материалы научной конференции, посвящённой
110-летию основания кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета. 28 февраля
2008 года – СПб., 2008. – с.314.**

Ответственный редактор и составитель:
В.В.Рыбин

© Авторы текстов, 2008

© Восточный факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008

Рыбин В.В.

Кафедре японской филологии 110 лет

История изучения японского языка в Санкт-Петербурге уходит своими корнями вглубь веков. В 1695 г. один из японских кораблекрушенцев — приказчик Дэмбэй — после 6-ти месяцев дрейфа оказался у южного побережья Камчатки. Там он попал в плен к камчадалам. С Камчатки в 1699 г. Дэмбэй был отправлен в Якутск, а в 1701 г. в декабре он прибыл в Москву (см. 39:6,7): «В начале января 1702 г. Сибирский приказ записал с его слов ‘скаску’. О себе он сказал, что его зовут “Дэмбэем, Дисаев сын, родом японского острова города Осака”...» (26:12).

Дэмбэй получил аудиенцию у Петра Великого в подмосковном с. Преображенском в том же январе. Петр повелел немного подучить Дэмбэя русской грамоте, а ему — «дать в научение трех-четырех из русских робят» для обучения японской грамоте (39:7).

В 1705 г. Дэмбэй был доставлен в Петербург и назначен преподавателем японского языка в классе при Навигационной школе. В 1710 г. Дэмбэй был крещен и наречен Гавриилом (см. 26:13): он стал первым японцем, обращенным в православное христианство. Дэмбэй-Гавриил скончался на чужбине.

Один из членов экипажа японского судна, прибитого волнами к восточному побережью п-ова Кам-

чатки в 1710 г., некий Санима, спасенный казаками, был препровожден в Петербург и преподавал здесь японский язык.

По сведениям, имевшимся в распоряжении В.Н. Горегляда, судно, на котором находился Санима, после скитаний по морям попало в Авачинскую губу, а затем, в 1714 г., Санима по прибытии в Петербург стал помощником Дэмбэя. И этот японец был крещен в православие. Это был первый японец, который был женат на русской женщине. Он преподавал японский язык до самой его смерти, последовавшей в 1734 г. (см. 39:8).

На смену Дэмбэю и Санима в Петербург прибыли два японца — Содза и Гондза, оказавшиеся на южном берегу Камчатки в 1729 г. после кораблекрушения и семимесячного дрейфа. Их ждала долгая дорога через Якутск, Тобольск и Москву в Петербург. Они были приняты Анной Иоанновной, которая приказала обучить их основам христианства, и в 1734 г. (20 октября) они были крещены. Старший по возрасту Содза стал Козьмой, а юный Гондза (сын корабельного рулевого) — Дамианом. Дамиан был определен на обучение в Духовную семинарию при Александро-Невской лавре. Вскоре оба они должны были не только изучать русский язык, но и преподавать японский русским, для чего поступили в распоряжение Академии наук. И Козьма Шульц (Создза) и Дамиан Поморцев (Гондза) учительствовали в созданной в 1736 г. Школе японского языка при Академии наук до самой своей смерти. По сведениям

МУРАЯМА Ситиро, Содза скончался 18 сентября 1736 г. в возрасте 43 лет, а Гондза — 15 декабря 1739 г. в возрасте 21 года (41:9). Гондза за время преподавания в Школе японского языка (с 1736 г. до смерти в 1739 г.) составил учебные пособия по разговорному японскому языку (1736 г.), тематический русско-японский словарь (1736 г.), краткую японскую грамматику (1738 г.), «Новый лексикон славяно-японский» (1736-1739 гг.) (расшифрован с рукописного варианта и издан в Японии МУРАЯМА Ситиро в 1985 г.) и т.д. В работе Гондзе оказывал помощь сотрудник библиотеки А.И.Богданов (22: 55). И после смерти Гондзы в течение многих лет Школа японского языка продолжала свою работу вплоть до 1754 г., когда она была переведена в г. Иркутск.

Изучение японского языка в Санкт-Петербурге возобновилось во второй половине XIX в. Одна из страниц петербургской японистики связана с миссией Е.В.Путятина в Японию. Об этом посольстве написано немало. Цитируем по этому поводу для краткости В.Н.Горегляда: «10 августа 1853 г. в бухту Нагасаки вошла русская эскадра под командованием Е.В.Путятина, который, будучи главой официального посольства, имел на руках проект договора с Японией, утвержденный Николаем I, инструкции Министерства иностранных дел, регламентирующих его поведение, и другие официальные бумаги.

Результатом переговоров Е.В.Путятина было заключение им в январе 1855 г. первого русско-японского

трактата об установлении дипломатических отношений» (9:13).

После подписания Симодского трактата и последующих торговых договоров 1857 и 1858 годов начался и новый этап в истории русского японоведения и преподавания японского языка в Петербурге...

В момент возвращения экспедиции Путятина в Россию в 1855 г. к ней присоединился незаконно покинувший Японию и подружившийся с российским экипажем, в первую очередь с И.А.Гошкевичем, который с энтузиазмом старался познать японский язык, некий Татибана-но Косай. В.Н.Горегляд писал: «В 1855 г. с экспедицией Путятина в Россию прибыл тайно покинувший Японию уроженец провинции Тотоми (совр. префектура Сидзуока) Татибана Косай/Кумадзо (1820-1880). В России он крестился как Владимир Иосифович Яматов, много лет занимался переводческой и преподавательской работой...» (8:172). В.Н.Горегляд сообщает, что «Косай — псевдоним Кумадзо, фамилия Яматов взята им при крещении по древнему названию Японии (Ямато). В молодости Косай был буддийским монахом. После возвращения из России (1874 г.) он взял себе имя Масуда Косай и стал буддийским отшельником» (8:174).

В Петербурге Татибана принял активное участие и всячески содействовал И.А.Гошкевичу в составлении первого большого японско-русского словаря, содержащего около 18 тыс. слов. Словарь был издан в 1857 г. и

стал для нескольких поколений русских японоведов настольной книгой. Словарь был удостоен Демидовской премии.

Сам же Татибана, принятый на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, в 1870 г. обратился к директору департамента П.Н.Стремоухову со своим пожеланием начать преподавание японского языка в Университете. Как пишет О.П.Петрова, Татибана (Масуда) оказался на российском судне в 1855 г., т.к. он умолил И.А.Гошкевича спасти его от казни, поскольку он (Татибана) был заподозрен японскими властями в шпионаже в пользу русских: Татибана (Яматов) занимался с будущим первым российским консулом Гошкевичем японским языком. В знак благодарности русским за свое спасение он и предложил преподавать японский язык в Университете безвозмездно (см. 34: 45).

Исходя из архивных сведений, А.А.Бабинцев установил, что «В.И.Яматову было определено факультетом читать по две лекции в неделю для студентов III и IV курсов китайско-маньчжурско-монгольского разряда. Занятия проводились с октября 1870 по май 1874 года и прекратились в связи с отъездом В.И.Яматова на родину» (5: 124, 125).

Вышеупомянутый словарь был предварен общим очерком и характеристикой японского языка. В 1865 г. И.А.Гошкевич опубликовал ряд японоведческих работ, что наряду с преподавательской деятельностью Яматова

(Татибана) заложило первоначальную основу, по выражению В.Н.Горегляда, «регулярного русского японоведения. Соединение у одного специалиста китаеведческой подготовки, опыта практической работы в Японии и опыта лексикографических и филологических исследований оказалось плодотворным. Позднее оно нередко встречалось у русских японоведов конца XIX — начала XX в.» (8: 172, 173).

Далее преподавание японского языка на факультете стало прерогативой японцев-дипломатов, состоявших на службе при японской миссии в Петербурге. Первым из них был НИСИ Токудзиро (1847-1912). Преподавал он до октября 1876 г., т.е. до его перевода по службе в Париж (см. 5: 125). В дальнейшем Ниси занимал высокие дипломатические посты, был министром иностранных дел в кабинете МАЦУКАТА Масаёси (1835-1924) и ИТО Хиробуми (1841-1909), членом и председателем Тайного совета, председателем Верхней палаты (см. 44: 104).

После некоторого перерыва на смену Ниси «факультет пригласил Андо Кэнскэ (1854-1924), который имел японскую ученую степень и владел русским языком в такой мере, что посещал лекции на юридическом факультете... и в сентябре 1881 г. он начал занятия, которые “охотно посещаются студентами”. В 1883 г. Андо был назначен на штатную должность в японской миссии и по положению не мог иметь постороннюю оплачиваемую службу, но он выразил желание

продолжать занятия, не получая жалования... Японский посланник Ханабуса ...дал свое согласие» (5: 125).

Как раз в то время, когда Андо трудился и в японской миссии и в Университете, как писал А.А.Бабинцев (6) со ссылкой на «Правительственный вестник» от 3 сентября 1882 г.: «Вчера... курьерским поездом Варшавской железной дороги прибыл в Петербург его императорское высочество японский принц, фельдмаршал японской армии, вице-канцлер Арисугава-но мия». Далее А.А.Бабинцев, основываясь на информации указанной газеты, сообщил, что «в Россию он (Арисугава-но мия) приехал, чтобы передать поздравления японского императора по случаю восшествия на престол Александра III... 4 сентября он в Петербурге встретился с русским царем» (там же). А.А.Бабинцев в деталях осветил важный для нашего японоведения исторический факт, а именно то, что Арисугава-но мия Тарухитосино (1835-1895) узнал в Петербурге, скорее всего от Андо Кэнсуке, что в далекой русской столице уже не первый год преподается японский язык, и занятия по этому языку, «охотно посещаются студентами». Принц высоко оценил этот факт и, вернувшись в Японию в марте 1883 г., распорядился послать в дар Петербургскому университету коллекцию книг из личной библиотеки в количестве 3465. Над описанием и составлением каталога этого книжного дара стал работать Андо Кэнсуке. Однако ему не удалось завершить работу в связи с отъездом на родину. По представлению факультета Андо был награжден орденом Станислава II степени

«за безвозмездное и успешное преподавание и составление каталога книг» (5: 126). В 1960 г. картотека-каталог вчерне был составлен усилиями Р.Г.Карлиной, которой не удалось выделить дар Арисугава из других поступлений. Как пишет М.В.Торопыгина, эту работу выполнил А.А.Бабинцев (49: 2). Аннотированный каталог т.наз. «Фонда Арисугава» был выполнен М.В.Торопыгиной и опубликован в Японии в 1998 г.

В тот период преподавание японского языка носило в основном практически ориентированный характер. Выпускники нередко шли на службу в МИД и в дальнейшем командировались в Японию. Так, например, В.Я.Костылев (1848-1918) после окончания факультета в 1874 г. «поступил в МИД и уехал в Японию, где с 1884 по 1900 год был консулом в Нагасаки» (5: 126). В Японии также служили Ельницкий, Трахтенберг и Буховецкий, получившие знание японского языка в стенах факультета (см.34: 46).

Факультет испытывал нужду в преподавателях японского языка после отъезда на родину Андо Кэнсукэ. «В 1886 г. Советом Университета было вновь предьявлено Министерству ходатайство об учреждении кафедры японского языка. Ходатайство было поддержано Министерством иностранных дел. Факультет просил также о приглашении лица, могущего преподавать японский язык, однако этот вопрос получил движение только в 1888 г.» (там же).

Систематическим и постоянным преподавание японского языка становится с появлением на факультете в 1888 г. КУРОНО Ёсибуми (1859-1918), который «состоял на службе при японском Министерстве просвещения и в 1887 г. приехал в Россию с научной целью» (34: 47). Подучив в Японии не только соответствующее стандартное образование, Куроно Ё. окончил и школу русского языка при русской православной миссии. Он также окончил русское отделение Токийской школы иностранных языков (выпуск 1879 г.) и некоторое время преподавал в ней русский язык и историю, стал доцентом в своей альма-матер и обучал в будущем ставшему писателем и переводчиком русской литературы Фтабатэю Симэю (43: 41). Ё.Куроно был из числа первого набора школы (см. 16: 95).

Итак, к этому времени преподавание японского языка в нашем университете становится стабильным: на смену японцам-кораблекрушенцам и японским дипломатам приходит именно КУРОНО Ёсибуми (в ряде публикаций — Иосибуми), хорошо образованный носитель японского языка и одновременно являвшийся русистом. А.А.Бабинцев со ссылкой на архивные данные сообщает, что «Куроно еще в Японии был крещен по православному обряду и принял имя Иосиф Николаевич» (5: 126), и далее: «не только исправно читает лекции, но и постоянно издает учебные пособия, отменно полезные для студентов» (там же).

В.М.Алпатов отмечает, что «Россия стала для него [Куроно Ёсибуми] второй родиной, в Петербургском

университете он преподавал до конца жизни. Вплоть до 1907 г. он был единственным преподавателем японского языка в университете» (2: 21).

После неоднократных обращений факультета в различные инстанции с резонными представлениями о необходимости создания кафедры японской словесности в конце концов были изысканы требующиеся ассигнования. По решению Государственного совета были отпущены средства на усиление преподавания восточных языков, министр народного просвещения предложением от 25 февраля 1898 года учредил на факультете восточных языков кафедру японской словесности (5: 127). В том же году «для приготовления к профессуре по кафедре японской словесности ... был оставлен по рекомендации профессоров Д.М.Позднеева и Д.А.Пешурова окончивший китайско-маньчжурско-монгольский разряд Е.Г.Спальвин (1872-1933), занимавшийся, как явствует из его матрикула, японским языком с Куроно. В том же году профессора А.И.Ивановский и Д.А.Пешуров ходатайствовали о командировании Е.Г.Спальвина “по крайней мере на два года в Японию”, и в 1899 году он уехал в командировку, из которой в университет не вернулся, приняв предложение исполнять обязанности профессора Восточного института, созданного во Владивостоке в 1899 году» (там же).

Факультет и далее предпринимал усилия, чтобы подготовить к научно-педагогической деятельности выпускников, проявивших интерес к японоведению. Так, в 1903 г. при кафедре был оставлен А.Н.Вознесенский

(1881-1937), которого намеревались командировать в Японию для совершенствования знаний, что считалось «совершенно необходимым для будущего профессора японской словесности» (5: 128). Осуществить этот план помешала русско-японская война, поэтому претендент был послан в Берлин и Париж, где занимался у проф. Р.Ланге и проф. Л.де Рони. Вопрос о поездке в Японию был решен в 1906 году, но и эта командировка не состоялась из-за того, что А.Н.Вознесенский перешел на службу в МИД (см. там же).

Получив образование и китаиста, и японоведа, Арсений Николаевич Вознесенский в 1913-1915 гг. являлся вице-консулом в Шанхае, затем после революции 1917 г. перешел на службу в Совнарком иностранных дел, где был зав.отделом Востока (1917-1920). Он — первый представитель Советской России в Китае, работал корреспондентом ТАСС в Японии, в 1930-е годы — заместителем директора Московского института востоковедения. Арестован 3 мая 1937 г.; обвинен в шпионаже в пользу Японии. 25 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания, в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1962 г. (27: 101, 102).

Японский язык по-прежнему продолжал преподавать и де-факто возглавлял кафедру японской словесности Куроно Ёсибуми. Тем не менее, было необходимо подыскать руководителя кафедры, соответствовавшего всем формальным требованиям. Еще до создания кафедры факультет пригласил В.Я.Костылева — выпускника факультета восточных языков (ФВЯ) 1874 г.,

который «вышел в отставку по службе в Министерстве иностранных дел... Он ... ученой степени не имел, был назначен приват-доцентом в виде исключения, вследствие его практического знания языка» (34: 47).

Известно, что только вступление в должность приват-доцента Костылева в 1908 г. позволило факультету ввести японский язык в число обязательных предметов.

В 1907-1908 годах наряду с пересмотром программ преподавания и организационной структуры факультета, в 1908 году был образован китайско-японский разряд (или японско-китайский, как он числился в ряде официальных документов).

В.Я.Костылев преподавал лишь один год (в весенний и осенний семестры 1908 г.) В декабре 1908 г. В.Я.Костылев был отчислен из состава приват-доцентов по его просьбе.

В том же году изданные в Санкт-Петербурге литографическим способом увидели свет его переводы с английского языка два труда Б.Х.Чемберлена «Грамматика японского разговорного языка. Теоретическая часть» и «Упрощенная грамматика японского языка (новый письменный стиль)» (см. 7: 330).

Основным японистическим трудом В.Я.Костылева В.М.Алпатов называет его «Русско-японский словарь разговорного языка», изданный в Санкт-Петербурге в 1914 г. уже после того, как Костылев ушел из

университета (см. 2: 24). В.М.Алпатов ставит этот словарь на первое место в ряду других словарей такого рода, т.к. это, во-первых, был печатный, во-вторых, словари XVIII — начала XIX в. остались в рукописном виде и были забыты. В предисловии к словарю В.Я.Костылев пишет: «Последняя война с Японией показала, как необходимы для нас словари японского языка, а после этой войны сношения с японцами увеличиваются с каждым годом...» (20 :III).

После В.Я.Костылева с января 1909 г. по апрель 1912 г. японский язык на факультете преподавал Г.И.Доля (1876-1931), приглашенный в качестве и.о. лектора. Он состоял на службе в МИД, по просьбе факультета ему было позволено преподавать только в утренние часы.

Г.И.Доля был выпускником Восточного института во Владивостоке. Как пишет О.П.Петрова, он, получив после окончания института назначение в МИД, должен был «после стажирования в Министерстве отправиться на драгоманскую должность в Японию» (34: 47). В качестве пособий для начинающих он пользовался пособием «Introduction in the Study of Japanese writing», составленным Б.Х.Чемберленом. Старшекурсникам он преподавал эпистолярный стиль японского языка (соробун), китаизированный японский язык (камбун), отрывки из произведений Фукудзавы Юкити, образцы современной и классической литературы, газетные статьи (см. 5: 129). Однако назначение Г.И.Доли состоялось не в Японии, а он был назначен на долж-

ность переводчика при консульстве в г.Мукдене, в связи с чем он и прекратил преподавательскую работу на факультете.

Вслед за Г.И.Долей главным действующим лицом по китайско-японскому разряду становится приват-доцент (с 1913 г. — профессор) кафедры китайской словесности Алексей Иванович Иванов (1877-1937). А.И.Иванов вел разнообразные курсы: грамматика разговорного языка и чтение текстов, грамматика книжного языка и чтение литературных памятников, камбун, чтение образцов современной японской литературы, чтение образцов поэзии из «Маньёсю» и «Кокинсю» и т.д. На факультете он проработал в течение 4 лет (5: 130).

А.И.Иванов был многоплановым специалистом-востоковедом (китаевед, тангутовед, японовед), окончившим китайско-монгольско-маньчжурский разряд факультета восточных языков СПбУ в 1901 г. В 1902-1904 гг. он побывал на стажировке в Китае, а в 1912 г. был направлен в научную командировку в Японию. С 1914 г. одновременно с его началом преподавания японского языка на факультете он служил в МИД. В советское время работал на разных как дипломатических, так и преподавательских должностях. Доктор наук по литературоведению (без защиты, 1935 г.). Арестован в августе 1937 года и обвинен в шпионаже в пользу Японии, а в октябре 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день (8 октября) расстрелян. Реабилитирован в 1958 г. (см. 27: 178).

Параллельно с японским разрядом в университете многие студенты той поры, не имея достаточных возможностей приобретать навыки в разговорной речи на факультете, посещали Восточную практическую академию. В Академии с 1910 г. преподавал самый крупный, по определению В.М.Алпатова, из петербургских японистов начала XX в. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865-1937). Д.М.Позднеев был востоковедом широкого профиля. После окончания факультета восточных языков Петербургского университета по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду отлично изучил японский язык в период работы в Японии с 1906 по 1910 год и обратился надолго к японской проблематике. Его интересовали различные проблемы японоведения: язык и методика его преподавания, география и история.

Д.М.Позднеев выпустил немало учебных пособий. Известен его «Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе)» (Токио, 1908 г.). Сохранился в литографированном виде его курс по японской грамматике, прочитанный им в Восточной практической академии, о котором В.М.Алпатов пишет следующим образом: «По охвату материала курс Д.М.Позднеева, пожалуй, превосходит все другие наши грамматики вплоть до появления “Синтаксиса” Конрада» (2: 28).

Среди учеников, посещавших занятия Д.М.Позднеева в Восточной практической академии были Н.И.Конрад и М.Н.Рамминг, Е.Д.Поливанов и Н.А.Невский и др., ставшие впоследствии известными японоведами. Н.Ф.Лещенко, изучавшая его жизненный путь, подво-

дит печальный итог: «Жизнь Д.М.Позднеева оборвалась трагически — профессора, который еще в 1897 г. представлял российскую востоковедную науку на XI Конгрессе ориенталистов в Париже, расстреляли 20 октября 1937 г. На долгие годы имя Д.М.Позднеева было предано забвению» (25: 27).

Одним из ярких выпускников факультета, окончивших его в 1910 г. и имевшим непосредственное отношение и к японскому разряду, и отечественному японоведению, был Оттон Оттонович Розенберг (1888-1919). В студенческие годы Розенберг обучался на смешанном китайско-санскритском разряде и был оставлен при университете на кафедре санскритской словесности. В 1911 г. он подает прошение об оставлении его при кафедре японской словесности. Для этого были основания — он изучал японский язык, посещал занятия В.Я.Костылева, Г.И.Доли и Ё.Куруно, а также занимался несколько месяцев в Берлине у проф. Р.Ланге. О.О.Розенберг провел четыре года (1912-1916) в научной командировке в Японии, совершенствуя знания в языке, изучая японскую классическую и современную литературу и продолжая исследования в области буддологии.

После возвращения из Японии О.Розенберг осенью 1916 года выдерживает успешно магистерские испытания, допускается к пробным чтениям лекций «Буддийские секты в Японии» и «Японская секта созерцания Дзэн», а с 1 января 1917 г. зачисляется в состав приват-доцентов факультета. В 1918 г. О.Розенберг представил

к защите магистерскую диссертацию «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам», работа была «признана удовлетворительной для присуждения диссертанту степени магистра и для присуждения степени доктора японской словесности, а 16 мая 1919 г. О.О.Розенберг баллотировался и был избран профессором по кафедре японской словесности» (5: 136, 137).

В начале 10-х годов XX в. факультет окончила целая плеяда талантливых выпускников по японско-китайскому разряду. Так, в 1912 г. завершил курс своего обучения на факультете и в Восточной практической академии Николай Иосифович Конрад (1891-1970).

После окончания университета Н.И.Конрад был направлен в командировку в Японию, из которой вернулся в 1913 г., и вскоре был назначен преподавателем японского и китайского языков в Киевский коммерческий институт. В 1914 г. он вновь командирован Петроградским университетом в Корею и Японию на три года. В Японии он слушал лекции по японской литературе в Токийском императорском университете (см. 34: 48). Годы учебы на факультете, командировки в страны изучаемого региона позволили Н.И.Конраду сформироваться и стать высококлассным специалистом-востоковедом. С 1917 г. до 1922 г. он был назначен ректором Орловского университета. «Возвратившись в Петроград в 1922 г., Н.И.Конрад оказался там почти единственным японистом-профессионалом и начал созда-

вать свою научно-педагогическую школу» (4: 3).

В течение 16 лет, начиная с 1922 и по 1938 год, Н.И.Конрад возглавлял практически все японистические центры нашего города, занимаясь как преподавательской, так и научной деятельностью: заведовал японскими кафедрами в университете и Институте живых восточных языков — Ленинградском восточном институте, стоял во главе коллектива японоведов в Институте востоковедения АН СССР. В 1926 г. получил должность профессора, а в 1934 г. стал доктором филологических наук и первым японистом, избранным членом-корреспондентом АН СССР. Н.И.Конрад был не только педагогом, но и «крупным организатором отечественной науки» (36: 63).

Вот что о Конраде пишет А.О.Тамазашвили: «Практически универсальный востоковед-дальневосточник, считавший себя по пристрастиям более синологом, Конрад тем не менее возглавил советскую школу японоведения. Практически это была школа Конрада...» (36: 73).

О тяжелом периоде в жизни Н.И.Конрада в «Библиографическом словаре востоковедов...» сказано: «Арестован 29 июля 1938. Обвинен по ст. 58-1 УК РСФСР (“япон. шпион”). Ведшие дело К[онрада] ... систематически избивали его, держали по несколько часов в “стойке”. ... приговорен к 5 годам ИТЛ (в исправительно-трудовом лагере — примеч. наше), отправлен в г. Канск Красноярского края. Зимой 1939/40 работал в лагере на лесоповале; заключенные, жалея

К [онрада], устроили его перевод на более легкую работу по очистке железнодорожной стрелки от снега. Благодаря хлопотам влиятельных лиц (в т.ч. президента АН СССР В.Л.Комарова) направлен в “шарашку”, где работал с кит. и япон. яз. Достоверно известно, что в первой половине 1941 занимался науч[ной] работой непосредственно в Бутырской тюрьме, где находился в связи с пересмотром дела. Освобожден ... 8 сент. 1941» (27: 212-213).

После освобождения Н.И.Конрад уже больше не вернулся в Ленинград — поселился и стал работать в Москве. Он сразу же «возглавил японскую кафедру Московского института востоковедения, вместе с которым вскоре эвакуировался в Фергану. После реэвакуации он поселился в Москве, где и прожил до конца жизни. В первые послевоенные годы помимо Московского института востоковедения ученый работал в Институте востоковедения АН СССР, где одно время руководил Московской группой, а также в Военном институте иностранных языков. В обстановке идеологических кампаний и “чисток” конца 40-х годов Н.И.Конрад был вынужден уйти со всех должностей и в марте 1950 г. перешел на пенсию по инвалидности. Однако в 1951 г., когда ситуация стала немного спокойнее, он все же вернулся в академический Институт востоковедения...» (4: 4).

Н.И.Конрад оставил за полвека педагогически-исследовательской деятельности большое наследие. Он был прекрасным знатоком Японии, блистательным

переводчиком и исследователем литературного процесса в Японии, театральной традиции и современного театра, искусства и т.д. Еще в 50-е годы прошлого века Н.И.Конрад признавал себя сведущим и в японском языкознании, и в истории (древней, средневековой и новой), отмечая, что «новейшей историей (т.е. с начала XX в.) я не занимаюсь» (18: 315).

В 1958 г. Н.И.Конрад был избран действительным членом АН СССР, в 1969 г. — награжден правительством Японии высшим для иностранцев орденом Восходящего солнца II-й степени. В 1972 г. удостоен Ленинской премии (посмертно) как редактор «Большого японско-русского словаря» (1970). Скончался Н.И.Конрад 30.IX.1970 г. в Москве.

В 1912 г. среди окончивших факультет по китайско-японскому разряду и одновременно Восточную практическую академию был Мартин Николаевич Рамминг (1889-?). М.Н.Рамминг, получивший командировку в Японию после окончания курса обучения, был оставлен при университете с 1913 г. и одновременно определился на службу в МИД (см. 5: 131). Интересы М.Н.Рамминга по большей части были связаны с историческими проблемами, о чем свидетельствует его вступительная лекция «Национальные течения эпохи Мэйдзи» (3 декабря 1915 г.) и читавшиеся им курсы — чтение и интерпретация исторических дневников, чтение исторических текстов и мемуаров Камо-но Тёмэй («Ходзёки»), которые были предметом его исследовательской деятельности. После назначения в

сентябре 1917 г. драгоманом русского посольства в Японии М.Н.Рамминг выбыл из числа приват-доцентов университета. О дальнейшей его судьбе упоминала О.П.Петрова в 1960 г.: «ныне М.Н.Рамминг — профессор Берлинского университета, действительный член Академии наук ГДР» (34: 48). Из этого следует, что он внес вклад и в немецкое японоведение.

Одним из выдающихся выпускников историко-филологического факультета (ИФФ) нашего университета, имевшим непосредственное отношение к кафедре японской филологии был Евгений Дмитриевич Поливанов (1891-1938). В 1908-1912 годах учился не только на ИФФ, но и на ФВЯ. Будучи магистрантом кафедры сравнительного языкознания, он в 1914 и 1915 гг. выезжает в командировку в Японию. В некоторых публикациях упоминается и третья командировка Е.Поливанова в Японию в 1916 г. (34: 48), однако архивных данных об этом не сохранилось.

«Пробные чтения Е.Д.Поливанова на факультете восточных языков “Современное состояние японской диалектологии” и “Гоон и каньон и их значение для истории китайского языка” состоялись в октябре и ноябре 1915 года, и в декабре он был допущен к чтению лекций по кафедре японской словесности в качестве приват-доцента. После прочтения 29 января 1916 года вступительной лекции на тему “Фонетическая характеристика японского языка” Е.Д.Поливанов приступил к преподаванию...» (5: 132).

Е.Поливанов в 1914 г. защитил магистерскую диссертацию «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами», в 1919 г. (по другим сведениям — 1920 г., см., например, 27: 307) избран профессором факультета общественных наук Петроградского университета (24: 11). В штате университета Е.Поливанов состоял до переезда в 1921 г. в Москву.

Работы Е.Д.Поливанова в области изучения звукового строя японского языка и его диалектов в ряде случаев явились пионерскими не только для нашей отечественной японоведения, но и оказали влияние даже на японских ученых-фонетистов. В.М.Алпатов пишет: «Поливанов стал создателем японской акцентологии» (2: 53). МУРАЯМА Ситиро в заключительной статье от лица переводчика-составителя изданных им же работ Е.Д.Поливанова на японском языке также отмечает: «Читатель, видимо, поймет, что никто не может писать историю исследований акцента и диалектологических исследований японского языка, игнорируя Поливанова...» (46: 225).

Именем Поливанова названа и часто используемая русская практическая транскрипция, разработанная Евгением Дмитриевичем.

Вместе с Ол.В.Плетнером (см. ниже) опубликовал в 1930 г. первую русскую «Грамматику японского разговорного языка» (М., 1930г.). В этой книге Поливанову принадлежат следующие разделы: «Введение»

(с.V-XIII), «Морфология словоизменения» (с.XV-XXXXV), «Фонетика» (с.144-176).

Большой вклад Е.Д.Поливанов внес в научное изучение многочисленных языков: японского (и его диалектов), корейского, узбекского (и его диалектов), турецкого, киргизского, арабского, китайского, туркменского, грузинского, албанского, дунганского, эрзя-мордовского и т.д. Достаточно упомянуть, что великолепное знание не одного десятка языков позволяло ему читать лекции по общему языкознанию и опубликовать «Введение в языкознание для востоковедных вузов» (Л., 1928).

В.М.Алпатов, заключая один из разделов монографии «Изучение японского языка в России и СССР», совершенно обоснованно замечает: «Многое из сделанного Поливановым утрачено. Но и того, что опубликовано, достаточно, чтобы считать его одним из крупнейших японистов-лингвистов в мировой науке» (2: 42).

Талантливый ученик И.А.Бодуэна дэ Куртенэ, Л.В.Щербы, прекрасный специалист, принявший революцию, стремившийся к построению теории языкового развития по марксистской модели, пламенный революционер Е.Д.Поливанов, в конце концов, тоже стал неугоден властям. Он был арестован 1 августа 1937 года в г. Фрунзе, отправлен на Лубянку в Москву, 25 января 1938 года приговорен к высшей мере наказания как «японский шпион» и в тот же день расстрелян (см. 27: 307).

В 1914 году (О.П.Петрова писала, что в 1916 г., см.34: 49), окончил китайско-японский разряд Николай Александрович Невский (1892-1937) — выдающийся японист, айновед, тангутовед, китаевед. В 1909 г. окончил Рыбинскую гимназию с серебряной медалью и поступил сначала в Технологический институт (через приемные испытания). Он стал студентом-технологом Механического отделения Технологического института императора Николая I. После окончания обучения на I-м курсе он проходит практику на Николаевской железной дороге. Затем он подает одно прошение с просьбой уволить его из Технологического, а другое — с просьбой о зачислении его на Восточный факультет императорского Петербургского университета (см. подр. 12: 18-21).

Любовь к слову, знание слова были призванием и жизнью Николая Невского. “Великим филологом” назвал Н.А.Невского его японский друг и соавтор ИСИХАМА Дзюнтаро (см. 11: 243).

В материалах, опубликованных на русском языке в 1913 г., и в японских публикациях упоминается двухмесячное пребывание Невского в Японии в период летних каникул в 1913 г. (12: 7; 40: 99; 48: 12). Из воспоминаний японского этнографа ЯНАГИТА Кунио известно, что Н.Невский поначалу использовал гипервежливые выражения давно ушедших эпох, выученные, видимо, в университете. Японцев это просто приводило в оторопь, и они не могли ему даже ответить соответствующим образом (см. 40: 99).

В Университете «учился Н.А.Невский хорошо ... получал стипендию в размере 300 руб. в 1911-1912 годах, а в 1913-1914 годах — повышенную стипендию наследника-цесаревича. Работал он много и упорно» (12: 28).

Дипломное сочинение Н.Невского было посвящено творчеству китайского поэта Ли Бо (двойной перевод — дословный и парафраз — пятнадцати его стихотворений). Оно было написано под руководством В.М.Алексеева, который высоко оценил работу своего подопечного.

В студенческие годы учился он и у Ё.Куроно, и у А.И.Иванова, и у других выдающихся педагогов. Многому Н.Невский научился и у Льва Яковлевича Штернберга, старшего этнографа Музея антропологии и этнографии (МАЭ). «Этнографо-лингвистический» метод Штернберга Невский успешно смог использовать в дальнейшем во многих своих исследованиях. «Школа, пройденная у Штернберга, была “вторым университетом” для Невского» (12: 36).

В 1915 г. факультет изыскал средства и командировует Н.Невского, оставленного при университете без стипендии, в Японию. Как пишут Л.Л.Громковская и Е.И.Кычанов, так в жизни Н.А.Невского начались «годы странствий» (12: 39).

По приезде в Токио Н.А.Невский не был одинок: там уже находились на стажировке старшие по факультету товарищи — Отто Розенберг и Николай

Конрад. Из «Краткого отчета о занятиях в Японии с 1-го декабря 1915-го по 1-е декабря 1916 года, представленный Императорскому Петроградскому университету» (31: 255-265) видно, как тщательно Н.Невский изучает проблемы, связанные с синто, внимательно вчитываясь в древнейшие японские памятники.

Н.А.Невский был знаком с выдающимися японскими учеными (этнографами, филологами, лингвистами) (см. подробнее 47: 284). Он так подружился с Янагита Кунио, что тот, будучи на 17 лет старше Невского, вскоре после их знакомства посетил Николая, прийдя к нему домой в феврале 1917 года, в день его 25-летия (см. 40: 102).

В письме В.М.Алексеева от 2 ноября 1917 года, адресованном Невскому — бывшему ученику, говорится: «Вы лучший из моих учеников... В Вас горит и энтузиазм, и свет науки, Вам принадлежит будущее. Со способностями Вы соединили редкую любовь к труду и знанию, окрашенные в идеальный колорит, бескорыстный, честный, молодой и яркий. Когда мне Елисеев говорит о том, сколь высокого мнения о Вас японские ученые, то я верю и не удивляюсь. Еще бы! Разве можно не восхищаться Вами?» (1: 88).

1917 год — переломный в судьбе Невского-япониста. Еще 1 апреля (по старому стилю) Н.И.Конрад пишет Невскому в Японию: «Живите и благодарите ежедневно, ежеминутно судьбу, что остаетесь пока целы и пережили самое страшное там, а не здесь» (42:

87<2>). В другом письме от 10 июля: «Знаете, живя в Японии все кажется гораздо лучшим, чем есть, только живя здесь можно постигнуть весь тот трагизм, в котором корчится теперь Россия, и я скажу: бывают минуты отчаяния...» и далее: «Дорогой Николай Александрович, - надеюсь, Вы вполне здоровы? Елисеев писал Алексею о Вас, как о совсем здоровом человеке. Мы оба страшно радовались за Вас, а то Вы не можете себе представить, как его ужаснул столь внезапно открывшийся у Вас туберкулез...» (42: 85<3>, 86<4>).

В России бурные события. Маловероятным представляется Невскому возвращение на Родину. В 1919 году он получает приглашение на работу в Высшее коммерческое училище в г. Отару на Хоккайдо как преподаватель русского языка.

В период пребывания в Отару Н.А.Невский не только преподает, но и продолжает заниматься этнографическими штудиями, связанными с японцами, а также увлекается исследованиями айнского фольклора и этнографии, их обычаями и верованиями. В конце 1921 — начале 1922 года, находясь в Токио, изучает под руководством КИНДАИТИ Кёсукэ айнский язык, а затем занят еще и сбором фольклора и других материалов о-вов Мияко.

С 1922 г. начинается его работа в г. Осака, где только что было создано училище иностранных языков (затем — Университет иностранных языков). Н.А.Невский становится первым русским преподавателем в

Осака, преподававшим родной язык как иностранный. Жалования в 375 йен ему с его гражданской женой МАНТАНИ Исо (с ней он сблизился еще в Огару), было достаточно, чтобы оплачивать жилье (35 йен) и одну прислугу-домработницу (см. 48: 16). Материальная стабильность позволяла Н.Невскому, кроме преподавания, заниматься углубленно и научными штудиями. До возвращения на Родину он провел в Осака 7 с половиной лет, которые позволили ему еще больше всесторонне раскрыть свой талант ученого и педагога: работает над айнским фольклором (для этого в дом была приглашена в качестве служанки айнская девушка Юкки), а также его пригласили читать лекции по айнскому языку в Киотоский университет, где он преподавал раз в неделю и русский (см. подр. 12: 91).

В 20-е годы прошлого века Н.А.Невский заинтересовался говорами языка тайваньских аборигенов цоу. Впоследствии он опубликовал «Материалы по говорам языка цоу» в 1935 г. и составил еще раньше словарь, опередив более чем на 60 лет тайваньских ученых (см. 35: 551-552).

В личной жизни Н.Невского происходят изменения: в 1928 г. родилась дочь Елена, а в 1929 г. был официально зарегистрирован его брак с Мانتани Исо в Генконсульстве СССР в Кобэ. Вскоре после этого, оставив жену и дочь в Японии, он возвращается на Родину. По приезде в Ленинград он сразу же становится доцентом Ленинградского университета. Наряду с этим, его зачисляют в штат Института востоковедения

АН СССР с 1930 года, где с 1934 года он становится старшим научным сотрудником вплоть до его ареста 30.09.1937 г. С 1934 года по 1937 год Н.А.Невский — еще и сотрудник Государственного Эрмитажа. В начале 30-х годов продолжает работу в области тангутоведения, начатую еще в 1925 г. Выпускает два учебных пособия (совместно с Е.М.Колпакчи, см.ниже): «Начальный учебник японского разговорного языка» (Л., 1933), «Японский язык» (Л., 1934).

Жене с дочерью Еленой разрешили приехать к нему только в 1933 году. Исо Мантани-Невская в Ленинграде стала преподавать японский в Ленинградском восточном институте и Ленинградском институте философии, литературы и истории. Однако ей пришлось разделить печальную участь мужа: ее арестовали через четыре дня после ареста мужа. Обвинена в «шпионаже» в пользу Японии и расстрелена 23.XI.1937 года, так и не успев даже освоить русский язык (см. 27: 252).

Их дочери Елене Николаевне пришлось испытать трудную судьбу. После ареста родителей ее приютил Н.И.Конрад. В этой связи Е.Н.Невская вспоминает: «Через четыре дня [после ареста отца] пришли за мамой. Она сразу попросила пригласить Н.И.Конрада, чтобы он взял дочь, но услышала в ответ: “Никаких Конрадов! Дочь будет отправлена в детдом”. Только после того, как мать упала в обморок, за Конрадом был послан дворник» (29: 529).

Власти лишили не только отечественное востоковедение замечательного ученого и педагога. До 1991 года скрывались как причины гибели (смерть из-за болезни, а не расстрел), так и время трагедии: в свидетельстве о смерти отца, как пишет Е.Н.Невская, указывалась дата — 13 февраля 1945 года, а матери — 12 декабря 1945 года (см. 29: 530). Оба они были расстреляны в один день — 24 ноября 1937 года. Родители Е.Н.Невской были реабилитированы в 1957 и 1958 годах соответственно.

В 1962 году постановлением комитета по Ленинским премиям от 22 апреля Н.А.Невскому была присуждена Ленинская премия (посмертно) за научный труд «Тангутская филология», опубликованный в 1960 г.

Еще в 1934 году учитель, наставник и старший товарищ Н.Невского академик В.М.Алексеев в Записке о предлагаемом к избранию в действительные члены АН СССР профессора Николая Александровича Невского писал: «... в лице Н.А.Невского мы имеем, во-первых, первого в СССР знатока японского языка и его диалектов, языка цоу, языка айнов, и тангутской письменности, и, кроме того, первоклассного китаиста; во-вторых, методологически зрелого исследователя научных этнографических и лингвистических (чаще всего соединенных порядком) проблем, весьма далекого от информационного показа; в-третьих, исследователя, изобилующего исключительным материалом ... мы, нижеподписавшиеся д. чл. Ак. наук СССР, как свидетель научной деятельности и научной квалификации

профессора Николая Александровича Невского, считаем своей обязанностью представить его в действительные члены АН СССР по востоковедению» (1: 87). К сожалению, этому избранию не суждено было свершиться.

В Японии помнят и чтят Н.А.Невского, ему посвящены многочисленные публикации. Упомяну только три из вышедших недавно: 1. «Нихондзин-то Росиаго. Росиаго-кёйку-но рэкиси» (Японцы и русский язык. История преподавания русского языка). Токио, Наука, 2000; 2. КАТЁ Кюдзо. «Никораи Нэфусуки-но сёгай-о мэгуттэ» (О жизненном пути Николая Невского). Токио, 2001; 3. Сост. ИКУТА Митико. «Сирё-га катару Нэфусуки» (Материалы, рассказывающие о Невском). Япония, Осацкий университет иностранных языков, 2003.

В 1915 году окончили университет (а годом раньше — Восточную практическую академию) два брата Орест Викторович (1892-1970) и Олег Викторович Плетнеры (1893-1929). Младший из братьев — Олег — оставил свой след в японоведении в основном в связи с его исследованиями истории Японии: его интересовали история эры Мэйдзи, аграрный вопрос в Японии, крестьянские восстания в эпоху позднего феодализма и т.д. Он стал профессором Петроградского университета в 1922 году. Ему иногда ошибочно приписывается перевод с японского, вступительная статья и примечания «Путевых заметок из Тоса» («Тосаникки») Ки-но Цураюки, опубликованный в 1935 году

и выполненный его старшим братом — Орестом (см. 15: 61; 28: 438). Олег же Плетнер не занимался классической японской литературой — о сфере его интересов свидетельствует и сохранившаяся его переписка с братом Орестом. Главный фундаментальный труд Олега Плетнера называется «Аграрный вопрос в Японии. Исследования и материалы» (Л., 1927). Эта книга переведена и на японский язык (Нихон-ни окэру ногё-мондай. Токио, 1931) (см.15: 61). Из работ по японскому языку осталась «Грамматика японского разговорного языка», написанная совместно с Е.Д.Поливановым (М., 1930).

Старший Плетнер — Орест Викторович — первый раз побывал в Японии еще в студенческие годы, в 1912 году, а также, по сведениям Л.Ермаковой, с 1916 года он, студент-дипломник, был прикреплен переводчиком-практикантом к Министерству иностранных дел и в этом качестве поехал в Токио (15: 56). Вернувшись в Петроград летом 1917 года, он сдал магистерские экзамены, после чего выехал вновь в Японию для работы в Посольстве России. Остался в Японии он и после революции, завершив дипломатическую карьеру в 1922 году (см.47: 399). В 1922-23 гг. Ор. Плетнер провел в Европе, побывав в Англии, Франции и Германии. В Англии он не только читал лекции по японскому языку в Школе востоковедения (The School of Oriental Studies) (см. 15: 57), но и сам слушал лекции у авторитетного специалиста в области фонетики Даниэла Джоунса (47: 399), публикует свою работу о

музыкальном ударе на английском языке. После европейского путешествия Ор. Плетнер снова оказался в Японии, где был зачислен в штат профессорско-преподавательского состава Осацкого училища иностранных языков (нынешний Осацкий университет иностранных языков), где трудился до 1939 года. (43: 109 и 172). С 1925 г. Ор. Плетнер начал преподавательскую деятельность и в училище иностранных языков г.Тэнри. По воспоминаниям его учеников той поры, занятия Пуу-сан (так звали его студенты Тэнри) вел в строгой манере, иногда поругивая и раздражаясь: «Вы что с неба свалились?», «Вы не имеете права молчать!» (43: 132).

Некоторое время Ор. Плетнер работал в университете Киото, где «преподавал... общую лингвистику, русский язык, фонетику французского языка, продолжал заниматься самыми разными лингвистическими проблемами и, прежде всего, фонетикой, которая оставалась его любимой дисциплиной» (15: 57); писал и публиковал учебные пособия и статьи.

В 1925 году Ор. Плетнер женился на японке ХАЯСИ Кику, а в 1926 году у них родилась дочь, которая живет, как сообщает Л.Ермакова, в доме отца в г.Кобэ.

С 1941 года по 1950 год семья уезжает в Аннам (Вьетнам) (в 47 ошибочно написано, что в Россию), откуда вновь возвращается в Японию, ведет увлекательные занятия и лекции в Осацком университете иностранных языков и в Университете Киото.

В 1968 г. профессор Плетнер был награжден японским орденом Культуры IV степени (47: 399). Скончался Ор.В.Плетнер в г.Кобэ, где и похоронен на кладбище для иностранцев — ведь он так и оставался лицом без японского гражданства до самой смерти.

С 1916 года, одновременно с Е.Д.Поливановым, к преподаванию на кафедре приступил Сергей Григорьевич Елисеев (1899-1975). Родился в семье крупного купца и предпринимателя С.С.Елисеева, владевшего Елисеевскими магазинами-гастрономами в Москве и Петербурге.

На выбор Сергеем будущей специальности повлияли два фактора. Еще «в возрасте 11 лет он с отцом приехал в Париж, где они остановились на вилле Neuilly... В то время в Париже проходила всемирная выставка. На ней впервые мальчик встретился с восточной цивилизацией и был ею очарован. Вторым импульсом, подогревшим его интерес к изучению Японии и ее культуры, послужила русско-японская война» (21: 25).

В 18-летнем возрасте Сергей Елисеев, окончив петербургскую немецкую гимназию с золотой медалью, отправился на учебу в Берлин. Проучившись только один год на Восточном отделении Берлинского университета, решил продолжить учебу в самой Японии. «Чтобы стать подлинным специалистом-японистом, русский юноша решает узнать ближе Страну Восходящего Солнца, получить в ней самой необходимую

научную подготовку, почувствовать сам “дух Ямато” ...» (37: 167).

С 1908 по 1912 год С.Г.Елисеев — студент Токийского Императорского университета (ныне Токийский университет), который «окончил со степенью кандидата словесности (бунгакуси). Он был первым европейцем, получившим высшее образование в Японии. Оставленный при университете, С.Г.Елисеев изучает творчество японского поэта Басё, в сферу его интересов входило также японское искусство» (5: 133). А.Н.Хохлов ошибочно пишет, что С.Г.Елисеев был оставлен с 1912 года в Петербургском университете (38: 206). На самом деле он поступил в аспирантуру Токийского Императорского университета, курс которой завершил в июне 1914 года (47: 61). В результате Сергей Григорьевич Елисеев пробыл в Японии с 1908 по 1914 год.

Вернувшись в Россию в 1914 г. (Хмелевский К. ошибочно считает, что в 1915 г., см. 37: 167), С.Елисеев женится в ноябре того же года (47: 13).

В марте-сентябре 1915 года сдает на ФВЯ магистерские экзамены, в ноябре читает пробные лекции «Басё и его произведения» и «Развитие книжного японского стиля». Начал преподавательскую деятельность с разговорного языка (грамматика и тексты) на I курсе, литературы Хэйанского периода на II курсе. Далее он ежегодно пополняет «репертуар» читаемых курсов и семинаров: введение в изучение японской литературы, история японской литературы, чтение современных

художественных текстов, грамматика письменного японского языка и т.д. (см. 5: 134).

Летом 1916 года (по мнению В.М.Алпатова — только в 1917 году, см. 3: 14) С.Г.Елисеев вторично побывал в Японии (37: 166; 47: 61). В этой связи К.Хмелевский пишет: «Его вновь и вновь влекла эта страна, ее культура, люди. Следующим летом рокового для России 1917 года он опять посетил Японию. В эти приезды Сергей Григорьевич встречался в Токио с Н.А.Невским... Больше друзьям встретиться не удалось...» (37: 166).

Кроме университета С.Г.Елисеев работал в Азиатском музее и сотрудничал с издательством «Всемирная литература». В рамках литературного проекта было осуществлено издание «Исэ-монологари», перевод которого блистательно выполнил 28-летний Н.И.Конрад в 1922 году. Сам же С.Г.Елисеев чуть раньше (в 1920 г.) подготовил и издал очерк японской литературы, о котором В.М.Алпатов отметил, что «столь концентрированного и содержательного очерка всей японской литературы у нас с тех пор так и не было» (3: 16). И далее: «Сейчас, при значительно более углубленном изучении отдельных авторов и эпох, наша японоведика уже не имеет таких энциклопедистов, какими были Н.И.Конрад и С.Г.Елисеев» (там же).

«Японская литература» С.Елисеева увидела свет, когда ее автора уже не было на родине — он с семьей тайно покинул Россию в сентябре 1920 года. Этому

предшествовал его арест 27 мая в 1919 году (а не в 1920 году, как пишет В.М.Алпатов, см. 3: 17). Вот что писал сам С.Г.Елисеев: «27 мая 1919 г. рано утром в 7 ч.утра мы были разбужены сильным стуком в дверь. Я вскочил в одной рубашке и сразу открыл дверь. Передо мной стоял какой-то комиссар с револьвером, жена председ. домового комитета и пять красноармейцев с винтовками... Когда он обошел все комнаты, он обратился ко мне и сказал: “Вы арестованы” - “За что? Ведь у меня ничего не нашли?”- спросил я. - “Не знаю, у меня есть распоряжение Вас арестовать...”» (14: 339). И далее в этом же его «Дневнике заложника красной России», опубликованном в Японии в 1921 г. на японском языке: «Не буду подробно описывать допроса, скажу только, что меня арестовали как Елисеева, как сына владельца магазина, и на вопрос: почему Вы нас арестовали — следователь мне сказал: “Чтобы расстрелять, потому что Вы заложники”» (14: 338 <-6->). Этот арест и общая обстановка в стране подтолкнули С.Г.Елисеева к осуществлению его плана действий — «нужно удирать» (см.: 330 <-14->). Вскоре с семьей он оказался в Париже, оставив позади Россию, Финляндию и Швецию.

В результате вынужденного побега С.Г.Елисеева отечественная наука лишилась многообещающего, талантливого ориенталиста-японоведа.

Находясь в положении эмигранта, С.Г.Елисеев устроился переводчиком в японское посольство в Париже. Затем становится сотрудником музея Гимэ, преподает

в Сорбонне (1921-32 гг.) и Школы живых восточных языков (1922-30 гг.). В 1932 году приглашен в США для чтения пробных лекций в Гарвардском университете, от которого он был командирован в ознакомительную поездку по христианским колледжам Китая. Тогда же вновь посетил Японию. В 1934-56 гг. директор Гарвардского института «Яньцзин» и профессор Гарвардского университета. За 23 года работы там создал крупнейший центр китаистики и японоведения (см. 27: 158). «Считается основоположником исследований Дальнего Востока в США, отцом американской японистики, иногда вообще — первым высококвалифицированным японистом на Западе. Значительная часть специалистов по Дальнему Востоку в США — ученики Елисеева или ученики его учеников» (там же). Один из его учеников Эдвин Рейшауэр впоследствии стал послом США в Японии в 1961-66 гг. В 1956 г. С.Г.Елисеев уходит в отставку с поста директора института Яньцзин, в 1957 — с должности профессора Гарвардского университета и уезжает в Париж. В 1969 г. японское правительство удостоило его ордена — Знака отличия II степени (47: 61).

После возвращения в Париж и до последних дней жизни читал лекции в Сорбонне. Умер С.Г.Елисеев 13 апреля 1975 года.

После исхода С.Г.Елисеева на Запад в СССР, прежде всего, благодаря деятельности Н.И.Конрада, сменившего его в Петроградском-Ленинградском университете, изучение японского языка, литературы, культуры и

истории не прервалось, и из стен Восточного факультета вышли прекрасные их ученики.

В 1923 году факультет восточных языков окончила Евгения Максимовна Колпакчи (1902-1952). В 1920-22 гг. посещала лекции на японском отделении ЛИЖВЯ. Вот часть краткой статьи о ней в «Люди и судьбы»: «Ученица Н.И.Конрада. Преподаватель в ЛИЖВЯ/ЛВИ (с 1924, с 1930 доцент) и ГИРК (1930-34), затем проф. ЛГУ (с 1936). В 1928 провела полгода в науч.командировке в Японии... Арестована 14 февраля 1938... Под следствием во внутр.тюрьме УНКВД ЛО до 1 февраля 1939, когда была освобождена, а уголовное дело прекращено. С 1942 науч.сотр. ИВ АН СССР. В 1946 защитила докт.дисс. “Древнеяпонский язык по памятникам эпохи Нара”. Тяжелая болезнь помешала ей осуществить обширные научные планы. Ряд работ Колпакчи был издан ее коллегами посмертно» (27: 210).

«Очерк “Строй японского языка” (Л., 1936) представлял собой первую в нашей японистике попытку описания японского языка для сопоставления этого языка с другими, выявления его специфических черт» (2: 101), рассматривая проблемы в широком грамматическом контексте.

Фундаментальный труд Е.М.Колпакчи «Очерки по истории японского языка. Т.1. Морфология глагола», вышедшая в свет в 1956 году, был высоко оценен специалистами: «Настоящая книга — первая большая

печатная работа по истории грамматического строя японского языка, выходящая на русском языке. Нет подобных работ и на других европейских языках» (17: 3). Свою работу «Морфология глагола» Е.М.Колпакчи рассматривала как начало масштабных исследований в этом направлении: «Морфология глагола» является лишь первым шагом на пути к этому» (17: 6).

Совместно с Н.А.Невским Е.М.Колпакчи опубликовала два учебника: «Начальный учебник японского разговорного языка» (Л., 1933) и «Японский язык. Начальный курс» (Л., 1934). Хочется отметить несколько экстремистский подход авторов учебника, проявленный при трактовке государственного языка, смешанного азбучно-иероглифического письма и т.д. Во Введении ко второму учебнику составители писали: «Всякий японский рабочий благодаря знанию “стандарта” в любой момент может переключиться на говор иного класса, когда к этому представится необходимость, и таким образом не нарушит тех правил традиционной “вежливости”, которые требуются всем укладом современной японской жизни, идущим от феодальной эпохи. Наоборот, советский студент, изучивший, скажем, только язык рабочего класса, проделать этого не сможет, и таким образом может сильно проиграть в глазах какого-нибудь японца из враждебного класса, с которым ему придется столкнуться». И далее: «Несмотря на все попытки демократизации письменности, все общества, ратующие за нее, влекут весьма жалкое существование, так как буржуазия пользуется иероглифи-

ческой письменностью как одним из орудий своего классового господства.

Переход японской нации на латиницу или другую какую-либо легкую систему письма окажется возможным лишь тогда, когда правящий класс, пользующийся настоящей письменностью как своим орудием, сойдет со сцены, т.е., другими словами, к этому может привести лишь пролетарская революция» (30: 04, 06, 07).

В истории нашей кафедры, на которой она преподавала с 1937 г., Е.М.Колпакчи осталась как крупный японовед — лингвист и историк языка. Пробовала себя Е.М.Колпакчи и как переводчик японской литературы: еще в подготовленном и изданном Н.И.Конрадом «Японская литература в образцах и очерках» в 1927 году ею выполнены переводы фрагментов из «Ямато-моноготари» и «Повести о Тайра» (19:161-172; 259-391). В Предисловии к этому изданию Н.И.Конрад писал: «Фактом более всего радующим и ободряющим составителя этой книги является участие в ней, в качестве переводчиков отдельных произведений, молодых японоведов ленинградской школы: А.Е.Глускиной, Е.М.Колпакчи, Е.Г.Крейцер, Н.И.Фельдман и Г.О.Монзенер. Слишком увеличившийся объем книги потребовал, к сожалению, отсечения новой литературы, что лишило возможности участвовать в общей работе А.А.Холодовича, подготовившего ряд переводов из сочинений К.Токутоми» (19: VII).

Далее речь пойдет и о тех, кто упомянут в этой цитате Н.И.Конрада в качестве «молодых японоведов ленинградской школы».

Анна Евгеньевна Глускина (1904-1994) — японовед-филолог и этнограф, окончила одновременно ЛИЖВЯ и японское отделение ЛГУ в 1925 году. С 1925 по 1933 год — научный сотрудник отдела ДВ МАЭ. В 1928 году находилась в девятимесячной командировке, собирая этнографические материалы для музейной коллекции, в то же время посещала лекции и занималась исследованием поэтической антологии «Манъёсю» в качестве вольнослушательницы императорского университета в Токио. В дальнейшем работала в должности зав.отделом Дальнего Востока МАЭ, преподавала в Ленинградском восточном институте (1932-1938 гг., доцент с 1935 г.), сотрудник Японского кабинета ИВ АН СССР. Занималась этнографией и религиоведением, японским театром, японской литературой. Еще в 30-е годы прошлого века начала работу над переводом и исследование «Манъёсю» и поэтического сборника «Хакунин-иссю» (Сто стихов ста поэтов) (см. 27: 120).

А.Е.Глускиной пришлось испытать на себе и разделить участь ее коллег в суровые 30-е годы: она была арестована 21 февраля 1938 г. На ее долю выпали необоснованное обвинение в сотрудничестве с японской разведкой и содержание во внутренней тюрьме Управления госбезопасности. Это продолжалось до 29 мая 1939 года, когда А.Е.Глускина была освобождена «в связи с прекращением дела» (см. там же).

Пережив эту трагедию, Анна Евгеньевна все же не рассталась с японоведением: защитила кандидатскую диссертацию по теме «Японские кагура» (1943 г.). После войны переехала в Москву, где преподавала в МИВ до 1950 года, став затем научным сотрудником ИВ АН СССР (Москва). В 1972 году защитила докторскую диссертацию, опубликовав в этот период трехтомный труд (перевод, вступительная статья и примечания) «Манъёсю» (М., 1971-1973 гг.). Скончалась А.Е.Глускина в 1994 году, оставив после себя большое наследие, связанное не только с японской поэзией, но и с изучением японского традиционного театра.

Лишь совсем коротко можно упомянуть о подавшей, видимо, неплохие надежды Екатерине Генриховне Крейцер (1904-1961). В 1922 году она поступила на этнолого-лингвистическое отделение Петроградского университета, где занималась японским языком. А в 1923 году стала студенткой 2-го курса ПИЖВЯ, который окончила в 1925 году. После некоторого периода работы в Петрограде переехала на работу переводчиком НКВД в Москву. Арестована в 1938 году и 17 ноября того же года осуждена «за шпионаж» на 8 лет лишения свободы. 7 октября 1944 года срок отбывания наказания сокращен до фактически отбытого. После освобождения работала переводчицей с японскими военнопленными. Жила в Москве и Красногорске, реабилитирована в 1989 году (см. 27: 222). В истории нашего японоведения, кроме ее

практической работы, остается лишь один перевод пьесы «Мацукадзэ» драматурга КАНЪАМИ Киёцугу, жившего в XIV в. (19: 392-412).

В число указанных Н.И.Конрадом (см.выше) молодых ленинградских японоведов той поры вошла Наталия Исаевна Фельдман (1903-1975). После окончания факультета общественных наук ЛГУ (1924 г.) и ЛИЖВЯ (1925 г.) Н.И.Фельдман получила в результате хорошую общелингвистическую и японоведческую подготовку. Вскоре в ее личной жизни происходит важная перемена — она — ученица Н.И.Конрада — стала и его женой. В 1934 году Н.И.Фельдман в течение одного учебного года читала на кафедре специальный курс японской пролетарской литературы, преподавала в ЛИФЛИ с 1931 по 1934 г. Проявила себя и как переводчик японской художественной литературы, и как автор лингвистических работ и пособий для преподавания японского языка (см. 34: 52).

«В отличие от других советских японистов Н.И.Фельдман не была связана с каким-либо научным или учебным центром... Деятельность Н.И.Фельдман четко делится на три этапа. До 40-х годов она работала в основном как литературовед и переводчик, основные ее публикации по вопросам японской грамматики относятся к 1944-1960 гг., в конце жизни она сосредоточилась на словарной работе и теории лексикографии» (2: 113).

После защиты диссертации на тему: «Послелогои в японском языке» Н.И.Фельдман становится кандидатом филологических наук, доктором наук она стала в 1972 году, два года спустя после защиты докторской диссертации «Вопросы японско-русской лексикографии».

Не будучи связанной с каким-либо японистическим заведением, Н.И.Фельдман активно работала в японистике и внесла важный вклад в отечественное японоведение.

Пробой переводческого пера, при этом вполне удачной, можно назвать переводы Глав VII-IX и хайку — лирических 17-сложных стихов — МАЦУО Басё, выполненные для «Японской литературы в образцах и очерках» (см.19) Георгием Оскаровичем Монзелером (1900-1959). Г.О.Монзелер получил, как теперь принято говорить, два высших образования: в 1924 году он окончил литературно-лингвистическое отделение, а в 1930 году — историко-лингвистический факультет ЛГУ. Работал зав.отделом ДВ МАЭ АН СССР (1924-1931), преподавал и был зав.отделом религии Востока ЛВИ (1933-1938).

Оставил после себя Г.О.Монзелер и ряд работ, связанных с китаеведением, был он причастен и к словарному делу: в 1944 году под его редакцией (совместно с Г.Г.Тумановым) вышел «Краткий японо-русский иероглифический словарь» (см. 28: 365-366).

Далее по «списку Конрада» следует Александр

Алексеевич Холодович (1906-1977), которого В.М.Алпатов называет «наиболее ярким из японистов, начинавших деятельность в 30-е годы» (2: 104).

Окончил А.А.Холодович факультет языка и материальной культуры ЛГУ в 1926 г. «Как и другие японисты его поколения, он был учеником Н.И.Конрада, однако шел самостоятельным путем» (там же). Для многих японистов наряду с «Синтаксисом японского национального литературного языка» Н.И.Конрада (М., 1937) «Синтаксис японского военного языка» А.А.Холодовича, вышедшей в том же 1937 году, служил и служит своего рода настольной книгой не только для преподавателей и тех учащихся, которые изучали и изучают японский язык, широкого круга читателей-японистов, но и для лиц, занимающихся вопросами общей лингвистики. Лингвистические взгляды, высказанные им же однажды не были для него некой догмой: А.А.Холодович «все время работал над развитием своей концепции. От многих положений “Синтаксиса...” он позднее отказался... Многие, однако, получили развитие и в последующих работах» (2: 108).

А.А.Холодович был не просто японоведом-лингвистом — в круг интересов ученого входили не только глубокое исследование грамматики японского языка, но и проблемы корейского языка, грамматическая теория и типология, синтаксис и семантика, история лингвистических учений и многое другое.

В 1938 году А.А.Холодович защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Синтаксис японского военного языка», в 1949 году — докторскую: «Очерки по строю японского языка». Доцент с 1947 года, профессор — с 1951 года.

В памяти студентов той поры, когда Александр Алексеевич активно преподавал на факультете, он остался как талантливым педагог.

Для характеристики состояния дел на японоведческом цикле в ЛГУ в 20-е, 30-е и 40-е годы приведем выдержку из статьи О.П.Петровой (1900-1993) «Кафедра японской филологии» :

«С ростом советского японоведения в течение первого десятилетия советской власти потребовалась специализация в различных областях его и выделение ряда дисциплин: истории и экономики Японии, философии, языкознания, литературоведения, искусствоведения и пр. Поэтому были созданы университетские курсы: 1) японского языка: а) систематическая грамматика, в дальнейшем в виде двух спецкурсов: грамматика современного японского языка и грамматика классического письменного литературного языка, б) диалектология; 2) истории японской литературы (общий курс), в дальнейшем с выделением специальных курсов: а) истории новой японской литературы и б) истории японской литературы XVII — середины XVIII вв.; 3) истории Японии (общий курс), а впоследствии и курс новейшей истории Японии.

Первым из учеников Н.И.Конрада приступил к чтению курса истории Японии на факультете Е.М.Жуков, ныне академик.

С 1932 г. общий курс истории Японии ведет Д.И.Гольдберг, ныне доктор исторических наук, профессор.

В области японского языкознания начал свою преподавательскую работу на кафедре в 1929 г. по возвращении из Японии проф. Н.А.Невский. Им были разработаны и прочитаны в течение ряда лет курсы исторической фонетики японского языка, диалектологии, токугавской классической литературы, представ-

ленной произведениями Ихара Сайкаку и Тикамацу Мондзаэмона, а также совместно с Е.М.Колпакчи составлен начальный курс японского языка для вузов.

В 1932 г. начал свою преподавательскую деятельность на кафедре воспитанник кафедры языковед А.А.Холодович, поставивший ряд курсов, как по грамматике старого японского письменного языка, так и по грамматике современного японского литературного языка. Результатом прочитанных А.А.Холодовичем курсов явилась напечатанная в 1935 г. на стеклографе “Грамматика (морфология — синтаксис) японского литературного языка”. В 1937 г. А.А.Холодович опубликовал “Синтаксис японского военного языка”, стремясь осветить вопросы синтаксиса письменного языка японской военной документации в плане теории синтагм. Это исследование было защищено им как кандидатская диссертация.

В 1933 г. после смерти преподавателя японца Ока Фумио его практикумы по живой речи японского языка приняла приехавшая из Владивостока О.П.Петрова (Соловьева) и вела их до эвакуации Университета в 1942 г.

В 1934 г. из общего курса истории японской литературы был выделен особый курс японской пролетарской литературы, который в течение одного учебного года читала Н.И.Фельдман. Переводчик японской художественной литературы. Ее перу принадлежит большое количество японоведческих лингвистических работ и ряд необходимых для преподавания японского языка пособий.

Курсы географии Японии, начиная с тридцатых годов, читал на кафедре старейший профессор-востоковед Н.В.Кюннер (1877-1955), энциклопедист в области востоковедения, написавший ряд трудов по географии стран Дальнего Востока, в том числе и курс физической географии Японии.

В 1937-1941 гг. отдельные курсы японского языка (соробун, публицистический стиль) читала Н.Г.Иваненко.

С 1937 г. приступила к чтению курсов древнего японского языка и истории японского языка Е.М.Колпакчи (1902-1952), воспитанница факультета, окончившая его в 1923 г. Она была крупным японоведом — лингвистом и историком языка. Ее теоретические обобщения строились на исключительном знании языковых фактов и истории японского языка. До 1937 г. Е.М.Колпакчи читала курсы в Ленинградском восточном институте, где ей в 1935 г. было присвоено звание профессора.

С 1933 г. канд. историч. наук Я.Б.Радуль-Затуловский подготовил и стал читать студентам японистам и китаистам курсы по истории философских течений в Японии и истории китайской философии. Это были первые курсы о философских учениях Дальнего Востока, начатые в стенах Университета после Октябрьской революции.

В 1934 г. были выделены как отдельные дисциплины “Основы иероглифической письменности” и практикум по каллиграфии, которые преподавал М.Ф.Хван. В 1936 г. М.Ф.Хваном была издана стеклографически “Идеография” (курс дальневосточной письменности) под редакцией и с предисловием проф. Ю.К.Щуцкого.

В 1939 г. Е.М.Пинус начала читать для студентов-японистов курс лекций по истории японской литературы.

Таким образом, ко времени Великой Отечественной войны кафедра имела значительные научные достижения с широким охватом японоведческих научных дисциплин, как в области языкознания, так и литературоведения, истории, идеологии. Продолжая традиции русской школы японоведения, живые представители которой передавали свои знания новому поколению советских японоведов, японоведение на кафедре выросло и окрепло на основе марксистско-ленинской методологии, но для дальнейшего роста его были необходимы новые формы организации, каковыми явились воссоздание восточного факультета, осуществленное после окончания Великой Отечественной войны.

Во время Отечественной войны. Университет из блокированного Ленинграда был эвакуирован в Саратов. В трудных условиях эвакуации японоведение на кафедре все же продолжало существовать. А.А.Холодович, возглавлявший кафедру с 1940 г., не только обеспечил чтение основных японоведческих курсов, но даже провел прием новых студентов. После реэвакуации Университета в Ленинград в 1944 г. был воссоздан восточный факультет, и это определило дальнейшее развитие японоведения в стенах факультета. На факультете вновь было восстановлено японское отделение, руководителем которого продолжал быть А.А.Холодович.

Основными дисциплинами, изучаемыми на всех курсах кафедры японской филологии, с 1949 г. являются японский язык в историческом аспекте его развития и тесно связанные с его изучением филологические курсы с чтением и филологическим анализом образцов японской литературы, начиная с новейшей и кончая памятниками древней и средневековой литературы. Вместе с

дополнительным восточным языком — китайским на японский язык отводится максимальное число часов в учебном плане. Курсы же истории Японии, географии Японии были переданы на вновь организованную в 1949 г. кафедру истории Дальнего Востока, возглавляемую проф. Г.В.Ефимовым.

Благодаря организации этой кафедры количество часов на преподавание общего курса истории Японии для студентов-филологов было значительно увеличено, вследствие чего они получают подробные сведения и по истории культуры Японии. Кафедра же японской филологии обеспечивает студентам-историкам все курсы японского языка и литературы в историческом аспекте их развития в связи с историей японского народа» (34: 52-54).

Автором выдержки из статьи о кафедре японской филологии в сборнике «Востоковедение в Ленинградском университете» (1960 г.) являлась Ольга Петровна Петрова, которая начала преподавать на кафедре с 1933 г. Вот что она писала в 1970-е годы о своем вхождении в круг ленинградских японоведов: «Я познакомилась с Н.А. (Николаем Александровичем. — примеч. наше) осенью 1932 г. в Ленинграде... Формальным поводом для знакомства было мое знание японского языка. Я преподавала русский язык во Владивостоке японским рабочим, законтрактованным на сезонную работу на рыболовецких судах в Советском Союзе. Разговаривая ежедневно по-японски, я приобрела некоторую беглость речи и наивно полагала, что хорошо владею языком. Так продолжалось до моего знакомства с Невским. Помню, как-то вечером я навестила больного Фумио ОКА и услышала, что он говорит с каким-то японцем. Но когда я вошла в комнату, то увидела его собеседника — им оказался русский, невысокий худощавый человек, который горячо и быстро говорил по-японски. Это был Николай Александрович Невский. Как

он говорил! С тех пор прошло почти сорок лет, но за все эти годы я не встретила ни одного иностранца, так красиво и с такими неподражаемыми чисто японскими интонациями, так литературно говорящего по-японски. Невский знал, что блестяще владеет языком, и всегда говорил со мной по-японски, хотя моя “японская речь” не могла не резать его слуха. Фумио ОКА с восторгом говорил: “Понимаете, у него не речь, а музыка для японского уха”.

В феврале 1933 г. я стала преподавателем японского языка в ЛИФЛИ» (33: 520-521).

В Ленинград О.П.Петрова прибыла издалека. Родилась она 6.VII.1900 г. в Иркутске. В 1925 году окончила факультет общественных наук Иркутского университета, затем преподавала на кафедре японского языка ДВГУ (1930-1932) (28: 429).

Уже работая на кафедре, она увлеклась проблемами японской лексики в ее историческом развитии. В 1947 г. О.П.Петрова «защитила первую в СССР кандидатскую диссертацию по японской лексике на тему “Японская военно-морская терминология (Историко-лексикологические очерки)”. В диссертации был представлен историко-лексикографический анализ этого лексикологического слоя в японском языке, была освещена история заимствований в области японской морской терминологии, раскрыт путь создания термина и процесс создания технической терминологии» (34: 51).

«В конце 40-х годов центр японоведения в нашей

стране переместился в Москву. Однако в первые послевоенные годы исследования в области японского языкознания велись и в Ленинграде..., где работали Е.М.Колпакчи и О.П.Петрова. Кафедру японской филологии возглавлял А.А.Холодович... Помимо докторских диссертаций Е.М.Колпакчи и А.А.Холодовича была подготовлена кандидатская диссертация О.П.Петровой, посвященная военно-морской терминологии...» (2: 146).

С 50-х годов в Ленинграде практически сошли на нет исследования по японскому языку. В 1952 г. скончалась Е.М.Колпакчи, О.П.Петрова занялась описанием японских рукописей, хранящихся в фондах ЛО ИВ АН, заведывая одновременно кафедрой японской филологии с 1953 г. до конца 50-х, А.А.Холодович, активно работая над исследованиями в области языкознания, мало печатал работ, связанных напрямую с японским языком (см. 2: 147).

В 1962 г. О.П.Петрова издала текст, написала историко-лингвистическое предисловие к русско-японскому «Лексикону» Андрея Татаринова, созданного не позже 1782 г. в Иркутске. А.Татаринов, он же Самбати, полуяпонец, сын одного из кораблекрушенцев — Санноскэ, занесенных к 5-му Курильскому острову 16 мая 1745 г.

Во Введении к «Лексикону» О.П.Петрова отмечает, что он, вероятно, был составлен как пособие для учеников Иркутской школы, изучавших японский язык. Составление же этого первого в России русско-японского словаря «было поручено Андрею Татаринову, как наиболее

подготовленному, слышавшему этот язык от отца с детства» (32: 11).

О.П.Петрова уделяла внимание освещению истории кафедры. Ее перу принадлежит и статья, цитировавшаяся выше. А другая — «Кафедра японской филологии Ленинградского государственного университета в ее историческом развитии» издана в переводе на японский язык в 1965 г. в Токио.

В упоминавшейся выше статье О.П.Петровой «Японская кафедра» сказано: «На кафедре появились также новые литературоведческие исследования. В 1946 г. Е.М.Пинус защитила кандидатскую диссертацию на тему “Пейзажная лирика Токутоми Рока, классика новой японской литературы”» (34: 52).

Евгения Михайловна Пинус (1914-1984) окончила филологический факультет ЛГУ в 1939 г. Ниже хотелось бы привести еще одну выдержку из предваряющей издание работы Е.М.Пинус «Кодзики — Записи о деяниях древности» (10: 5,6) краткой памятной статьи, написанной одним из ее учеников В.Н.Гореглядом.

«Более 40 лет преподавала она в Ленинградском государственном университете: заведовала кафедрой японской филологии, читала курс лекций по истории японской литературы, вела со студентами семинары по переводу художественных текстов — древнейших и современных.

Научные интересы Е.М.Пинус были очень широкими — от древних мифов до новейшей литературы.

Свою кандидатскую диссертацию она посвятила творчеству японского писателя Токутоми Рока (1868-1927) и в 1978 г. издала сборник его переводов. Одновременно Евгения Михайловна серьезно занималась переводами новелл Ихара Сайкаку (1642-1693), писателя другой эпохи, другого стиля, иных художественных концепций. В 1959 г. вместе с В.Н.Марковой она опубликовала сборник произведений Сайкаку и написала к нему предисловие. В 1974 г. с предисловием Е.М.Пинус вышел еще один сборник новелл этого автора, переведенных на русский язык несколькими переводчиками, в том числе и Евгенией Михайловной (цикл «Пять женщин, предавшихся любви»).

Уже тогда, на рубеже 70-х гг., ее занимала мифология древней Японии. Как ведущий специалист и заведующий кафедрой (эту должность Евгения Михайловна занимала в 1960-1982 гг.) она руководила созданием «Краткой истории литературы Японии» (ЛГУ, 1975); к тому времени перевод и филологическое исследование — «Записей о деяниях древности» уже были завершены.

Работа над этим памятником велась Е.М.Пинус в рамках диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Сразу же после защиты диссертации в 1972 г. Евгения Михайловна намеревалась опубликовать этот перевод в издательстве «Наука», но болезнь не позволила переводчице довести работу над комментарием до того уровня, который бы ее полностью удовлетворил.» (10: 5,6).

После небольшой технической доработки этот труд «Кодзики» (Кн. 1-я. Мифы) в ее переводе и с ее комментариями был выпущен в свет в 1994 году, в год, когда Е.М.Пинус исполнилось бы девяносто лет.

Соавтором Е.М.Пинус В.Н.Горегляд упомянул Веру Николаевну Маркову (1907-1995), которая была «старшим товарищем» для Е.М.Пинус и по возрасту, и по учебе (в 1933 г. она окончила восточное отделение ЛИЛИ), и по переводческой и литературоведческой деятельности. В.Н.Маркова была переводчицей художественной японской литературы от Бога: от стихов Басё (XVIII в.) до ИСИКАВА Такубоку (конец XIX - начало XX в.), от детских сказок и волшебных повестей, от новелл ИХАРА Сайкаку (XVII в.) до драм ТИКАМАЦУ Мондзаэмона (втор.пол. XVII — начало XVIII в.) и «Записок у изголовья» Сэй Сёнагон (X в.).

После окончания института В.Н.Маркова довольно скоро перебралась из Ленинграда в Москву, где некоторое время преподавала в МИВ (1939-1954) и ИВЯ при МГУ (1956-1958) (см. 28: 716,717). Впоследствии В.Н.Маркова трудилась дома. С 1958 г. она — член Союза писателей СССР. Прекрасные переводы из японской литературы разных эпох, мастерски выполненные ею, как будто вдохнули в эти произведения новую жизнь — жизнь на русском языке.

Еще одним из соавторов Е.М.Пинус была Генриетта Германовна Иммерман (1906-1982) — японовед-филолог, переводчик художественной литературы. Ген-

риетта Германовна окончила ЛИЖВЯ в 1927 году. Преподавала в ЛИЖВЯ / ЛВИ (1927-1935) и ЛИФЛИ. С 1936 года была секретарем Японского кабинета ИВ АН СССР, работала под руководством Н.И.Конрада.

Г.Г.Иммерман арестована 11 марта 1938 года по обвинению, что она якобы намеревалась взорвать Кировский (ныне вновь Троицкий) мост вместе с японцем, при котором состояла переводчицей. Осуждена 8 мая 1938 года на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, освобождена из лагеря на Колыме 11 марта 1948 года. До 16 апреля 1955 года оставалась на спецпоселении в Хабаровском крае (поселок Адыгалах). После освобождения жила в Ленинграде, занималась переводом художественной литературы с японского языка, которым начала заниматься еще в 1929 году, когда перевела роман «Любовь глупца» Танидзаки Дзюньитиро (М., 1929, с предисловием Н.И.Конрада). Позднее переводила рассказы Таяма Катай, в 1958 году опубликовала в двух книгах перевод произведения Токунага Сунао «Тихие горы», выполнив его совместно с Е.М.Пинус и И.Львовой [И.Л.Иоффе] (Л., 1958), в 1960 году — перевод романа Сата Инэко «Пока не угаснет пламя» (М., 1960) (см. 27: 180, 181).

Ирина Львовна Иоффе (псевдоним: Львова) (1915-1989) начинала свой японоведческий путь в одной группе с Е.М.Пинус, т.е. в ЛИФЛИ, а после его расформирования на филфаке ЛГУ. Они вместе слушали лекции, учились языку, дружили. Из воспоминаний И.Л.Иоффе приведем выдержку из интервью, взятого у нее

В.Дунаевым в 1969 году и опубликованную в одном из журналов «Япония сегодня»:

«В одной группе со мной училась Евгения Пинус...

Были у нас хорошие педагоги. Заведовал кафедрой Н.И.Конрад, человек крупного масштаба, который, к сожалению, лишь недолгое время преподавал нашей группе. Разговорный вела Ольга Петровна Петрова, но научил меня японскому языку Александр Алексеевич Холодович — мой главный учитель.

В то время Холодовичу было 28 лет. Большой чудак, но очень способный человек, исключительно талантливый педагог. На старших курсах преподавала Евгения Максимовна Колпакчи...

Николай Александрович Невский. Нам он казался большим чудачком. С ним мы читали книги Ихара Сайкаку... Это был феноменальный ученый и человек. Интеллигент до мозга костей...

Я здесь опущу несколько лет, тяжелых для меня, и перейду сразу к 1943 году, когда я поступила в аспирантуру Московского института востоковедения. Моим руководителем был Конрад. Тема диссертации по литературе — творчество Хигути Итиё».

Будучи студенткой 5 курса, Ирина Иоффе была арестована 11 марта 1938 года, по версии следствия, как агент иностранной разведки. По одной из версий из-за того, что она высказывалась в защиту Н.А.Невского, говоря, что он не мог быть шпионом, по другой — из-за того, что студентки И.Иоффе и Е.Пинус ходят для дополнительных занятий в общежитие к преподавателю-японцу, о чем и донес один из сокурсников (27: 184).

Освобождена Ирина Львовна из лагеря в бухте Нагаево Дальневосточного края 23 января 1942 года, после чего уже не вернулась в Ленинград. В 1944 году окончила МИВ, где, завершив обучение в аспирантуре, защитила кандидатскую диссертацию в 1949 году на

тему «Творчество Хигути Итиё». Преподавала и заведовала кафедрой литератур в ВИИЯ (1946-1956 гг.), ИВЯ при МГУ (с 1960 г.). Опубликовала много переводов, в том числе совместно с В.Н.Марковой и Е.М.Пинус, а также раздел «Японская литература» в «Литература Востока в средние века» (Ч.1. М., 1970; совм. с Е.М.Пинус) (см. 27: 184; 28: 229).

В 30-е годы в ряды японоведов вошла Раиса Григорьевна Карлина (1910-1968 гг.). Востоковедное образование Раиса Григорьевна получила в ЛИФЛИ, где училась с 1929 по 1932 г. Одной из соучениц Карлиной была Е.М.Пинус. Совершенствовала свои знания в японском языке, занимаясь с Н.И.Фельдман. Несколько лет работала переводчицей с японского языка. Во время войны была эвакуирована в Ташкент, где, как пишет Ю.А.Кроль, ей «посчастливилось учиться у Евгении Максимовны Колпакчи, расширяя свои познания в японском языке под ее руководством». В аспирантуре ИВ АН (1944-1947) ее руководителем был Н.И.Конрад. Она исследовала вопросы, связанные с японским литературоведением и историей японской литературы, и защитила в 1950 году диссертацию на тему «Роман Фтабатэя “Плывущее облако” и романы Гончарова и Тургенева. (Влияние русской художественной литературы и философско-критической мысли XIX в. на процесс возникновения и становления реалистического направления в новой японской литературе)» (13: 201). Кроме того, в ее переводе вышла повесть «Мальчуган» Нацумэ Сосэки (М., 1956). Она некоторое время

трудоустроилась в ЛО ИВАН, а затем и на Восточном факультете, при котором был организован Восточный научно-исследовательский институт ЛГУ, где проработала до его закрытия в 1950 г. Далее ее японистическая жизнь складывалась трагически: разовые заработки, невозможность устроиться на работу по специальности, слабое здоровье, подорванное блокадой. Скончалась Р.Г.Карлина 18 июня 1968 г., не дожив до 60 лет. (Подробнее о ее жизни и деятельности см. в журнале «Восток» № 5 за 1998 г. статью Ю.Л.Кроля).

В первые послевоенные годы кафедру окончили: Л.В.Зенина (1947 г. окончания), Д.П.Бугаева и Г.Д.Иванова (1949 г.), А.А.Бабинцев и М.В.Воробьев (1950 г.), Г.Н.Максимова (выпуск 1951 г.). Мы упоминаем здесь только тех выпускников этих лет, которые впоследствии были связаны с японистической деятельностью на факультете, кафедре и в ЛО ИВАН.

Так, Любовь Васильевна (р.1920 г.), получив базисное филологическое образование на кафедре японской филологии, увлеклась в дальнейшем исторической проблематикой. В 1952 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Начало японской агрессии против Китая (70-90-е годы XIX столетия)» и стала кандидатом исторических наук. В последующие годы читала студентам японской кафедры лекции по географии, этнографии и истории Японии, в настоящее время продолжает активно трудиться на кафедре истории стран Дальнего Востока. Преподавала в Восточном институте.

Дагмара Павловна Бугаева (1925-2000) после окончания курса обучения на кафедре была оставлена в аспирантуре факультета, где тоже начала заниматься японской историей. В результате она защищала диссертационную работу «Крестьянские движения в Японии во второй половине XVIII — первой половине XIX века» в 1953 году и стала кандидатом исторических наук. В 1960 году О.П.Петрова писала: «На обязанностях кафедры лежит также — преподавание основного курса японского языка студентам кафедры истории стран Дальнего Востока. Канд.историч.наук Д.П.Бугаева ведет основные курсы японского языка для студентов-историков» (34: 55). В 1958 году совместно с А.А.Бабинцевым опубликовала перевод с японского СИКИСАКА Ицуру «Современные японские мыслители».

В 60-е годы Д.П.Бугаева наряду с чтением исторических текстов со студентами-историками преподает перевод с русского языка на японской кафедре (в 70-е годы совместно и с японскими преподавателями-русистами Осацкого государственного университета, командированными в ЛГУ), читает лекции по курсу «Введение в японскую филологию», ведет семинар по японской прессе для японистов-филологов, а также чтение художественных текстов.

В «Краткой истории литературы Японии», вышедшей в ЛГУ в 1975 году, Дагмарой Павловной был написан раздел — «Литература нового времени: Ранний этап».

В 1978 году Д.П.Бугаева опубликовала монографию «Японские публицисты конца XIX века» (М., Наука), а в 1987 году она защитила докторскую диссертацию по теме «Развитие японской критики и документальной литературы на рубеже XIX-XX вв.: творчество ТАОКА Рэйуна», в том же году ею опубликована еще одна монография «Таока Рэйун — японский критик и писатель-документалист» (Л., ЛГУ). Почти до самых последних лет жизни Д.П.Бугаева состояла профессором японской филологии.

В один с Д.П.Бугаевой год (1949) кафедру японской филологии окончила Галина Дмитриевна Иванова (1927-1999) и сразу же поступила в аспирантуру ИВ АН СССР. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Котоку Дзиндзиро как публицист. (К истории прогрессивной японской публицистики начала XX в.)» в 1953 году и стала ассистентом кафедры. «Она вела практикумы живой речи японского языка и прочитала спецкурсы: “Демократические писатели послевоенной Японии” и “Творчество современного прогрессивного писателя Исикава Тацудзо”» (34: 55).

С 1959 года Г.Д.Иванова — научный сотрудник ЛО ИВ АН, в том же году она опубликовала монографию «Котоку — революционер и литератор» (М., 1959).

В 60-е годы прошлого века Г.Д.Иванова совместно с О.П.Петровой и В.Н.Гореглядом принимала участие в проекте «Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг» (Вып. II. Филология. М., 1964).

Одну из своих монографий — «Дело об оскорблении трона» (М., 1972) — Г.Д.Иванова посвятила демократическому движению в Японии в 90-х годах XIX в. В упоминавшейся выше коллективной работе «Краткая история литературы Японии» (Л., 1975) ею написаны разделы, связанные с литературой нового и новейшего времени. В 60-70-е годы Г.Д.Иванова публикует некоторые переводы художественных произведений в сборниках «Современная восточная новелла», в 1982 году — большую монографию «Мори Огай», помещая в Приложении несколько переводов его произведений. Переводы произведений Мори Огай, выполненные Галиной Дмитриевной, опубликованы также в книге: «Мори Огай. Дикий гусь. Танцовщица и Симадаки Тосон. Нарушенный завет» (М., 1990; перевод «Нарушенного завета» опубликован в переводе Н.И.Фельдман).

Перу Г.Д.Ивановой принадлежит вступительная статья «Мори Огай и его время» в книге переводов произведений этого же писателя: «Мори Огай. Избранные произведения» (СПб., 2002), увидевшей свет после того, как Г.Д.Ивановой уже с нами не стало.

За несколько лет до кончины Г.Д.Иванова опубликовала монографию «Русские в Японии XIX — начала XX в.» (М., 1993), которая вызвала живой интерес.

Последним в ее жизни публичным выступлением был доклад на тему: «Сиракаба — литературное объединение и журнал (1910-1923 гг.)», прочитанный в СПбГУ в

дни празднования 100-летия кафедры японской филологии.

В 1950 году кафедру японской филологии одновременно окончили А.А.Бабинцев и М.В.Воробьев. Первый из них — Андрей Андреевич Бабинцев (1920-1983) — в том же году стал преподавателем кафедры, читая лекционные курсы по грамматике современного японского языка и грамматике старого японского литературного языка, одновременно с этим ведя семинарские занятия по переводу с русского на японский язык, реферированию японской прессы, чтению японских научных текстов. Он же в те годы преподавал японский язык, как второй восточный, на кафедре китайской и корейской филологии (см.34: 55). Участвовал А.А.Бабинцев и выполненных им его коллегами переводных сборниках серии «Современная восточная новелла» как переводчик художественных произведений, а также вместе с Д.П.Бугаевой перевел с японского монографию СИКИСАКА Ицура «Современные японские мыслители» (М., 1958).

А.А.Бабинцев продолжил работу по описанию истории становления кафедры, начатую О.П.Петровой, выдержки из статьи которой мы тоже использовали, и опубликовал статью «Из истории русского японоведения» (5: 124-137). В указанной статье А.А.Бабинцев существенно расширил хронологические рамки своего описания, ввел в оборот важные архивные сведения. Эта статья часто цитируется в последующих работах японоведов, связанных с исторической ретроспективой отечествен-

ного японоведения.

Оставил после себя А.А.Бабинцев еще одну замечательную статью «Книги — посланники дружбы», напечатанную в малотиражной газете «Ленинградский университет» (от 8 апреля 1983 года) на развороте 6 и 7 страниц. Статья была приурочена к 100-летию так называемого Фонда Арисугава (см. выше), хранящегося и поныне в Восточной библиотеке. Работе над этим фондом А.А.Бабинцев в свое время отдал много сил и времени. Занимался А.А.Бабинцев немного и переводом японских художественных произведений.

Как уже было сказано, вместе с А.А.Бабинцевым в 1950 году факультет окончил Михаил Васильевич Воробьев (1922-1995) и уже в 1953 году стал кандидатом исторических наук, защитив диссертацию на тему «Каменный век стран Японского моря». С 1954 по 1965 год являлся научным сотрудником ЛО Института археологии (Института истории материальной культуры), а затем до конца жизни — ЛО ИВ АН. В 1972 году М.В.Воробьев защищает докторскую диссертацию на тему «Чжурчжени и государство Цзинь», с 1973 года работает в должности старшего, а с 1986 года — ведущего научного сотрудника. Знания корейского и китайского языков позволяли ему работать с источниками, написанными на этих языках, и заниматься не только проблемами, касающимися истории Японии (см. 23: 669-671).

«Для чтения спецкурсов кафедрой привлекаются, — писала О.П.Петрова, — специалисты из других науч-

ных учреждений. Так, в 1956 и 1957 гг. спецкурс «Культура Японии» читал канд.историч.наук М.В.Воробьев, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР» (34: 56). В 70-е годы по приглашению Е.М.Пинус М.В.Воробьев читал на кафедре спецкурс «История материальной культуры Японии».

Приведем еще одну выдержку из статьи О.П.Петровой, в которой говорится о состоянии дел на кафедре в 50-е годы:

«В сентябре 1956 г. кафедре, наконец, удалось восстановить традицию преподавания живой речи японского языка преподавателем-японцем. Кисида Ясумаса — японский поэт и литературный критик, пользующийся известностью в Японии, приступил к преподаванию разговорного практикума на всех курсах. Кроме того, впервые в истории советского японоведения им читается лекционный курс по послевоенной прогрессивной японской литературе студентам V курса на японском языке.

Все усилия кафедры в последние годы были направлены на составление учебников и учебных пособий. Членами кафедры были составлены следующие учебники и учебные пособия: О.П.Петровой и Я.Кисида «Начальный курс японского языка», О.П.Петровой «Учебник камбуна для IV курса», Е.М.Пинус «Очерки по истории древней и средневековой литературы, ч. I», А.А.Бабинцевым «Хрестоматия газетных текстов», Д.П.Бугаевой «Хрестоматия исторических текстов для студентов III и IV курсов», Г.Д.Ивановой «Хрестоматия образцов японской послевоенной прогрессивной литературы».

Научная проблематика, над которой работают японоведы кафедры, разнообразна. Специалист по японской философии, проф. Я.Б.Радуть-Затуловский работает над историей изучения марксизма в Японии; доц. О.П.Петрова — над историко-лексикологическим исследованием «Очерки по истории японской лексики»; доц. Е.М.Пинус — над историей японской литературы, имея в виду подготовить полное учебное пособие по истории японской литературы древнего и феодального периода; доц. Кисида Ясумаса — над исследованием проблем японской после-

военной прогрессивной литературы; асс. Д.П.Бугаева — над вопросами истории развития общественной мысли в Японии в конце XIX в.; асс. А.А.Бабинцев имеет исследовательскую тему в области новой, самой молодой отрасли науки — машинном переводе...

В 60-е годы в состав кафедры вошла Галина Николаевна Максимова (р.1927), выпускница 1951 года. К педагогической деятельности Г.Н.Максимова приступила в тот период, когда кафедрой японской филологии стала заведовать Е.М.Пинус. Плодотворной работе в аспирантуре Г.Н.Максимовой помешали большая учебно-педагогическая, общественная занятость, а также семейные обстоятельства. А преподавала Г.Н.Максимова много: это и японская пресса, и разговорный японский, и практикум по последовательному переводу и другие аспекты японского языка. Ею был подготовлен лекционный курс, связанный с темой ее исследовательских интересов — «Литература Японии послевоенного периода». Читался этот курс вплоть до ухода Г.Н.Максимовой на пенсию в 1990 году. Соответствующий раздел в «Краткой истории литературы Японии» также был написан ею же. Пробовала она себя и как переводчик художественных произведений японских авторов (см., например, НАКАМУРА Синьбитиро «Далекое прошлое» // В кн.: «Красная лягушка». М., 1973).

Много в своей японистической жизни Г.Н.Максимова проработала в качестве переводчика с японскими делегациями, пребывавшими в СССР по профсоюзной линии, Общества «СССР-Япония» и др., а также с советски-

ми делегациями, круизами, театрами и т.д., выезжавшими в Японию.

В 1955 году вышли из стен факультета Лидия Львовна Громковская (1933-1993), Виктория Теодоровна Дашкевич (р.1932).

Лидия Львовна стала научным сотрудником ЛО ИВАН с 1960 года, защитила кандидатскую диссертацию по теме «Основные тенденции прозаического творчества Накано Сигэхару» (1970 г.); пробовала себя в художественном переводе (см., например, переводы произведений НАКАНО Сигэхару «Юность, прощай!» - В кн.: Пляшущий мужчина. М., 1970; Д.Ёсиоки. «Неожиданное происшествие» - В кн.: Японская новелла. 1960-1970. М., 1972).

Неоценимый вклад Л.Л.Громковская внесла в изучение наследия Н.А.Невского и публикацию его трудов: она стала составителем его «Айнского фольклора» (М., 1972), «Фольклора островов Мияко» (М., 1978) и переиздания «Материалов по говорам языка цоу» (М., 1981).

Жизненный и творческий путь Невского достаточно хорошо описан Л.Л.Громковской в соавторстве с Евгением Ивановичем Кычановым в книге «Николай Александрович Невский» (М., 1978), а также в написанной ею статье «Великий филолог» в «Петербургском востоковедении» (11: 243-251), увидевшей свет уже после ее кончины.

Оставила после себя Л.Л.Громковская и очень основательную монографию «Токутоми Рока. Отшель-

ник из Касуя» (М., 1983), посвященную одному из известнейших писателей Японии, которого уважительно называли «маленьким Толстым».

Виктория Теодоровна Дашкевич, соученица Л.Л.Громковской, избрала другой путь в японоведении: основным научным интересом ее стало изучение декоративно-прикладного искусства Японии, ее живописи. Являясь научным сотрудником Государственного Эрмитажа, читала в 1970-е годы спецкурс на кафедре (точнее — в самом Эрмитаже), основанный на японской коллекции в нем. В настоящее время проживает в США.

В 1956 году кафедру японской филологии окончил, пожалуй, самый яркий филолог-японовец послевоенного Ленинграда-Петербурга — Владислав Никанорович Горегляд (1932-2002).

С 1951 года его жизнь и деятельность были самым тесным образом связаны с петербургским японоведением, с Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета (ЛГУ), студентом которого он был с 1951 по 1956 г. и где с 1974 г. преподавал на кафедре японской филологии, которую впоследствии возглавлял с 1982 по 2002 г.

Научно-исследовательская деятельность на разных этапах жизни В.Н.Горегляда была связана с решением многотрудных задач в широком спектре японоведения: описание рукописно-ксилографического фонда ИВ, исследование рукописи нач. XIX в. «Канкай Ибун» («Удивительные сведения об окружающих морях»), изучение

и работа над научным комментарием и переводом памятника средневековой японской литературы «Цурэ-дзурэгуса» («Записки от скуки») Кэнко-хоси, научный анализ памятников дневниковой литературы, написанных в Японии в X-XIII вв., изучение генезиса, взаимосвязи и динамики развития жанров литературных памятников тех веков, перевод и комментирование «Кагэро-никки» («Дневника эфемерной жизни») Митицуна-но хаха и памятника самурайского эпоса «Хогэн моногатару» («Сказание о годах Хогэн»), жизнеописание одного из «36 гениев японской поэзии» Ки-но Цураюки, систематизированное изучение истории японской литературы VIII-XVI вв., разыскания в области истории отечественного японоведения, а также российско-японских связей и т.д.

В течение более четверти века (28 лет) В.Н.Горегляд делился своими знаниями со студентами кафедры японской филологии и кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ (ЛГУ). С 1974 г. Владислав Никанорович начал читать курс лекций «История японского буддизма», не читавшийся на кафедре более 50 лет. В последующие годы проф. Горегляд читал курсы лекций и вел семинарские занятия на кафедре по «Истории рукописной книги в Японии», «Японские классические тексты», «Японская скоропись» и «История древней и средневековой японской литературы». Он руководил студенческими курсовыми и дипломными сочинениями, выступал рецензентом, руководил работой соискателей ученой степени. С 1982 г.

в течение почти 20 лет он занимал должность заведующего кафедрой.

В 1986 г. В.Н.Горегляд стал лауреатом японской премии Ямагата Банто, вручаемой ученым за вклад в распространение японской культуры и литературы за пределами Японии. В.Н.Горегляд вошел в пятерку первых ученых в мире, удостоенных этой премии.

В бюллетене информационного отдела Посольства Японии в РФ за № 17 (май, июнь 1997 г.) можно прочитать: «29 апреля 1997 года Правительство Японии от имени Его Величества императора Японии обнародовало решение о награждении гражданина Российской Федерации Горегляда Владислава Никаноровича Орденом Восходящего Солнца с Золотыми Лучами и Розеткой.... Высокая награда присуждена г-ну Горегляду за вклад в дело воспитания нового поколения российских японистов, а также развития добрососедских отношений между Японией и Россией».

Церемония награждения орденом состоялась 22 мая 1997 г. в Генеральном Консульстве Японии в Санкт-Петербурге.

Последней его прижизненной публикацией В.Н.Горегляда был доклад и материалы к докладу «Японские моряки в России в эпоху изоляции Японии». Доклад и его публикация были осуществлены на японском языке в Нитибункэн (Международный центр исследования японской культуры, г. Киото). Доклад состоялся 16 ноября 1999 г., а опубликован он был 26 июля 2001 г.

К следующему поколению японистов Ленинграда — Петербурга относится Ирина Исаевна Басс (р.1940) И.И.Басс получила как корееведческое, так и японистическое образование, окончив Восточный факультет и аспирантуру в 1969 году. В аспирантуре Ирина Исаевна занималась под руководством А.А.Холодовича.

В конце 60-х годов и начале 70-х Ирина Исаевна преподавала на кафедре на почасовой основе, руководила курсовыми работами студентов, выступала в качестве оппонента. В 1971 году принялась за преподавание японского языка в стенах Института культуры (ныне Университет культуры и искусств), где она занимает должность заведующей кафедрой иностранных языков.

В 1973 году ею была защищена кандидатская диссертация на тему «Семантика глаголов движения в современном японском языке». Спецкурс с таким же названием был прочитан в 1974/75 учебном году для студентов-филологов нашей кафедры, в конце 90-х была приглашена для чтения лекций в рамках курса «Теоретическая грамматика японского языка». В 2005 году И.И.Басс была приглашена для работы в Государственной экзаменационной комиссии на восточный факультет СПбГУ в качестве председателя по программе магистратуры «Языки народов Азии и Африки».

В 2004 году И.И.Басс опубликовала фундаментальную монографию «Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста» (СПб., 2004), в которой подробно рассмотрены и сфокусированы важные

грамматические вопросы сквозь призму текста, его организации и структуры. Исследование Ирины Исаевны является пионерским в нашем японоведении. Эта работа появилась почти полвека спустя после публикации последних крупных лингвистических работ, написанных японистами, жившими и творившими в нашем городе.

В 1966 году кафедру японской филологии окончил Константин Оганесович Саркисов (р. 1942 г.). Окончив аспирантуру в Москве, защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук (1974). С 1969 года был принят в штат научных сотрудников ИВ АН СССР, где прошел путь до заместителя директора института. Работал и в штате Посольства СССР в Японии, был председателем Ассоциации японоведов России. В последние годы является профессором японского университета Яманаси-гакуин, где преподает историю России, ведет курсы по российско-японским отношениям. В 1975 году опубликовал монографию «Япония и Организация Объединенных Наций» (М., «Наука»).

В начале 70-х годов на кафедре был оставлен для преподавательской деятельности Борис Петрович Редькин. Он вел практические занятия по иероглифике, прессе и т.д. В 1972 году по линии Минвуза был командирован в Осацкий университет иностранных языков в качестве преподавателя русского языка. Однако в 1974 году, покинув родину, эмигрировал не без участия американских спецслужб, отправившись непосредствен-

но из Японии в США при содействии американского Посольства после его заявления о предоставлении ему «политического убежища».

Один из его сокурсников — Марк Гершевич Певзнер — также оказался в те же годы в США, но он прошел другой, по сравнению с Б.П.Редькиным, путь к эмиграции. На кафедре в те же годы он преподавал на почасовой основе (в основном японский язык как второй восточный), руководил курсовыми и дипломными работами студентов, начал печатать свои первые переводы произведений японских писателей МИЯДЗАВА Кэндзи, ЯСУОКА Сётаро, КИТА Морио. Работал на кинофестивалях японских фильмов в качестве синхронного переводчика. Однако неустроенность и материальные проблемы вынудили М.Г.Певзнера эмигрировать в США.

Вместе с Редькиным и Певзнером окончила факультет и Людмила Александровна Холодович (дочь А.А.Холодовича). После окончания университета вышла замуж за болгарина и уехала в Болгарию, где в настоящее время продолжает работать в Софийском университете. В 1981 году защитила на нашем факультете кандидатскую диссертацию по теме «Акутагава Рюноскэ и традиции русской классической прозы (К вопросу о психологической прозе)».

Одновременно с Л.А.Холодович кафедру окончил Георгий Георгиевич Свиридов (1948-1997). Выпускник Восточного факультета впоследствии становится сотруд-

ником АО ИВ АН СССР, его ученым секретарем. Некоторое время в 70-е годы руководил студенческими работами на кафедре японской филологии. Защитив кандидатскую диссертацию по японской средневековой прозе СЭЦУВА, опубликовал по этой же теме монографию «Японская средневековая проза СЭЦУВА (структура и образ)» (М., 1981). В 1987 году был опубликован том с его переводами с японского «Японские писатели о Стране Советов» (Л., Лениздат, 1987).

С 1991 года по линии Японского Фонда Г.Г.Свиридов находился в Японии в научной командировке, во время которой у него наступило обострение болезни почек. В результате, как им же сказано в газете «Асахи» (3.IV.1993, вечерний выпуск), сложилась ситуация — «домой хочу, но и жить хочу», «хочу вернуться в Россию, но если вернусь, то умру». Продолжал лечение, исследовательскую, переводческую и преподавательскую деятельность, но все же, не дожив до 50 лет, скончался в конце декабря 1997 года в г.Киото. Домой вернулся в гробу.

В 70-е годы в штат кафедры вошли Н.В.Смирнова и В.В.Рыбин.

Наталия Викторовна Смирнова (р. 1953) — выпускница 1975 года — сразу после окончания факультета приступила к преподавательской деятельности на кафедре, вела и ведет в основном занятия по японской письменности, чтение художественных текстов, семинары по японской прессе. Читает лекции по истории японской

литературы, которой занималась и в студенческие годы и когда стала соискателем ученой степени. В 1986 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Творчество ТАЯМА Катай и японский натурализм». В 1992 и 2000 годах получала гранты Японского Фонда, по линии которого была командирована в краткосрочные командировки в Международный центр японского языка (г. Китаурава). Являясь доцентом кафедры, ведет специальные курсы и для магистрантов («Теория художественного перевода»).

Виктор Викторович Рыбин (р. 1948), окончив факультет вместе с Н.В.Смирновой, начал преподавать на кафедре с 1977 года. Проводил занятия по различным аспектам японского языка, включая «Вводный фонетический курс» и «Грамматика старояпонского языка». В рамках исследовательской программы занимался изучением звукового строя японского языка с применением экспериментально-фонетических методов и в 1986 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Слог в японском языке». С 1990 года — доцент кафедры, 28 февраля 2005 года избран на должность заведующего кафедрой. В течение ряда лет был заместителем декана по учебной работе на восточном факультете. Трудолюбие и педагогический дар вывели В.В.Рыбина в ряды лучших преподавателей Восточного факультета, ему была присуждена премия за педагогическое мастерство (Из приказа по ЛГУ). В 2004 г. награжден Почетной грамотой Министерства высшего образования РФ, а в 2007 г. — Грамотой министра иностранных дел Японии

за вклад в углубление российско-японских отношений.

В 1988-89 гг. — стипендиат Японского Фонда, продолжил исследования по японской фонетике — соотношение музыкального ударения и интонации, поставив большой эксперимент в Токийском университете.

В 1992-1993 гг. преподавал русский язык на Хоккайдо по приглашению Общества «Япония — Евразия», до этого более 10 лет преподавал японским стажерам перевод с русского на японский и с японского на русский на Факультете русского языка как иностранного. В 1995 году осенью находился в кратковременной командировке в Осацком муниципальном университете, в 2003-2004 гг. по приглашению Международного центра исследований японской культуры (г. Киото) являлся иностранным научным сотрудником.

По линии Японского Фонда читал лекции в Ташкентском институте востоковедения (декабрь 2002 — март 2003).

Участник международного форума «ИДЗУМИ Кёка глазами иностранцев» (Канадзава, 1992), международного симпозиума, посвященного 20-летию Центра лингвистических исследований Канагавского университета (Иокогама, 1994), Северо-Западной международной научной сессии (СПб., 1998), V и VI-й международных конференций по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (СПб., 1999 и 2001), 9-й, 10-й и 11-й Международных конференций Европейской Ассоциации японоведов (Лахти, Финлян-

дия, 2000; Варшава, Польша, 2003; Вена, Австрия, 2005), XXXVI-го Международного Конгресса востоковедов (ICANAS) (Монреаль, Канада, 2000).

Работал переводчиком на международных выставках, с японскими и российскими делегациями как в России, так и в Японии. Работал координатором-переводчиком на съемках телепрограмм для японского телевидения, касающихся истории русско-японских отношений, истории и культурных достопримечательностей нашего города.

Имеет более 40 публикаций на русском, английском и японском языках, один из соавторов монографии «Ударение и тон в языке и речевой деятельности» (совм. с В.Б.Касевичем и Е.М.Шабельниковой, Л., 1990), один из составителей «Краткого японско-русского словаря для переводчиков научно-технической литературы» (совм. с Л.Ф.Витушкиным и Н.К.Витушкиной, СПб., 1997). Опубликовал на японском языке в 2004 году брошюру «Неведомый УТАМАРО: поэтико-грамматический анализ стихов шуточного поэтического турнира птиц» (Киото, Япония) и эссе, тоже на японском языке, «Красный черт, купающийся в Голубой реке — реке с быстрым течением (О чем говорят японские имена?)» (Киото, Япония, 2004).

В июне 2004 года выступил на Форуме в г.Киото с докладом «Неведомый Утамаро...» и с публичной лекцией «300 лет изучения японского языка в Санкт-Петербурге» (сентябрь 2004 г.) в Международном центре

исследований японской культуры.

В.В.Рыбин читает лекции и ведет практические занятия со студентами кафедры, занимается с магистрантами кафедры, руководит работой аспирантов и соискателей ученой степени.

В 1983 году на кафедру был принят в штат Юрий Васильевич Козлов (р. 1950), окончивший факультет раньше Н.В.Смирновой и В.В.Рыбина (в 1972 г.) и который до этого преподавал японский язык на химическом факультете ЛГУ, а также на кафедре математической лингвистики филологического факультета. Когда Ю.В.Козлов стал очным аспирантом, занятия на химфаке и филфаке пришлось вести вместо него В.В.Рыбину.

Сразу после окончания факультета, в начале 70-х годов Ю.В.Козлов работал в качестве переводчика на строительстве химкомбината в Северодонецке.

Видимо, работа, связанная с техническим переводом, и на химическом факультете, а также на кафедре математической лингвистики, где уделяется большое внимание и словарному делу, определила и выбор диссертационного исследования Ю.В.Козлова — в 1983 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Проблемы отбора научных терминов в общие японско-русские словари (на примере химической терминологии)».

На кафедре Ю.В.Козлов вел занятия в основном по учебным текстам и систематической грамматике, чте-

ние художественных текстов, по современному японскому рукописно-эпистолярному жанру. Преподавал также в Восточном институте, на специальном восточном факультете и в Университете Профсоюзов.

В 1989-90 гг. был стипендиатом Японского Фонда, а в 1997-2000 гг. находился в заграничной командировке сначала в Чешской Республике в университете Палацког (г.Оломоуц), а затем в университете г.Нагоя (Япония) в качестве «приглашенного иностранного исследователя» Министерства образования Японии как русист.

В течение многих лет являлся ученым секретарем Ученого совета Восточного факультета и является ученым секретарем Диссертационного совета. Награжден Почетной грамотой Министерства образования РФ. В настоящее время с кафедры уволился и принят вновь в штат преподавателей филологического факультета СПбГУ.

В конце 70-х годов кафедру окончили две выпускницы Ирина Витальевна Мельникова и Татьяна Нимаевна Цоктоева. Обе стали аспирантками Е.М.Пинус, на них она возлагала большие надежды, видя в них продолжательниц литературоведческой традиции, сложившейся еще в ту пору, когда Н.И.Конрад трудился на кафедре.

В 1983 году И.В.Мельникова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Становление жанра “ЁМИХОН” в японской литературе XVIII века и произведения ТАКЭБЭ Аятари “Повесть Западных гор” (Нисияма Моноготари)».

Одновременно с И.В.Мельниковой кандидатскую диссертацию на тему «ФТАБАТЕЙ Симэй — переводчик русской литературы (переводы произведений И.С.Тургенева на японский язык» защитила Т.Н.Цоктоева.

Несколько лет после завершения аспирантуры и защиты диссертаций обе соученицы начали свою преподавательскую работу, успели побывать в Японии по линии Японского Фонда.

Впоследствии Т.Н.Цоктоева оставила японоведческое поприще, переехав с семьей в Москву, а И.В.Мельникова, отправившись в очередную командировку в Японию, неоднократно продлевала ее и в результате подала заявление об окончательном уходе с факультета. В настоящее время продолжает преподавать русский язык в одном из известнейших университетов Японии — университете Досися, став в нем профессором-русистом.

В 1994 году И.В.Мельниковой опубликован перевод, предисловие и комментарии одного из литературных памятников Японии первой половины XIX века «Тамэнага Сюнсуй. Сливовый календарь любви (сюнсёку умэгоёми)» (СПб., 1994, «Петербургское востоковедение»), а в 1999 году — памятник дневниковой литературы Японии XI века «Сарасина Никки. Одинокая луна в Сарасина» (СПб., «Гиперион»). В 2003 году приняла участие в 10-й Международной конференции Ассоциации японоведов европейских стран в Варшаве (Польша), выступив с докладом «Конструирование экранного образа идеального партнера».

В середине 80-х годов факультет окончила Мария Владимировна Торопыгина. В аспирантуре училась под руководством В.Н.Горегяда и под его же руководством подготовила и защитила в 1988 году кандидатскую диссертацию на тему «Повесть о Ёсицунэ» и ее роль в японской средневековой литературе». В 1994 году в переводе на русский язык с предисловием и комментариями М.В.Торопыгиной вышла книга «Гэндзи-обезьяна: японские рассказы XIV-XVI вв. — отоги-дзоси» (СПб., 1994). В 1998 году Мария Торопыгина опубликовала «Комментированный каталог книжной коллекции Арисугава в С.-Петербургском университете» с предисловием на английском языке (Токио, «Бэнсэйся»), продолжив и завершив тем самым труд АНДО Кэнскэ, Р.Г.Карлиной и А.А.Бабинцева. В 2001 году Мария Торопыгина опубликовала, составленный ею 1-й том «Хрестоматии по истории японской литературы» (СПб., «Гиперион»), снабдив его краткими грамматическими и историко-литературными пояснениями. В 2003 году М.В.Торопыгина опубликовала еще один перевод с предисловием в данном случае романа XII века «Торикаэбая-моноготари, или Путаница» (СПб., «Гиперион»).

Итак, как видно, 80-е годы прошлого XX века ознаменованы некоторым всплеском японистических исследований, проводимых как сотрудниками и аспирантами кафедры, так и ее выпускниками, или теми, кто учился японскому языку у преподавателей кафедры. Ограничимся кратким перечислением защищенных в этот период диссертаций с некоторыми добавлениями:

1. Холодович Л.А. «Акутагава Рюноске и традиции русской классической прозы (К вопросу о психологической прозе). Л., 1981. (В настоящее время доцент Софийского государственного университета, где работает на Восточном факультете с 70-х годов вместе с болгарскими выпускницами Восточного факультета 1973 и 1975 гг.).
2. Цветков Н.Б. «Современная японская историческая мысль и проблемы революции 1925-1927 годов в Китае». Л., 1982. (Автор этого исследования не только учился японскому языку у преподавателей кафедры, но и сам преподавал историю ее студентам).
3. Мельникова И.В. «Становление жанра "ЁМИХОН" в японской литературе XVIII века и произведения ТАКЭБЭ Аятари "Повесть Западных гор" (Нисияма Моногатари, 1768)». Л., 1983.
4. Цоктоева Т.Н. «ФТАБАТЕЙ Симэй – переводчик русской литературы (переводы произведений И.С.Тургенева на японский язык)». Л., 1983.
5. Козлов Ю.В. «Проблемы отбора научных терминов в общие японско-русские словари (на примере химической терминологии)». Л., 1983.
6. Рыбин В.В. «Слог в японском языке». Л., 1986.
7. Смирнова Н.В. «Творчество ТАЯМА Катай и японский натурализм». Л., 1986.
8. Бугаева Д.П. (докторская диссертация) «Развитие японской критики и документальной литературы на рубеже XIX-XX вв.: творчество ТАОКА Рэйун». Л., 1987.
9. Вовин В. «Язык японской прозы второй половины XI века». Л., 1987.

Автор диссертационного исследования (Вовин В.) обучался японскому языку на кафедре математической лингвистики у Ю.В.Козлова и В.В.Рыбина. Теперь он уже давно профессор Гавайского университета в Маноа, в 2003 году опубликовал подробную «Справочную грамматику классической японской прозы» (на англ. яз.)

(Лондон, Нью-Йорк, 2003), в 1993 г. осуществил реконструкцию прото-айнского языка.

10. Торопыгина М.В. «Повесть о Ёсицунэ» и ее роль в японской средневековой литературе». Л., 1988.

Ни в одно из предыдущих, да уже пока, пожалуй, и последующих десятилетий, история кафедры не знала такого «диссертационного бума».

В разные годы в работе кафедры помогали и помогают: Валентина Александровна Калинина (выпуск 1973, вела спецкурс по «Детской японской литературе», руководила студенческими курсовыми работами, уже более 10 лет заместитель директора школы № 583, где она же впервые в нашем городе организовала преподавание японского языка школьникам); Галина Анатольевна Рыбина (Антонова) (выпускница 1969 года кафедры истории стран Дальнего Востока, вела спецсеминар «Чтение художественных текстов», разговорный практикум и этикет речи для слушателей восточного факультета, получающих второе высшее образование, много лет преподавала на вечерних курсах гидов-переводчиков ВАО «Интурист», которые окончили многие восточники); Наталья Андреевна Маслова (выпускница 1983 года, вела семинарские занятия, руководила курсовыми работами студентов, в настоящее время руководит работой японской кафедры в Восточном институте); Алексей Михайлович Боголюбов, канд.ист.наук (выпускник 1981 года, читает спецкурс по истории материальной культуры на III курсе на примере японской коллекции Эрмитажа, главным хранителем которой он

является); Александр Юрьевич Синецун, канд.ист.наук, старший научн.сотрудник МАЭ (выпускник 1985 года кафедры китайской филологии, автор большой монографии «Самураи – рыцари Страны Восходящего Солнца. История, традиции, оружие». (СПб., «Паритет», 2001), ведет спецкурс «Японские коллекции Кунсткамеры».

В настоящее время на кафедре работают:

1. Виктор Викторович Рыбин – заведующий кафедрой (с 28 февраля 2005) кандидат филологических наук, доцент;
2. Наталья Викторовна Смирнова – кандидат филологических наук, доцент;
3. Ибрахим Инга Самировна (р. 1975) – кандидат филологических наук, ассистент. (Диссертация на тему «Интонационные способы выражения эмоциональной информации в японском языке (экспериментально-фонетическое исследование с использованием компьютерного синтеза речи)» (на япон. языке) защищена в Японии, в Осацком государственном университете в марте 2005 года. И.С.Ибрахим – выпускница кафедры 1997 года, была аспиранткой В.В.Рыбина в 1997-1998 гг., отчислена в связи с длительной заграничной командировкой в Японию, где являлась стипендиатом Министерства образования Японии с 1998 по 2004 год);
4. Наталья Константиновна Снежкова (р. 1946) – старший преподаватель. (Окончила факультет в 1971 году по корейскому отделению, принята лаборантом на кафедру с 1971 года, с 1979 года 14 лет преподавала японский язык на факультете повышения квалификации при ЛГУ, в 90-е годы стала преподавать японский как второй восточный язык на факультете, руководит курсовыми работами, частично продолжая выполнять обязанности лаборанта кафедры);
5. Игорь Валерьевич Павлов (р. 1967) – ассистент. (Выпускник 1991 года). Читает лекции по истории литературы Японии, ведет занятия по различным аспектам японского языка. Готовит диссертационное исследование по японской женской литературе, имеет опубликованные на японском языке букле-

ты о С.-Петербурге. Опубликовано его статья «Женский поток, или литература женского сообщества в Японии»);

7. Лиала Юрьевна Хронопуло (р.1981) – ассистент (бывшая аспирантка В.В.Рыбин, досрочно защитившая канд.диссертацию в 2007 г.) Выполняет большую педагогическую нагрузку и лаборантские обязанности. (В 2002 году с отличием окончила курс бакалавриата, в 2004 году – магистратуру. Подготовила диссертационную работу, касающуюся семантико-грамматических особенностей японского императива. Имеет ряд публикаций, участница ряда конференций, в том числе международных. Получала грант Японского Фонда и находилась в краткосрочной командировке в Международном Кансайском центре изучения японского языка осенью 2005 г.);
- 8.Татьяна Николаевна Кудоярова (р.1980) – соискатель ученой степени на кафедре. (Окончила бакалавриат в 2002 году, магистратуру – в 2004 году, осенью того же года по гранту Японского Фонда была в краткосрочной командировке в Международном Кансайском центре изучения японского языка. Занимается словообразовательными процессами в неологизмах современного японского языка, имеет публикации по исследуемой теме на русском и японском языках. Вела занятия по различным аспектам японского языка. В настоящее время в длительной командировке в Японии).

На протяжении последних нескольких лет на кафедре ведет занятия по разговорному японскому языку АРАКАВА Ёсико, бывшая аспирантка филологического факультета, защитившая канд. диссертацию по русистике и являющаяся в настоящее время доцентом.

Выпускники кафедры последних десятилетий прошлого века работают в разных областях японоведения в разных городах России и за ее пределами. Начнем по старшинству. В 1972 году кафедру окончила студентка из Болгарии Дора (Тодорка Минчева) Барова. После окончания ЛГУ прошла стажировку в Университете Токай (Япония). С 1989 года по 1997 год преподавала в Софийском университете на японском отделении

японский язык и теорию перевода, 1993-1997 гг. — профессор-почасовик Нового Болгарского университета. Много раз бывала в Японии по различным программам. Публиковала статьи по японской литературе и культуре в Болгарии. Имеет ряд опубликованных переводов из японской художественной литературы таких известных авторов, как Нацумэ Сосэки, Кавабата Ясунари, Акутагава Рюноскэ, Мисима Юкио и т.д. В настоящее время работает экспертом в Болгарско-Американской комиссии образовательных обменов Фулбрайта.

В одной группе с Н.В.Смирновой и В.В.Рыбиным училась болгарка Бойка Цигова (Элитова), в 1975 году окончила ЛГУ и вернулась на родину, где на протяжении всех этих лет занималась и занимается научно-педагогической деятельностью. В настоящее время доктор филологических наук, профессор и зав. кафедрой Восточной Азии Софийского университета. Кандидатская диссертация Б.Циговой (1991 г.) была посвящена проблемам эстетических принципов театра Но в свете трактата “Фусикадэн” ДЗЭАМИ Мотокиё, докторская диссертация по теме «Поэтика Дзэн» была защищена в 2003 году. С осени 2002 года по сентябрь 2003 года была приглашена Международным центром исследований японской культуры (г.Киото) в качестве иностранного сотрудника-исследователя. Там же ею опубликована на японском языке большая статья, связанная с представлениями болгар о японской культуре, в солидном журнале этого Центра — «Нихон кэнкё» (2004 г., январь, № 28, сс.377-390). В целом Бойка Цигова

имеет более 50 публикаций в своем багаже на болгарском, английском и японском языках.

В 1985 г. кафедру окончили два талантливых выпускника, один с Украины, другой из Эстонии — Андрей Накорчевский и Рейн Рауд. Еще в студенческие годы Накорчевский увлекся как изучением системы традиционных японских верований, известных под единым названием Синто (дословно ‘путь богов’), так и японским буддизмом, работая над своими исследованиями под руководством В.Н.Горегяда. В 1989 году он окончил аспирантуру Института философии РАН в Москве и защитил кандидатскую диссертацию по теме «Религиозно-философское учение Иппэна». Ныне профессор Университета Кэйо (Токио, Япония). Не так давно опубликовал две небольшие книги: «Синто» (СПб., 2000 г.) и «Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и изотерика)» (СПб., 2004 г.). На 10-й Международной конференции Европейской ассоциации японоведов (Варшава, 2003 г.) выступил с докладом на тему «Развитие традиции паломничества в Японии».

Научные интересы Рейна Рауда были изначально связаны с японской классической литературой и, главным образом, с поэзией. Своими главными учителями на кафедре он считает Е.М.Пинус и В.Н.Горегяда, о чем и написал в благодарственной записке, предваряющей его монографию «Роль поэзии в классической японской литературе», изданную в Эстонии на английском языке (Таллин, 1994 г.). Р.Рауд состоял профессо-

ром в Эстонском гуманитарном институте и Хельсинском университете, входил в руководство Европейской ассоциации японоведов, является координатором подсекции «Филосовские идеи и поздне-хэйанская литература», на которой сам выступил с докладом на упомянутой выше 10-й Международной конференции Европейской ассоциации японоведов на тему «Любовная поэзия монахов». В настоящее время — ректор Таллиннского университета.

В 1987 году завершил свое обучение на кафедре еще один очень способный и трудолюбивый выпускник — Игорь Гарри. После окончания факультета трудился в г. Улан-Удэ: с.н.с. отдела философии и религиоведения Института Монголоведения, буддологии и тибетологии (Улан-Удэ) и и.о. доцента кафедры дальневосточной филологии Восточного факультета Бурятского государственного университета. В настоящее время находится в длительной командировке в Японии.

И. Гарри в 2000 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Дзэнский Путь Догэна», а в 2003 году опубликовал монографию, посвященную дзэн-буддийскому мирозерцанию Эйхэй Догэна (1200-1253) (М., Восточная литература). Имеет ряд публикаций по буддийской тематике, а также переводы как со старояпонского, так и современного японского языка.

К своему 110-летию Кафедра японской филологии подходит в обновленном составе, преобразуясь в Кафедру японоведения. Сотрудники кафедры полны

творческих планов, готовы не только сохранить, но и преумножить традиции, заложенные нашими учителями.

Список использованной литературы

На русском языке:

1. Алексеев В.М. Наука о Востоке: Статьи и документы. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. - 535с.
2. Алпатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. - 192 с
3. Алпатов В.М. Сергей Григорьевич Елисеев // С.Г. Елисеев и мировое японоведение: Материалы международной научной конференции. — М.: Издательская фирма “Япония сегодня”, 2000. - с.197-241
4. Алпатов В.М. Предисловие // Конрад Н.И. Неопубликованные работы и письма. — М.: Росспэн, 1996. - с.3-12
5. Бабинцев А.А. Из истории русского японоведения // Японская филология. — М.: Изд-во МГУ, 1968. - с.124-137
6. Бабинцев А.А. Книги — посланники дружбы // Газета “Ленинградский Университет”, №13, 1983. - с.6-7
7. Библиография Японии: Литература, изданная в России с 1734 по 1917 г. Сост.: В.С. Гривнин, Н.Ф. Лещенко, М.В. Сутягина. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. - 380 с
8. Горегляд В.Н. Доуниверситетское японоведение в России XIX века // Востоковедение. — Вып.21: Филологические исследования. — СПб., 1999. - с.166-175
9. Горегляд В.Н. Россия и Япония. От знакомства к изучению // Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX — начала XX века.: Несколько портретов. — М.: Наука. Восточная литература, 1993. - с.5-20
10. Горегляд В.Н. Памяти Евгении Михайловны Пинус // Пинус

- Е.М. Кодзики — Записки о делах древности. — СПб.: “Шар”, 1994. - с.5-6
11. Громковская Л.Л. Великий филолог // Петербургское востоковедение. — Вып.8.- 1996.- с.243-251
 12. Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. — 216 с
 13. Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина Государственном Университете имени А.А. Жданова в 1934-1954 гг. (библиографический указатель). — Л.: Издательство Ленинградского университета , 1955. - 256 с
 14. Елисеев С.Н. Дневники заложника красной России // Бибуриа, №103, Издательство Университета Тэнри (Япония). 1995.- с.144-344
 15. Ермакова Л.М. О.В.Плетнер и его корреспонденты // Знакомьтесь, Япония, №34. — М., 2002. - с. 56-62
 16. Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX — начала XX в.: Несколько портретов. — М.: Наука, Восточная литература, 1993. — 170 с
 17. Колпакчи Е.М. Очерки по истории японского языка. Т.1. Морфология японского глагола. — М.- Л.: Издательство Академии Наук, 1956. - 236 с
 18. Конрад Н.И. Неопубликованные работы и письма. — М.: Росспэн, 1996. - 544 с
 19. Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. - 552 с
 20. Костылев В.Я. Предисловие // Русско-японский словарь разговорного языка. — СПб.: Типография В.Д.Смирнова, 1914. - с.3-43
 21. КУРАТА Ясуо. О жизненном пути Сергея Елисеева // С.Г. Елисеев и мировое японоведение: Материалы международной

- научной конференции. — М.: Издательская фирма “Япония сегодня”, 2000. - с.197-241
22. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. — 348 с
23. Кычанов Е.И. Михаил Васильевич Воробьев // In Memoriam: Петербургское востоковедение. — Вып.8. — 1996. - с.669-672
24. Леонтьев А.А. Е.Д. Поливанов и его вклад в общее языкознание. — М.: Наука, 1983. - 80 с
25. Лещенко Н.Ф. Опальный профессор (Д.М. Позднеев) 1865-1937 // Российские востоковеды: Страницы памяти. — М.: Издательский дом ” Муравей “, 1998. - с.7-28
26. Лещенко Н.Ф. Унесенные ветром в Россию // Япония. Путь кисти и меча. - №2. — М., 2002. - с.12-14
27. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917-1991). Сост.: Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. - 496 с
28. Милибанд С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1977. - 768 с
29. Невская Е.Н. О родителях // Петербургское востоковедение. - Вып.8. - 1996. - с.525-550
30. Невский Н.А., Колпакчи Е.М. Японский язык. Начальный курс. — Л.: Издание Ленинградского Восточного института, 1934. - 232 с
31. Невский Н.А. Краткий отчет о занятиях в Японии с 1-го декабря 1915-го по 1-е декабря 1916-го года, представленный Императорскому Петроградскому Университету // Петербургское востоковедение. - Вып.8. - 1996. - с.255-264
32. Петрова О.П. Введение // “Лексикон” русско-японский Андрея Татаринова. — М.: Издательство восточной литературы. 1962. - с.3-26
33. Петрова О.П. Вспоминая Невского // Петербургское восто-

коведение. - Вып.8.- 1996.- с.520-524

34. Петрова О.П. Кафедра японской филологии // Востоковедение в Ленинградском университете. — Вып.13: Серия востоковедческих наук. — Л., 1960. - с.45-57
35. Рифтин Б.А. У народа цоу. Через 64 года после Н.А. Невского // Петербургское востоковедение. - Вып.8.- 1996. - с.551-561
36. Тамазиашвили А.О. Николай Конрад: обращение к будущему? // Российские востоковеды: Страницы памяти. — М.: Издательский дом “Муравей”, 1998. - с.63-105
37. Хмелевский К. Послесловие // Елисеев С.Г. Дневники заложника красной России // Бибуриа, №103. Издательство Университета Тэнри (Япония), 1995. - с.159-168
38. Хохлов А.Н. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов) // С.Г. Елисеев и мировое японоведение: Материалы международной научной конференции. — М.: Издательская фирма “Япония сегодня”, 2000. - с.197-241

На японском языке:

39. Горэгурядо V.N. Сакоку дзидай-но Росиа-ни окэру Нихон суйфутати (Горегляд В.Н. Японские моряки в России в период Эдо). — Киото: Нитибункэн, 2001.
40. КАТŌ Кюдзо. Никорай Нэфусуки-но сёгай-о мэгуттэ (О жизненном пути Николая Невского). — Токио: “Айхануму”, Изд-во Университета То:кай, 2001.
41. МУРАЯМА Ситиро. Предисловие // Син-сурав-нихонго дзитэн (Новый лексикон славено-японский). — Токио, 1985.
42. Никорай Нэфусуки-ибунсё <2> (Письма Конрада в адрес Невского), — Сост. Тэнри тосёкан. Бибуриа, №56, 1975.
43. Нишпондзин то Росиаго, Росиаго кёйку-но рэкиси (Японцы и русский язык. История преподавания русского языка). — Токио: Изд-во Наука, 2000.

44. Нихон дзиммэй дайджитэн (Большой словарь японских имен и фамилий). Сост. УЭДА Масааки и др., изд-во Коданся, Токио, 2001.
45. Нихон то Росиа — Соно дзимбуцу ко:рю:-но сокусэки (Япония и Россия — свидетельства взаимоотношений между людьми двух стран). “Русская культура” Серия ознакомительных семинаров 20, Изд-во Хоккайдского Дома Японо-советской дружбы и культуры. — Саппоро, 1989.
46. Поривāнофу Е.Д. Нихонго кэнкю̄ (Поливанов Е.Д. Исследования по японскому языку). Сост., пер. МУРАЯМА Ситирō. Изд-во кобундō — Токио, 1976.
47. Райнити сэйē дзиммэй дзитэн (Словарь имен и фамилий иностранцев пребывавших в Японии). Сост.: ТАКЭУТИ Хироси. Изд-во: Нитигаи асосиэцу — Токио, 1995.
48. Сирē- га катару Нэфусуки (Материалы, рассказывающие о Невском). Сост.: ИКУТА Митико. Изд-во Осацкого университета иностранных языков — Осака, 2003.
49. Тогоругина Мариа V. Санкуто Пэтэрубуругу Дайгаку Арисугава корэкусэн кайсэцу мокуроку (Торопыгина М.В. Каталог с описанием коллекции Арисугава из Санкт-Петербургского университета). Изд-во: Бэнсэйся. — Токио, 1998.

Зенина Л.В.

Н.И.Конрад – глава российской школы японоведения

При определении значения эпохи истории необходимо каждое время оценивать с точки зрения того, что оно, это время, принесло с собой новое: содействовало ли дальнейшему продвижению или нет¹.

Моему поколению выпало величайшее счастье учиться, быть современниками и, некоторым, даже работать на восстановленном в 1944 г. восточном факультете СПбГУ (тогда ЛГУ) с корифеями востоковедной науки. В годовщину 110-летия кафедры японской филологии уместно вспомнить имена выдающихся ученых-востоковедов, формировавших наше научное мышление, отношение к специальности, профессиональную подготовку. В составе факультета трудились академики всех востоковедных специальностей: С.А.Козин – монголист, В.А.Алексеев – китаист, В.В.Струве и Б.Б.Пиотровский – историки Древнего Востока, И.А.Орбели – историк Ближнего Востока и кавказовед, А.П.Баранников – индолог, Н.И.Конрад и Е.М.Жуков – японисты, И.Ю. Крачковский – арабист, А.Н.Кононов – тюрколог. Все они покинули этот мир. И сейчас трудятся ныне здравствующие академики – иранисты М.Н.Боголюбов и И.М.Стеблин-Каменский.

¹ Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972 г.

Три характерные черты отличают их облик. Подвижническое служение и преданность избранной в науке стезе. Изучение источников, как первоосновы исследования. Просветительская деятельность на пользу своему народу. Все это передавалось последующим поколениям. Так соблюдается и поддерживается принцип преемственности в науке, преподавании и просвещении.

Одним из ярких представителей этой плеяды был ученый-энциклопедист Н.И.Конрад (1891-1970 гг.). Трудно представить масштабы научных интересов Н.И.Конрада. Одно перечисление его глубоко компетентных трудов в области японоведения, китаеведения, всемирной истории, языков Дальнего Востока, если излагать только их проблематику, займет не одну страницу. При этом следует отметить, что Н.И.Конрад отнюдь не разбрасывался, ему не было свойственно поверхностное касание той или иной проблемы. Разумеется, при всем разнообразии его научных интересов, основным было «японоведение», в разработке которого Н.И.Конрад является непревзойденным знатоком. Еще в 20-ые годы XX века он создал полноценный курс истории японской литературы, начиная с древних и средневековых памятников, включая эпоху Эдо¹. Отдавая дань уважения своим предшественникам (С.Г.Елисееву, К.Флоренцу), Н.И.Конрад утверждает, что «задача современного японоведения — перейти в иную стадию

¹ Н.И.Конрад. Японская литература в образцах и очерках. Т.1, Л., 1927 г.

работы над японской литературой. С одной стороны, — на очереди уточнение методологических приемов: японская литература ждет подхода к себе с точки зрения четко-социологической; и она же в тоже время требует отношения к себе как к словесному искусству, ждет анализа, построенного на началах строго-формальных». Далее он требует создавать не «суммарный очерк», а детализированную работу над отдельными памятниками¹. Н.И.Конрад утверждает, что если «литература всякого народа не может быть отделена от него самого, ... то тем более это применимо к японской литературе», поскольку справедливо утверждает он, японский народ своеобразный исторический индивидуум². Глубина этих формулировок и сегодня неоспорима. Особенно если иметь в виду японскую ментальность. А ведь это было сказано почти столетие тому назад.

В богатейшем научном наследии Н.И.Конрада особое место занимают капитальные исследования по истории японской культуры, не столько искусствоведческий анализ, сколько «философское осмысление истории и развития самобытной духовной культуры японского народа»³. При том огромном интересе к японской

¹ Там же, предисловие, С.V-VI.

² Там же, С.1.

³ Н.И.Конрад. Очерк истории культуры средневековой Японии VII — XVI века. М., 1980.

культуре широких слоев российского народа эта работа имеет непреходящую практическую ценность. Написанная профессионалом столь высокого уровня, она выбивает почву из-под т.н. «развесистой клюквы», все еще бытующей в этой области и в наши дни. Его по праву можно назвать выдающимся культурологом наших дней. Особый раздел в творчестве Н.И.Конрада-японоведа занимает исследование истории Японии. И здесь он проявил себя как зачинатель. Уже в 1923 г. (а написал, естественно, ранее) вышел его первый исторический очерк «Япония. Народ и государство»¹. В этом же году вышла и первая статья «Вопросы японского феодализма»². Н.И.Конрад выдвинул теорию о том, что Япония миновала рабовладельческую формацию и перешла от первобытнообщинного строя к феодальному, а рабство существовало в виде уклада, ибо основной производительной силой общества было общинное крестьянство. Таким образом, Н.И.Конрад положил начало целому научному направлению в истории Японии, а именно: ее периодизации, а в дальнейшем источниковедению и историографии. Разработав полный курс истории Японии, в разные годы периодически пополняя и расширяя привлекаемый материал Н.И.Конрад вновь и вновь возвращался к историческим штудиям: именно в 1931 г. написан — очерк

¹ Пг. Наука и школа. 168 стр. Ред. Grimm Э. Новый Восток, М., 1924. №5, стр.430-432.

² Новый Восток, №4, стр.348-364.

японской истории с древнейших времен до «революции Мэйдзи». (Особо следует отметить курс лекций 1937 г. по истории Японии, а также все статьи 1957 г. в БСЭ (Япония). Издание «Всемирной истории», начатое в 1955 г. выявило Н.И.Конрада как специалиста не только в области истории Японии, Китая, но и «открыло» новые качества ученого, способного к разработке общетеоретических проблем всемирной истории, исследования общих закономерностей развития феодальной формации в Азии и Европе. Ему удалось окончательно ниспровергнуть теорию «европоцентризма» при характеристике всемирно исторических процессов. Во «Всемирной истории» Н.И.Конраду принадлежат все разделы, касающиеся феодализма в Японии, Китае, Корее, Тибете, Индокитае. Исторические работы Н.И.Конрада по постановке проблем до сего времени являются благодатной почвой для размышлений, дискуссий и проведения практических семинаров со студентами.

Ни в коей мере нельзя обойти и лингвистический талант Н.И.Конрада. Его перу принадлежат еще первые очерки грамматики японского языка (1934 г., 1935 г., 1947 г.), иероглифические словари (1934), синтаксис японского национального литературного языка (1937), хрестоматия японского языка (1948, 1949, 1952). В его наследии — все программы курсов по японскому языку и письменности. Только Н.И.Конраду принадлежит мысль обратить особое внимание такому важному вопросу как детерминативы в японском и

китайском языках, а также определению исторических терминов на различных этапах истории. Кстати, для Японии это последнее имеет первостепенное значение для расстановки правильных исторических акцентов. Талант языковеда особенно выявился в переводах Н.И.Конрада памятников японской литературы, как древних, так и современных. Глубокое понимание исторического контекста, стиля произведения, неповторимое тонкое лексическое многообразие делают его переводы ни с чем несравнимыми художественными шедеврами.

Никто из историков отечественной науки не будет оспаривать тот факт, что Н.И.Конрад был и ученым-китаеведом. Впервые он обратился к китайской тематике уже в 20-ые годы XX века, опубликовав обстоятельную рецензию на «Антологию китайской лирики VII-IX веков по Р.Х.» Ю.К. Щуцкого. Его капитальное исследование о Сунь-цзы и У-цзы (50-ые годы XX века), а также последующие синологические труды подтвердили репутацию академика Н.И.Конрада как блестящего китаевода. И здесь Н.И.Конрад выступил не только как историк, посвятивший изучению сложных проблем древней и средневековой истории Китая, но и китайскому языку, и китайской литературе. Достаточно упомянуть лишь некоторые проблемы: развитие феодальных отношений в Китае (III-VIII века); Китай в период развития феодализма (VIII-XII века), Китай под властью монгольской династии. Литературные и языковые исследования по Китаю обращены,

прежде всего, к древним философским трактатам (Конфуций, Мэн-цзы, Лао-цзы и др.), к средневековой китайской поэзии (Танские поэты), к национальной традиции в китайском языкознании, современному китайскому языку.

Широкий диапазон знаний, многогранность, владение сравнительным методом анализа фактологического материала, позволили Н.И.Конраду во всем многообразии и своеобразии представить науку о Востоке.

Н.И.Конрад являет собой не только Личность (именно с заглавной буквы), Ученого, но и организатора науки, Учителя многих поколений японоведов и китаеведов. Вряд ли с абсолютной уверенностью можно назвать не только количество учеников, но и даже поколения, учившихся у Н.И.Конрада в различных востоковедных учреждениях. Учитель был великим просветителем, своим словом он воспитывал и воздействовал на многие поколения современников, создавая подлинный имидж (как теперь принято выражаться) стран и народов Востока. А это, в свою очередь, способствовало взаимопониманию между Россией и Востоком, взаимопроникновению культур, становлению и развитию двусторонних дипломатических, политических, экономических и культурных связей. Так Н.И.Конрад служил своему Отечеству и приносил ему весомую пользу. Лекции Н.И.Конрада на восточном факультете ЛГУ (ранее в ЛВИ, ЛиЖВЯ, ЛИФЛИ) отличались удивительной логической стройностью, редкой образной (по нашим временам) русской литературной речью. Он

читал без бумажек (т.е. без текста), свободно расхаживая по аудитории. У него была отличная память: примеры писал на доске.

При всем том, Учитель, будучи от природы красивым, подчеркивал свою элегантность и безупречным костюмом (обязательно либо галстук, либо кис-кис), приятным уважительным обращением со студентами («коллеги!»). Человечность Н.И.Конрада проявлялась и в доброжелательном отношении к коллегам, соратникам, друзьям. Так в 20-ые годы вместе с академиком В.М.Алексеевым он способствовал возвращению Н.А.Невского из Японии на Родину. Вследствие трагических событий 1937 г. с Н.А.Невским, он взял к себе дочь Невского — Елену Николаевну, к которой относился по-отечески тепло. Николай Иосифович постоянно общался с семьей Николая Александровича.

О московском периоде жизни Н.И.Конрада обстоятельно написал в своей объемистой книге «Япония, японцы и японоведы» (М., 2001 г. 823с.). И.А.Латышев — японовед теперь уже старшего поколения (знакомство мое с И.А.Латышевым произошло в МИВ в конце 40-х годов прошлого века. Периодические встречи происходили и в Москве, и в Японии). Наше впечатление о лекциях Конрада (да и не могло быть иначе!) почти совпадают словесно «Конрад был великолепным рассказчиком, способным завораживать аудиторию как широтой своих знаний, так и живостью речи, таким

юмором и образованностью выражений»¹. С возрастом доступность общения с Н.И.Конрадом была ограничена. Он часто болел и уже не был столь открыт, как в молодости. Приведу еще одну деталь для раскрытия Личности Конрада. Он многое сделал для исторической отечественной науки. Есть опубликованная биография его трудов². Интересующиеся найдут в этом издании даже те работы, которые были изданы уже после кончины Н.И.Конрада, т.е. хронология доведена до 1992 г. включительно, в 1996 г. изданы «Неопубликованные работы. Письма». Все они выявлены в государственных архивах и частных собраниях ученых. Конрад всегда отдавал дань уважения своим предшественникам и современникам по заслугам, оценивая их деятельность. Поэтому, особо хотелось бы отметить опубликованную в Петербургском востоковедении в 1992 г. стараниями М.Ф.Чигринского с его вступительной статьей «Синолог из Оптиной пустыни», в которой говорится о том, что Конрад, специально посетивший в 1992 году монастырь «Оптина пустынь» Козельского уезда Калужской губернии, извлек новые материалы по истории Пекинской Духовной Миссии, т.е. архив и многочисленные рукописи иеромонаха Алексея (в миру Александра Николаевича Виноградова) — члена Российской Духовной и дипломатической миссии в Пекин

¹ Указ. соч., с.15.

² Николай Иосифович Конрад: 1891-1970. Библиография ученых. М., 1994.

(1846-1919/20?). Таким образом, было изъято из забвения имя синоведа и его огромная библиотека. Конрад советует отвести А.Н.Виноградову, как синоведа и члену Пекинской духовной миссии «одно из значительных и почетных мест»¹.

Научное наследие Н.И.Конрада неисчислимо. Только хронологический указатель его работ занимает 28 страниц печатного текста. Многие сохранились благодаря его дружеским отношениям с японисткой О.П.Петровой (Соловьевой), с которой долгие годы в Ленинградском периоде жизни с 30-х годов и до Великой Отечественной войны он тесно общался. Она не позволила Н.И.Конраду уничтожить некоторые рукописи и передала их в архив ИВ РАН, за что ей отдельная благодарность.

Н.И.Конрад призывал оценивать деяния ученых по тому, что они внесли нового в науку и практику по сравнению с той эпохой, в которой они творили. Его ученики и потомки могут смело утверждать, что академик Н.И.Конрад раздвинул наше представление о времени и пространстве в науке.

¹ Н.И.Конрад. Синолог из Оптиной пустыни. Петербургское востоковедение, вып.1, С-п., 1992, С.361.

Акулов А.Ю.

Предварительное сообщение об открытии письменности древних айну

Точка отсчета

О возможном наличии письменности у айну писали многие исследователи, в качестве примеров письменности, в основном, приводились петроглифы, знаки собственности и резьба на икуниси. При этом, нужно сказать, что выводы о наличии/отсутствии письменности делались, в основном, чисто умозрительно, исходя из общих представлений того или иного исследователя о культуре айну. Никто из исследователей не давал определения письменности и не предлагал никаких критериев, следуя которым, можно было бы ответить на вопрос: "является ли данный набор знаков письменностью?"

Определение и виды письменности

Согласно определению, абсолютно любая письменность фиксирует именно звуки речи. Система графических знаков, которая не передает звучание, письменностью не является. Существует три вида письменности: сигнографическая, фонографическая и сигнофонографическая¹. Сигнографической называется письменность, в которой каждая графема имеет не только

¹ См. Певнов А.М. Проблемы дешифровки чжурчженской письменности // Вопросы Языкознания, 1990 № 1

звучание, но и определенное значение, ярчайший пример сигнографической письменности — китайская иероглифика. В фонографической письменности графемы передают только звуки и сами по себе не имеют никакого значения, фонографическая письменность может быть алфавитной, например: латиница, кириллица, корейский хангыль, и слоговой, например: деванагари, брахми. Сигнофонографическая письменность — это смешанная письменность, в которой часть графем имеет и звучание, и значение, а другая — только звучание, пример сигнофонографической письменности — современная японская система письма — иероглифы с примесью каны: иероглифами записываются корневые морфемы, а каной — суффиксы.

Тип письменности никак не зависит от генетической принадлежности и грамматического строя языка, так, например, хеттский язык, принадлежащий к индоевропейской семье, имел сигнографическую письменность, а, современный вьетнамский язык использует куок нгы — алфавитное письмо, разработанное на базе латиницы. Фонология, вернее фонотактика, напротив, может влиять, на характер письма: так, например, слоговые письменности обычно возникают на тех языках, в которых слог имеет, в основном, структуру CV.

МЕТОДЫ ОТДЕЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ ОТ ДРУГИХ СИСТЕМ ФИКСИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Апостериорный количественный метод

Исходя из определения письменности как системы графических знаков, фиксирующих именно звуки речи, А.М.Певновым был предложен следующий метод отли-

чения письменности от неписьменности: пусть имеется некий этнос X, говорящий на некотором языке X, и пусть в ареале проживания данного этноса имеются некоторые наскальные изображения, относительно которых не ясно: являются ли они письменностью; чтобы выяснить этот вопрос исследователю нужно попросить нескольких носителей языка X прочесть эти изображения, и записать то, что они будут произносить, если во всех случаях будет получена одинаковая последовательность звуков, сопоставимая с числом графических знаков, то данные изображения являются письменностью.

Если данный метод применить к вампуму, кипу или пиктографии, то станет ясно, что такие системы не являются письменностью, поскольку, например, любой совокупности пиктограмм соответствуют разные последовательности звуков.

Априорный качественный метод

Однако, поскольку описанный выше метод является чисто полевым методом, то использовать его можно лишь при работе с живыми языками, а, учитывая тот факт, что огромное число всевозможных надписей было сделано носителями тех языков, которые ни в какой форме до нашего времени не сохранились, и которые никаким образом невозможно реконструировать, то возникает идея о том, что полезно иметь возможность априорно устанавливать: что является, а что не является письменностью.

Поэтому, мной был разработан простой метод, позволяющий уверенно отличать письменность от других систем графического фиксирования информации. Суть метода состоит в следующем: совокупность знаков является письменностью, если удовлетворяет одновременно двум требованиям:

1. упорядоченность

Совокупность знаков, являющаяся письменностью должна быть определенным образом упорядочена, потому что любая письменность отражает процесс последовательного развертывания речи во времени;

2. ритмическая повторяемость

В любом языке имеется ограниченный набор фонем, слогов и морфем, поэтому набор графем всегда есть конечное множество и повторяемость является неизбежной; поскольку такая совокупность знаков как орнамент также может быть упорядочена наподобие письменности, то крайне важен критерий ритмичности.

Выполнение обоих этих требований является необходимым и достаточным для положительного ответа на вопрос ”является ли данная совокупность знаков письменностью?”, но достаточно невыполнения хотя бы одного, чтобы дать отрицательный ответ.

Петроглифы – это не письменность

Применив вышеописанный априорный качественный метод к таким совокупностям графических знаков, как, например, петроглифы пещеры Тэмия (см. рис. 1)

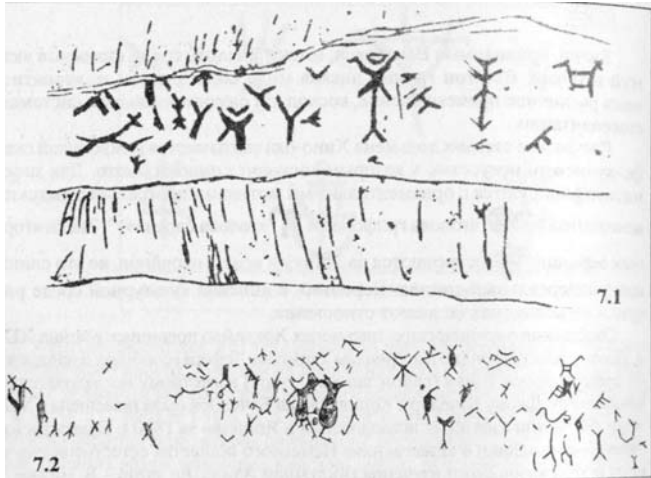

Рис. 1. Петроглифы пещеры Тэмия

Совокупность графических знаков, представленных на рис.1 не удовлетворяет первому требованию априорного качественного метода, поскольку, очевидно, не является упорядоченной совокупностью графических знаков, а следовательно, не является письменностью, поскольку, как говорилось выше для того чтобы ответить отрицательно достаточно невыполнения хотя бы одного требования.

По аналогичным же соображениям не является письменностью и айнские петроглифы, представленные Ю.В. Кнорозовым в статье "Пиктографические надписи айнов¹" (см. рис. 2).

¹ Кнорозов Ю.В., Спесваковский А.Б., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов//Полевые исследования института этнографии 1980 - 1981, М., 1984

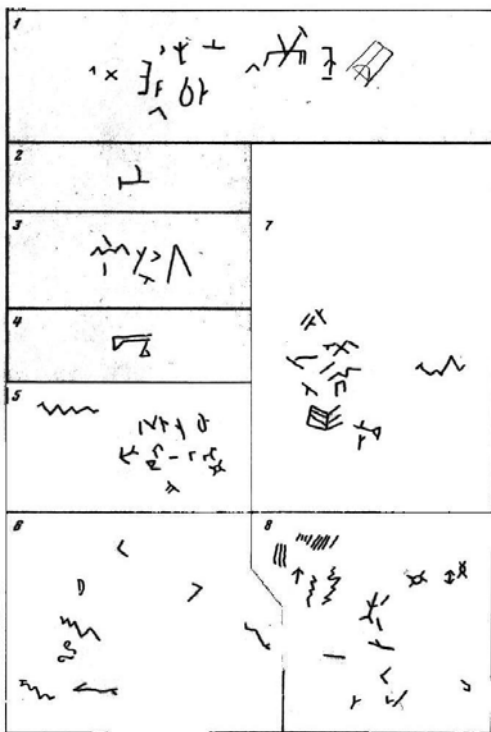

Рис. 2. Петроглифы острова Итуруп

Алфавитная письменность древних айну

С другой стороны, в нашем распоряжении имеются такие графические артефакты, как табличка из Кибэ (рис. 3) и надпись на оборотной стороне маски со стоянки Нагано (рис. 4), которые удовлетворяют формальным критериям письменности, описанным выше, т.е. являются и упорядоченными, и неритмически репетативными совокупностями графических знаков.

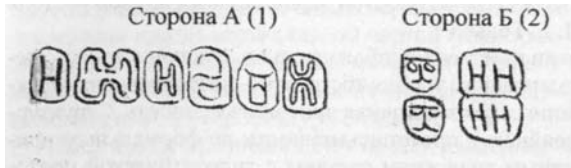

Рис. 3. Знаки с табличка из Кибō

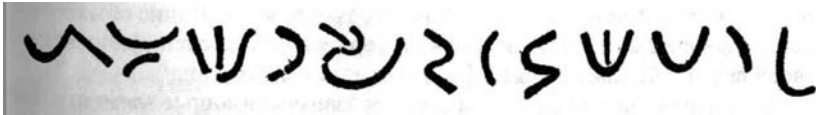

Рис. 4. Надпись на маске из Нагано

На мой взгляд, обе эти совокупности графических знаков являются не протописьменностью или письменностью ограниченных возможностей, как считают А.П.Кондратенко и М.М.Прокофьев, а вполне формализованной полноценной письменностью.

Поскольку обе графические системы, очевидно, являются полноценными письменностями, то попытки интерпретации значения отдельных графем с точки зрения их внешнего вида и возможного сходства с петроглифами, не могут быть перспективными. Совершенно не обязательно, что петроглифы, знаки собственности и знаки письменности должны иметь какие-то сходства и общее происхождение. Петроглифы и письменность — это две совершенно разные знаковые системы, которые, строго говоря, могут, вообще, не пересекаться, иметь совершенно разное происхождение, и при этом ничто не мешает тому, чтобы и петроглифы и письменность и знаки собственности сосуществовали в рамках одной культуры

Несмотря на сходство некоторых элементов в обеих надписях, нужно отметить, что похожие элементы, в действительности, крайне примитивны и вполне могут быть изобретены много раз и в разных местах, и что различий между этими двумя письменностями куда больше чем сходств. Поэтому я буду говорить о двух разных письменностях: письменности Кибэ и письменности Нагано. Являются ли эти две письменности частями одной системы или это совершенно разные и независимые письменности? Может ли быть так, что письменность из Нагано — это развитие письменности с таблички в Кибэ? Являются ли данные письменности оригинальными или заимствованными? Не может ли быть так, что письменность из Кибэ — это просто-напросто подражание китайским иероглифам? Действительно ли обе эти письменности происходят из культурных слоев эпохи Дзёмон, и не может ли быть так, что это просто-напросто мистификация японских археологов? И, наконец, самый важный вопрос: действительно ли данные письменности могли обслуживать древнейший язык? Вопросов пока что больше, чем ответов, и последний вопрос наиболее важен и интересен для настоящего рассмотрения.

Чтобы установить: может ли данная письменность обслуживать данный язык нужно: во-первых, установить тип письменности путем оценки инвентаря графем, следуя следующему несложному правилу: алфавитные письменности используют где-то 15 — 40 графем, слоговые — 50 — 150 графем, сигнофонографические и

сигнографические — 700 — 5000 графем, а затем сопоставить тип письменности с фонотактикой данного языка.

Однако, этот метод хорош, когда в распоряжении имеются достаточно объемные тексты, а в нашем случае, когда имеются лишь две небольшие надписи я предлагаю оценить характер письменности следующим образом: чем сложнее отдельная графема, чем больше она похожа на рисунок, тем больше число графем, и наоборот: чем более проста отдельная графема, тем меньше их общее число.

Что же касается письменности Нагано, то, судя по несложности графем, представляется, что эта надпись выполнена фонографической, а точнее, даже алфавитной письменностью.

В языке айну слоги могут иметь структуру: V, CV, VC, SVC. Для языка с подобной фонотактикой наиболее удобной является алфавитная письменность. Судя по тому, что все графемы письменности Нагано достаточно просты по начертанию, похоже, что их совсем немного, возможно, 15 — 16, что соответствует числу фонем языка айну, поэтому по формальным критериям письменность Нагано вполне может быть айнской письменностью.

Что же касается письменности Кибэ, то сказать что-то определенное о ее типе нельзя, поскольку это может быть как слоговая, так и сигнофонографическая или сигнографическая письменность. Более-менее уве-

ренно можно утверждать, что если письменность Кибэ обслуживала некогда айнский язык, то она ни в коем случае не может быть слоговой. Кроме того, судя по относительной сложности отдельных графем, похоже, что письменность Кибэ не является алфавитной, а значит, скорее всего, является сигнофонографической или сигнографической. Однако, относительно письменности Кибэ, нельзя с уверенностью сказать какой именно язык она обслуживала.

Если говорить о дешифровке, то, в настоящее время мы можем попытаться дешифровать надпись из Нагано. Если надпись из Нагано выполнена на т.н. среднедзёмонском айну, то реконструкция фонологической системы этого языка может помочь при дешифровке. Затем, зная набор фонем, мы можем предпринять попытку дешифровки простым перебором различных прочтений, т.е. последовательно присваивая каждой графеме разные фонологические значения.

Антропологические заключения

Если у айну действительно некогда существовала письменность, то возникает вполне закономерный вопрос: почему у так называемых «исторических айну» не обнаружено никакой письменности? Если она была, то как получилось так, что она впоследствии исчезла? Кроме того, возникает главный вопрос: а могла ли вообще у древних айну быть письменность? Ведь для возникновения письменности необходимы совершенно особые условия: первобытным охотникам и рыбакам письменность ни к чему; письменность возникает там,

где возникает необходимость, чтобы слова одного человека были без изменения переданы на большое расстояние или сохранены для потомков, т.е. письменность возникает там, где имеется достаточно развитая социальная структура.

Здесь важно отметить, что айну, на самом деле, очень сильно выделяются среди других дальневосточных народов (нивхов, ороков, орочей и пр.), с которыми их традиционно пытаются сопоставлять. Основное отличие между айну с одной стороны и нивхов, орочей и пр. с другой стороны состоит в том, что в языке айну имеется исконное айнское слово для выражения модальности "надо", "должно" — e-asir-ki — букв.: «делать в первую очередь»¹, а в языках нивхов, орочей, ороков и пр. слова для выражения модальности "надо" было заимствовано из русского языка. Охотникам и собирателям модальность "надо" ни к чему, им достаточно модальностей "хочу" и "не могу", но в государстве или протогосударственной структуре не обойтись без модальности «надо». В этом смысле модальность "надо" по своей культурообразующей функции в чем-то подобна письменности.

У нас нет достоверных сведений о том, что в эпоху Дзёмон на Японских островах существовало древнеайнское государство. Земледелие, которое обычно является основой государственности, древними айну

¹ Каяно Сигэру Айну го дзитэн с. 122

Хонсю практиковалась, видимо, лишь в качестве вспомогательного промысла. Но, как справедливо отмечают А.П.Кондратенко и М.М.Прокофьев, богатые морские промыслы в южной части острова Хонсю вполне могли создать предпосылки для социального расслоения и складывания государственного образования, что в свою очередь могло способствовать созданию оригинальной письменности¹.

На мой взгляд, древнеайнское государство могло сформироваться примерно в середине эпохи Дзёмон, т.е. где-то 5-4 тыс. лет до н.э. и достигло своего расцвета к середине первого тысячелетия до н.э. Очень может быть, что оно представляло собой не централизованное государство, а как бы конфедерацию нескольких вполне независимых княжеств, также весьма вероятно, что в этническом отношении оно было не чисто айнским, а айнско-аустронезийским. Что касается утраты письменности так называемыми "историческими айнами", то это не так уж и странно, как представляется на первый взгляд. Известно, что примерно в середине первого тысячелетия до нашей эры начинается активная миграция алтаеязычных (т.е. говоривших на языке, который принадлежит к алтайской семье) этнических групп с территории Корейского полуострова на Кюсю и южную часть Хонсю. Именно эти алтае-

¹ А.П.Кондратенко, М.М.Прокофьев Протописьменность у древних айнов: миф или реальность? // Краеведческий Бюллетень 2005 № 2 с. 121

язычные этнические группы выступили в качестве основной компоненты японского этноса и в середине первого тысячелетия нашей эры основали государство Ямато. Алтаеязычные мигранты были крайне пассионарны и очень активно подавляли культуры, существовавшие к тому времени на Японских островах. Поскольку алтаеязычные мигранты находились на более высоком уровне развития материальной культуры, чем древние айну и аустронезийцы, то сопротивление их экспансии требовало мобилизации всех сил, а также сворачивания всего, что не относилось напрямую к военному делу и поддержанию самой элементарной жизнедеятельности. Поэтому, на мой взгляд, угасание письменной традиции и ретардация культуры айну, о которых говорят А.П.Кондратенко и М.М.Прокофьев¹, являются вполне закономерными процессами в контексте утилитарности и милитаризации культуры айну в начале нашей эры.

Следует отметить, что история знает примеры, когда народы, имевшие письменность, утрачивали ее в результате различных социальных катастроф: мексиканские индейцы майя, хотя и сохранились до наших дней, но в ходе испанской колонизации утратили свою оригинальную письменную традицию. Письменная традиция острова Пасхи была утрачена в результате многочисленных межэтнических войн, видимо, еще до появления на острове первых европейцев.

¹ там же, с. 113

Что касается поздних графических артефактов, таких как резьба на икуниси и знаки собственности, то как я говорил выше, они могут и не иметь абсолютно никакой связи с древней айнской письменностью. Составные элементы айнских знаков собственности: крест, V образные символы, две параллельные черты - это всего лишь элементы, которые наиболее просто вырезать на деревянной палочке. Что же касается изображений на икуниси, то здесь мы, все же, имеем дело не с пиктографией, а с чисто художественными образами; поэтому я полагаю, что методологически более правильно рассматривать икуниси не как развитие деградировавшей некогда айнской письменности, а просто как зарисовки с натуры.

В заключении хочу сказать, что сам по себе факт существования еще одной оригинальной письменности для научного сообщества, да и, вообще, для широкой публики намного важнее той информации, которая может быть получена в результате дешифровки этой письменности. Поэтому, если в дальнейшем подтвердится, что хотя бы одна из письменностей: письменность Нагано или письменность Кибэ действительно некогда обслуживала язык айну, и является не заимствованной, а изобретенной непосредственно айну, то подобный факт самым серьезным образом изменит общераспространенные представления о культуре айну, как о культуре примитивной и бесписьменной.

Использованная литература:

- Акулов А.Ю. Методы отделения письменности от других систем графического фиксирования информации // IV

Межвузовская научная конференция студентов-филологов
9 - 13 апреля 2001, СПбГУ, СПб, 2001

- Каяно Сигэру 茅野茂 Айну го дзитэн (Словарь языка айну)
アイヌ語辞典 Токио, 2005
- Кнорозов Ю.В., Спесваковский А.Б., Таксами Ч.М. Пикто-
графические надписи айнов // Полевые исследования
института этнографии 1980 - 1981, М., 1984
- Кондратенко А.П., Прокофьев М.М. Протописьменность у
древних айнов: миф или реальность? // Краеведческий
Бюллетень 2005 № 2
- Певнов А.М. Проблемы дешифровки чжурчженьской пись-
менности // Вопросы Языкознания 1990 № 1

Список иллюстраций:

- Рис. 1. Петроглифы пещеры Тэмия, из Кондратенко А.П.,
Прокофьев М.М., с 124,
- Рис. 2. Петроглифы острова Итуруп, из Кнорозов Ю.В. и
др., с. 228,
- Рис. 3. Табличка из Кибэ, из Кондратенко А.П., Проко-
фьев М.М., с. 114,
- Рис. 4. Надпись на маске из Нагано, из Кондратенко А.П.,
Прокофьев М.М., с. 115

Почему так говорят японские женщины

Уже достаточно хорошо известно, что мужская и женская речь в Японии значительно отличаются друг от друга, и можно говорить об особых гендерных вариантах японского языка. Различаются личные местоимения, модально-экспрессивные частицы, междометия, некоторые слова, а наиболее вежливые формы свойственны женской речи, но наименее вежливые — мужской. Традиционно свойством женской речи в Японии считается *otnarashisa* ‘женственность’, под которой понимаются мягкость, вежливость, скромность, внимательность к собеседнику, а во многом также обращение внимания не столько на содержание речи, сколько на ее форму [Nakamura 2007: 58]. Соответственно в мужской речи ценится «мужественность» (*otokorashisa*): четкость, информативность и пр.

Эти свойства в Японии традиционно считаются извечными и объясняются психологическими или даже биологическими причинами. Однако распространен и другой взгляд, особенно часто встречающийся у авторов-женщин: существующие различия имеют чисто социальные причины и всегда, прямо или косвенно, связаны с дискриминацией женщин, которая в Японии сильнее, чем в большинстве развитых стран. Как пишет японская лингвистка, в женском равноправии во всех его аспектах, включая и языковой, Япония отстала от

США [Onna 2001: 236-237]. И автор исследования дискурса телевизионных интервью Лидия Танака, отмечая, что в данном жанре различия мужской и женской речи не столь выражены, как во многих других, пишет, что даже здесь видна второсортность японских женщин, которым далеко до равноправия [Tanaka 2004: 104].

Особенно ярко такая точка зрения отражается в книге [Nakamura 2007], где исследованы как сами речевые различия гендерного характера от эпохи Муромати (XV-XVI вв.) до 50-60-х гг. XX в., так и взгляды на эти различия в японском массовом сознании и в японской науке тех лет. Исследовательница, опирающаяся на идеи западных неомарксистов, отстаивает идею о том, что гендерные различия в языке — это, прежде всего, идеология неравноправия [Nakamura 2007: 3, 27, 38], а всё остальное, включая языковые различия, — следствия навязывания этой идеологии массовому сознанию. Она, в частности, использует идею английского социолингвиста — марксиста Дж. Ферклу о том, что социальное господство бывает эффективнее, если политика маскируется под повседневную жизнь, и навязываются правила бытового поведения, включая языковое [Nakamura 2007: 60].

В книге показано, что оценки женского речевого поведения в Японии менялись со временем, но всегда отражали идеологию неравноправия. В эпохи Муромати и Токугава (XVII-XIX вв.) считалось, что женщинам вообще не следует говорить, а правила языкового

поведения для женщин, закрепленные в специальных наставлениях, были в основном запретительными [Nakamura 2007: 42-50]. Во времена Мэйдзи (1868-1912) от запретов перешли к предписаниям того, как надо говорить в тех или иных ситуациях [Nakamura 2007: 117], прежде всего, потому, что сложилась концепция женщины как «хорошей жены и умной матери», а умная мать должна не только вести хозяйство, но и воспитывать детей, что требовало умения разговаривать. Однако при формировании норм нового литературного языка ориентировались исключительно на мужские разновидности языка [Nakamura 2007: 174]. Женский вариант языка первоначально не нормировался, но к концу эпохи Мэйдзи его образцы стали распространяться через школы для девочек (образование тогда было раздельным) и женские романы, получившие широкое хождение [Nakamura 2007: 158-159]. По мнению Накамура Момоко, в основе этих образцов лежала речь девочек — учениц, особо отличавшаяся от мужской; ее особенности стали нормами, в основном сохраняющимися до сих пор [Nakamura 2007: 156-157]. В предвоенные и военные годы особенности женской речи стали рассматриваться уже как часть языкового стандарта, лингвисты начали говорить о мужском и женском вариантах японского языка [Nakamura 2007: 234-236]. После войны в период демократизации говорили о необходимости избавиться от различий этих вариантов, но, как считает автор книги, в данном случае победила националистическая традиция, а в основу языковой политики легли всё те

же идеи языковой «женственности» (*onmarashisa*) [Nakamura 2007: 304-307].

И, безусловно, эти идеи в современной Японии очень сильны, что можно видеть и из многих фактов. В рекламе, женских и мужских журналах сознательно культивируются речевые различия, поддерживающие стандарты и стереотипы. Исследовательница языка женских журналов пишет, что женщины меняются, а мир женских журналов — нет [Onna 2001: 59]. Разумеется, в создании всяческих стереотипов, в частности, идеала мужчины и идеала женщины, включая речевой идеал, велика роль телевидения [Tanaka 2004: 38; Onna 2001: 117].

Статистически преобладает и гендерное распределение ролей в японском диалоге, где роль его подчиненного участника часто сводится к айдзути (вставляемым в речь собеседника эмоциональным возгласам и подбадриваниям) и ответам на вопросы, иногда к дополнению слов собеседника, который его свободно прерывает [Tanaka 2004: 99, 104] (пределный случай подчиненной роли в диалоге — молчание). В одном из опытов испытуемых разного пола произвольно разбивали на пары и предлагали им вести свободный диалог, скрыто записывавшийся, и во всех парах лидером оказался мужчина [Yamazaki, Yoshii 1984]. А в публичных диалогах по телевидению (интервью, ток-шоу и пр.), как правило, говорят и высказывают свои мнения мужчины, а роль женщин сводится к айдзути. На телевидении очень распространены интервью, в

которых не два, а три участника: интервьюируемый, интервьюер (мужчина) и его ассистентка, молодая девушка. Двое ведут беседу, а девушка подбадривает основных участников, выражая эмоции и проявляя своими айдзути заинтересованность в развитии диалога [Tanaka 2004: 36]. Такие интервью и мы постоянно наблюдали в 2007 г., а по каналу NHK теперь и прогнозы погоды ведут мужчина-метеоролог и его ассистентка, роль которой сводится к айдзути. Такие постоянно мелькающие на экране красивые девушки обычно не являются профессионалами и нанимаются временно [Onna 2001: 114], то есть это те же, как говорят в Японии, «офисные леди», работающие короткий период между окончанием учебы и замужеством. Всё равно и с их учетом женщины на государственном канале NHK в 1999 г. составляли лишь 15% персонала, что вдвое меньше, чем на телевидении США и Европы [Onna 2001: 113]. А женщины — профессионалы на телевидении, например, дикторы иногда подражают коллегам — мужчинам, читая новости более низким голосом [Onna 2001: 120].

И наличие женских вариантов языка нередко отражает, хоть и косвенно, подчиненное положение женщин. Почему «офисные леди» любят говорить по-особому, а их коллеги иного пола, кончая университет и поступая в фирму, быстрее теряют молодежные особенности речи [Благовещенская 2007]? Вероятно, дело в том, что молодой мужчина допускает вольности в поведении, включая речевое, пока он учится и еще не

имеет места в жесткой социальной иерархии, однако, начав работать, стремится поскорее вписаться в эту иерархию. Но незамужняя девушка, начав работать, всё еще не заняла в обществе своего места: согласно традиционным представлениям (сейчас уже разделяемым не всеми женщинами), это лишь временный этап жизни перед замужеством, во время которого она зарабатывает на приданое и ищет жениха. Поэтому она еще может допускать вольности в речевом поведении. Став «хорошей женой и умной матерью», она тоже оставит языковые новации.

Очевидна, поэтому, и связь между статусом женщины и ее речевыми особенностями в разных возрастных группах. Нет особой разницы в социальных ролях мальчиков и девочек или даже студентов и студенток, зато, когда в соответствии с традициями японского общества мужчина начинает подниматься по социальной лестнице, а женщина уходит в домашние дела, их роли всё более расходятся; в старости, когда мужчина оставляет работу, роли вновь сближаются. Всё это до сих пор отражается в языке.

Отмечают даже, что именно неравноправие женщин заставляет их пользоваться лексикой английского (точнее, американского) происхождения (гайрайго), иногда вновь создаваемым, а то и английским языком. В одной песне, сочиненной японкой на английском языке, героиня делает брачное предложение — шаг, не предусмотренный для женщины японскими социокультурными нормами, для которого даже трудно найти

подходящее выражение по-японски [Stanlaw 2004: 140].

Но жизнь меняется, и вместе с ней меняются представления. Сейчас уже больше половины замужних женщин работает полный или неполный рабочий день. И отмечают, что Олимпийские игры 2000 г. в Сиднее оказались первыми в истории Японии, где среди японских чемпионки оказалось много замужних женщин, и некоторые даже имели детей, хотя раньше спортсменки обязательно заканчивали карьеру с замужеством; эта тема активно обсуждалась в японских СМИ [Onna 2001: 173-174]. Не новость уже и женщины — министры, руководители компаний и пр., хотя общественное мнение не всегда это принимает. Например, автор исследования об отражении гендерных различий в японских комиксах — манга, исключительно сейчас популярных в стране, пишет, что образ женщины — руководителя там постоянно негативен, в том числе высмеиваются и особенности ее речи [Onna 2001].

Но это, как правило, мужская точка зрения. А среди женщин всё более распространены идеи о необходимости достичь не только равноправия, формально записанного в конституции, но и подлинного равенства с мужчинами, что закономерно приводит к идеям отбросить любые различия в языке и речи. Играет роль и распространение приходящих из США и других стран идей. Хотя «феминист» *feminisuto* в японском языке может быть и мужчиной, облегчающим женщинам их домашний труд, но там распро-

странен и феминизм в обычном смысле, распространившийся в Японии довольно поздно, лишь с 80-х гг. [Onna 2001: 228]; статьи представительниц этого движения включены и в сборник [Onna 2001]. Одна из феминисток там пишет: мы против и женственности (*onnarashisa*), и мужественности (*otokorashisa*), мы за «самость» (*jibunrashisa* от *jibun* ‘сам’) [Onna 2001: 224-225].

Независимо от того, является ли та или иная женщина феминисткой, призывы, в основном со стороны женщин, к изменению языковых и речевых норм и соответствующей практики появляются постоянно. Пишут о том, что японские женщины всё более хотят, чтобы на них смотрели не как на жен и матерей, а как на личности; поэтому они протестуют против традиционной системы именований женщин в семье и вне семьи; например, им не хочется именовать мужа *shujin*, буквально ‘хозяин’, а самим называться *okusan*, буквально ‘внутри дома’ [Onna 2001: 133]. Женщины борются с такими словами как *shufu* ‘хозяйка’, *miboojin* ‘вдова’ (буквально ‘еще не умершая’) и даже *bijin* ‘красавица’ [Onna 2001: 230-231]; см. также [Gottlieb 2005: 109]. Феминистки требуют даже прекратить употребление в качестве обращения словосочетания *onna no ko* ‘девочка’, буквально ‘ребенок — женщина’ [Onna 2001: 156]. С другой стороны, благодаря ним в язык вошло немало лексики, связанной с дискриминацией женщин, в большинстве это гайрайго [Onna 2001: 159; Onna 2001: 164-165].

Среди требований феминисток есть и максималистские, но многие из таких требований учитываются в языковом стандарте. Так, в значении ‘женщина’ в японском языке имеются три слова: ваго *onna* и канго *fujin* и *josei* (*fu* и *jo* также значат ‘женщина’, *jīn* — ‘человек’, *sei* — ‘пол’). Раньше все они считались вполне синонимичными. Однако в последнее время решили, что первые два из них слишком связаны с дискриминацией женщин, а лучше всего звучит *josei* (это слово удобно тем, что у него есть однотипный антоним *dansei* ‘мужчина’, а у другого канго антонима нет, ваго же, видимо, кажется стилистически сниженным). Об этом постоянно заявляли женщины [Onna 2001a: 73], в результате в официальных документах и в газетах слово *fujin* исчезло, а слово *onna* крайне редко, господствует *josei* [Onna 2001b: 163; Gottlieb 2005: 110]. Эта замена обсуждалась даже в манга, где она была воспринята неодобрительно, что естественно с мужской точки зрения [Onna 2001: 206]. На телевидении стараются не употреблять слово *bijin* ‘красавица’ (только о женщине без наличия мужского эквивалента) [Onna 2001: 231], а в телевизионных спектаклях традиционные семейные именованья *shujin* (о муже), *kanai* (о жене) обычно употребляют персонажи пожилого возраста [Sasaki 2000-2003, 1: 3].

Еще одно изменение нормы — обозначение в некрологах. Традиционно после фамилии и имени умершего шло *shi* для мужчин и *san* для женщин. Это было связано с тем, что мужчины характеризовались по

профессии и/или должности, а женщины (за редкими исключениями писательниц или актрис) — как жены каких-то известных людей. Это вызывало протесты женщин, желавших, чтобы всех обозначали одинаково [Onna 2001: 166]. И теперь в «Асахи», «Йомиури» и других газетах *shi* упразднено, и всех умерших равно называют *san*. Еще вопрос: как указывать пол человека, именуемого по должности или профессии? Личные имена в таких случаях не всегда возможны, а фамилии в японском языке (в отличие от русского) пол никогда не различают. Поэтому если речь идет о женщине, добавляется слово, обозначающее ее пол (сейчас обычно *josei*). Это также вызывает недовольство феминисток, поскольку про мужчин в таких случаях особо не указывают, что они мужчины. И сейчас, например, в полиции, запрещено говорить о женщинах-полицейских [Onna 2001: 231].

Но всё это касается официальной сферы, где правила можно изменить тем или иным решением. В неофициальной, особенно бытовой речи эти правила могут и не работать, с другой стороны, там могут распространяться всякие модные поветрия вроде особых «девичьих» стилей письма (*gyaru-moji*). Здесь, как говорилось выше, многие особенности мужской и женской речи устойчивы, тем более что эта устойчивость косвенно поддерживается через телевидение, рекламу и пр. В то же время идет постепенное расшатывание традиционных норм: даже такая в целом устойчивая черта как употребление только мужчинами

местоимения 1-го лица *boke* может, хотя и не часто, нарушаться, особенно среди молодежи. Эндо Ориэ опросил 136 студенток, из них 19 признались, что употребляли это местоимение, а 61 (почти половина) заявили, что слышали его в женской речи [Onna 2001: 31-32]. Правда, большинство из них заявляли, что употребляли или слышали его у сверстниц не позже средней школы, то есть до 15 лет, а в этом возрасте норма бывает не до конца усвоена. Имеются и женщины, предпочитающие говорить по-мужски, чаще это опять-таки школьницы или студентки [Gottlieb 2005: 14]. Такая склонность может проявляться по-разному в разных ситуациях: нередко студентки избегают употребления модально-экспрессивных женских частиц вроде *wa* в университете, но сохраняют их в своей речи дома: там отход от традиций не поощряется [Onna 2000-2003, 2: 308]. Пишут о том, что речь женщин, говорящих по-мужски, расценивается как грубая [Onna 2001: 95] или как признак необразованности [Tanaka 2004: 205]. В то же время отмечают, что мужчине труднее перейти на женский вариант языка, чем женщине на мужской [Onna 2001b: 31]. Впрочем, это может быть связано и с тем, что в женском варианте разговорного языка всегда будут заметные особенности, а мужской вариант может отличаться от «среднего» варианта без четких гендерных особенностей лишь местоимениями 1-го лица [Onna 2001: 97].

Границы варьирования того, что могут или не

могут сказать мужчины или женщины, очень подвижны и достаточно быстро меняются. Иногда примером того, как никогда не может сказать женщина, считают модально-экспрессивную частицу *ze* [Onna 2001: 98]. Но указывают и то, что молодые девушки могут так сказать [Sasaki 2000-2003, 2, 308]. А мы слышали, как молодая мать сказала ребенку, пытавшемуся перелезть через высокий порог храма: *Takai ze* 'Высоко!'. Правда, это происходило не в Токио, а в Нара, где могли действовать диалектные особенности. А, может быть, женщина так и сохранила в языке привычки своей юности?

Современные специалисты подчеркивают необратимость происходящих изменений [Sasaki 2000-2003, 2: 304; Onna 2001: 137]. Кобаяси Миэко, в частности, считает необратимым переход от групповых и гендерных именовании людей к индивидуальным. А Сасаки Мидзуэ утверждает, что и дискриминация женщин излишне преувеличивается, особенно иностранцами; в качестве аргумента он приводит то, что сейчас женщине легче получить должность профессора [Sasaki 2000-2003, 2: 305]. Но многие обратные примеры звучат убедительнее. А нередко и японские традиции в отношении женщин считают не недостатком японского общества, а его достоинством. В книге, в которой предпринималась попытка одновременного сопоставления особенностей японского и английского языков и устройства японского и американско-канадского общества, сказано, что американская семья, где часто оба

супруга работают, раздирается противоречиями из-за сходства социальных ролей и борьбы за первенство, а японская семья, где роли мужа и жена строго разграничены, гармонична. Прямо говорится, что японскую женщину уважают за то, что она — жена и мать, и ей нет необходимости работать [Fukuda 1990: 160-161].

Так что и сейчас японское общество может быть охарактеризовано как общество мужской ориентации (male oriented) [Tanaka 2004: 205]. Это проявляется и в языке, но нельзя ставить знак равенства между обществом и языком. Например, как указывает та же Л.Танака, женщина — руководитель может использовать властные стратегии, не отказываясь от традиционных форм женской речи [Tanaka 2004: 205]. А языковая дискриминация может происходить и бессознательно, без стремления к дискриминации иного рода: женщина может назвать себя «скромным» местоимением просто по привычке [Onna 2001: 231-232]. Тот же автор считает, что японским культурным традициям не соответствуют революционные идеи, в том числе и в языковой сфере, поэтому такие традиции могут оказываться устойчивыми [Onna 2001: 236]. Представляется, что Накамура Момоко и другие борцы за отмену гендерных особенностей в японском языке и японской речевой культуре при бесспорности многих их тезисов переоценивают сознательные процессы в развитии языка и недооценивают бессознательные. Многие женские и мужские языковые и речевые особенности действуют автоматически и неосознанно.

Японские специалисты при всём разбросе подходов и точек зрения сходятся во мнении о том, что их устойчивость сохранится достаточно долго.

ЛИТЕРАТУРА

- Благовещенская 2007 — Благовещенская О.В. Язык молодежи в Японии. Кандидатская диссертация. М., ИСАА при МГУ, 2007.
- Fukuda 1990 — Fukuda Eiichi, Fukuda Yuuji. Nichibei no kokusaika to gengo sootaisei. Tokyo, 1990.
- Gottlieb 2005 — Gottlieb N. Language and Society in Japan. Cambridge University Press, 2005.
- Nakamura 2007 — Nakamura Momoko. “Onnakotoba” wa tsukurareru. Tokyo, Hitsuji-shoboo, 2007
- Onna 2001 — Onna to kotoba. Endoo Oriie (ed.). Tokyo, Akaishi-shoten, 2001.
- Sasaki 2000-2003 — Sasaki Mizue. Otoko to onna no nihongo jiten. V.1-2. Tokyo, Tookyoodoo, 2000-2003.
- Stanlaw 2004 — Stanlaw J. Japanese Language: Language and Culture Contact. Hong Kong University Press, 2004.
- Tanaka 2004 — Tanaka Lidia. Gender, Language and Culture. A Study of Japanese Television Interview Discourse. Amsterdam — Philadelphia, John Benjamins, 2004.
- Yamazaki, Yoshii 1984 — Yamazaki Keiichi, Yoshii Hiroaki. Kaiwa no junbantori shisutemu // Gengo, 1984, 7.

**Некоторые культурно-специфические особенности
грамматики японского языка**

Общеизвестно, что у каждого народа существует специфическая логика образного осмысления окружающего мира, в которой отражается менталитет народа. Представители разных лингвокультурных общностей по-разному видят, воспринимают и оценивают действительность, что прослеживается в языковой картине мира.

Национальная обусловленность лексики того или иного языка, фиксирующей в значениях слов результаты познания действительности, осознана давно. В языковой картине мира выделяется обширный пласт слов, словосочетаний и фразеологизмов, имеющих эмоциональную, оценочную или стилистическую коннотации, которые обусловлены национально-культурным контекстом. Мировидение, отражается в языке, а язык накладывает отпечаток на особенности формирования менталитета человека.

Специфика мировосприятия и характерные черты национального менталитета находят свое отражение не только в лексике и фразеологии, но и в грамматическом строе языка. Согласно теории лингвистического детерминизма, грамматическая система языка, в свою очередь, напрямую формирует мысль, являясь программой мыслительной деятельности. Гипотеза лингвисти-

ческой относительности предполагает, что мышление и восприятие человека зависят от того, на каком языке он говорит.

Таким образом, язык формирует самобытную среду существования культуры, а реализация и сохранение культуры без языка невозможны. Любой аспект языка — семантический, лексико-фразеологический, синтаксический, морфологический, может стать источником информации о национальном характере и менталитете.

Японский язык, передавая созерцательный характер японской культуры, изобилует выражениями и ключевыми словами фаталистического содержания. Доказательство тому такие слова активного словаря как, например, *道 мити* — Путь, *成り行き нариюки* — естественный ход развития событий; *運命 уммэй* — «судьба». О пассивном восприятии мира говорят и многие пословицы и поговорки: японцы очень любят говорить *仕方がない сиката-га най* — «ничего не поделаешь», *袖振り合いも他世の縁 содэфуриау-мо тасэй-но эн* — «все predetermined судьбой». Приведенные слова и фразеологизмы, как и многие другие, отражают осознание носителями языка иррациональности и непредсказуемости человеческого бытия, ощущение зависимости человека от внешних неодолимых сил.

О конкретности /предметности/ мышления японцев, об их стремлении упорядочить все путем пересчета свидетельствует обилие в японском языке слов, во

внутренней форме которых используется обозначение чисел, использование которых отнюдь не всегда мотивировано. Практически все подобные слова и фразеологизмы являются заимствованиями из китайского языка или китаизмами, т.е. составлены японцами из иероглифов. Многие имеют отношение к буддизму. Там, где в русском языке используются более абстрактные понятия, японцы часто прибегают к численному обозначению количества, например, 四季 *сики* — времена года, букв. «четыре сезона», 千里眼 *сэнриган* — ясновидение, букв. «видеть на тысячу ри», 七面鳥 *ситимэнтэ* — индюк, букв. «птица с семью лицами».

Конкретность мышления японцев реализуется в обязательности точного указания предмета, о свойствах которого делается заключение: по-японски нельзя просто сказать «яблоки невкусные», необходимо уточнить «эти (твои, зеленые и т.п.) яблоки невкусные».

О конкретности мышления говорит, на наш взгляд, и большее внимание японцев к процессу действия, нежели к его результату. Об этом свидетельствует, например, обязательное использование, по меньшей мере, семи глаголов, называющих процесс надевания одежды в зависимости от того, на какое место тела или как (т.е. «натягивается», «обматывается», «цепляется») надевается тот или иной предмет туалета. Результат любого действия, если это нужно, обозначается специальными «результативными» глагольными формами, при этом, если нужно, может быть отмечена либо результативная направленность действия, либо необра-

тимось результата.

Приведенные выше примеры уже на уровне лексики языка подтверждают правомерность определения японской культуры как культуры с высоким значением индекса избегания неопределённости. В работах японских и зарубежных специалистов по японскому языку перечисляются более десятка факторов, позволяющих назвать это язык одним из наиболее трудных для изучения его иностранцами. Помимо иероглифики, к трудностям японского языка относят и контактоустановочные слова, и ситуативные речения, и сложные глагольные формы, и отсутствие категории числа, и возведенную в ранг хорошего владения языком нечеткость и туманность высказываний.

Впрочем, пожалуй, все сходятся во мнении, что самым сложным моментом для понимания является необходимость знания общего контекста сообщения, «того, что не обозначено словами».

Общепризнанно, что японская культура является высококонтекстной. Естественно, что это находит свое отражение и в языке. Доказательством, в первую очередь, является лексика — обилие омофонов, омографов, омонимов, наличие слов, объединяющих некий ряд вещей, явлений или событий. Например, только человек, осведомленный в вопросах японской культуры может понять, что словом 四友 *сию* — букв. «четыре друга» называют кисточку для письма, тушь, бумагу и кусок камня для растирания туши — предметы, необ-

ходимые для письма. Слово 六大 *рокудай* — букв. «шесть больших» — это или шесть самых престижных университетов (Токийский государственный, Васэда, Кэйо, Мэйдзи, Хосэй и Риккё), или (в том же иероглифическом написании!) шесть основ бытия в буддизме (земля, вода, огонь, ветер, пространство, познание). Слово 五感 *гокан* — в одном иероглифическом написании «пять чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание», в другом — 五官 «пять органов чувств: глаза, уши, нос, язык и кожа», помимо этих двух в словаре японцев ещё минимум шесть слов, с таким же звучанием — 五款、互換、語幹、語感、五卷、五間 *гокан*, но записанных другими иероглифами и, следовательно, имеющих разные значения.

Следует особо подчеркнуть, что именно следствием большого значения контекста является то, в тексте на японском языке важным является не только и не столько то, **что** и **как** говорится, но и то **почему** (коммуникативное намерение) именно **так** говорится в данной конкретной ситуации, другими словами, текст не сводим к средствам и способам его исполнения. Следовательно, за единицу обучения приходится принимать именно некий текст, а не то или иное грамматическое или лексико-фразеологическое явление.

Одним из моментов, позволяющих считать японский язык особо сложным, часто называют фикса-

рованное положение сказуемого в конце предложения¹. Есть такая японская детская игра *だれかにこれを上げ* ...*дарэ-ка-ни корэ агэ*... «кому-то это ... (пауза) дам / не дам». Суть игры заключается в том, что основная информация «дам — не дам» заключается в самых последних звуках *агэру-агэнай*, и когда ведущий берет в руки какую-то вещь и говорит эти слова, называя имя кого-то из игроков, последний должен вовремя отреагировать и протянуть или не протянуть руки к вещи. Можно сказать, что в каком-то смысле говорящие по-японски всё время играют в эту игру.

Положение сказуемого в конце предложения причает к восприятию информации в контексте, к последовательному, с более или менее уточняемыми параметрами, подведению слушателя к главной информации, сообщаемой сказуемым. Интересно, что форма, в какой будет стоять этот заключительный глагол, может в последний момент изменить смысл всей фразы, чем очень часто и пользуется говорящий, следя во время речи за реакцией собеседника.

В данном случае мы говорим о контексте и как о языковом окружение единицы языка, и как о явлении социальном, о внетекстовом контексте, который включает в себя такие параметры, как время /момент/

¹ Возможность инверсии сказуемого в устной речи используется в случае, когда необходимо как-то выделить сам факт действия: итта ё, кино:, орэ «ходил, вчера я».

создания (в случае игры — произнесения) текста, взаимоотношения между социальными ролями общающихся и т.д.

Национальный стереотип мышления у человека, живущего в той или иной языковой среде, формируется не только под влиянием модели поведения окружающих, но и под влиянием усваиваемого языка. Японскому языку в высшей степени свойственна «речевая тактичность» — тенденция к тщательному продумыванию и выбору средств языкового выражения и обозначения не только высказываемой мысли, но также своего возрастного, гендерного и социального статуса.

Рассмотрим ещё несколько грамматических моментов, учитывая, что с одной стороны, они формируют языковую личность в процессе ее становления, с другой — являются проявлением национального менталитета.

В современном японском языке¹ представлено четыре местоимения для первого лица единственного числа (*ватакуси*, *ватаси*, *боку*, *орэ*) и три для второго лица единственного числа (*аната*, *кими*, *омаэ*).

В русском языке, как известно, одно слово — *я* — для 1-го лица единственного числа и два местоимения

¹ См. Б.П.Лаврентьев, «Практическая грамматика японского языка», М.: Живой язык, 1998, стр.10

для 2-го лица единственного числа — *ты* и *Вы*. Местоимение *вы*, используемое для 2 лица множественного числа, может относиться и к одному человеку, но тогда оно пишется с большой буквы — подчёркивая вежливое и почтительное отношение к партнёру по коммуникации. Частое употребление местоимения 1-го лица единственного числа как с точки зрения русскоговорящих, так и с точки зрения японцев выглядит нескромно, а зачастую и просто неприлично или неестественно.

Как и в русском, так и в японском языке на выбор личного местоимения, подходящего в конкретной ситуации, влияют социальный статус, возраст, уровень образования, пол и всевозможные конкретные обстоятельства общения.

Личное местоимение в роли подлежащего (присутствующее или подразумевающееся) и в русском, и в японском языках всегда согласуется по степени вежливости с глаголом в роли сказуемого. В японском языке уже в среднем регистре вежливости обязательным является употребление специальных глаголов для обозначения действий первого или второго /третьего лица. Это сопоставимо с тем, что по-русски, например, говоря о своём действии, нельзя употреблять глагол *кушать*, выражающий согласно словарю, «вежливость и ласковое внимание». Необходимо отметить, что сейчас как в русском, так и в японском языке есть тенденция перехода к более упрощённому, усреднённому стилю речи, многие слова, употреблявшиеся

только в вежливой речи, вытесняются нейтральными, а то и стилистически заниженными, особенно, в речи молодёжи.

Если обратиться к теории культурных измерений Г. Хофштеде, то японскую культуру с полным правом можно считать культурой с высокой дистанцией власти, которая воспринимается в этой стране как незыблемая данность, имеющая мощную фундаментальную основу. В языке это находит отражение в весьма детализированной и сложной системе обозначения степеней социальной вежливости и лично-вежливых отношений. Высокая дистанция власти просматривается и в четкой дифференциации категории 内 vs 外 *ути vs сото* «свой vs чужой», на основании которой строится система указательных (*корэ, сорэ, арэ*) и определительных (*коно, соно, ано*) местоимений. Общинный, коллективистский характер японского менталитета в языке скрывает человека как активного действующего за множеством пассивных, безличных и предположительно-вероятностных конструкций.

Сравнивая реакцию европейцев и японцев на внешний мир Тэруо Гокō сопоставляет ее с реакцией на угрозу кошки, изготовившейся к прыжку, и зайца, притворившегося мертвым¹.

¹ Гокō Т. Котоба кара мита нихондзин. (Японцы в зеркале слов). — Токио, 1979, стр.22.

«Пассивные» элементы языка и культуры, реагируя друг с другом, формируют специфический японский менталитет. Структура японского языка тяготеет к безличности и неопределенности, когда не субъект делает что-то по отношению к чему-то или кому-то, а, напротив, «что-либо делается по отношению к субъекту».

Прежде всего, это касается случаев употребления страдательного, побудительного и побудительно-страдательного залогов. Ощущение себя как элемента мира, в котором многое происходит вне зависимости от действий и желаний человека, присуще и понятно русским не в меньшей мере, нежели японцам.

Мы, как и японцы не склонны брать на себя ответственность за происходящее с нами, а готовы сваливать все на объективные и не зависящие от человека (деятеля, т.е. подлежащего) причины. При таком отношении к окружающему миру и к находящемуся в нём человеку очень естественным становится *迷惑の受身* — «пассив пострадавшего»: *辞められた ямэраэта* — букв. «ушли с работы», то есть кем-то были созданы такие условия, что пришлось уйти; *雨に降られた амэ-ни фураэта* - «попал под дождь» - дождь — активный деятель, от действий которого человек пострадал, *母に死なれた хаха-ни синарэта* — «у меня умерла мать» - активным деятелем выступает мать, от действия (смерть — тоже действие) которой я страдаю.

Смею утверждать, что носителю русского языка не нужно долго объяснять отсутствие деятеля в конструкциях типа «не спалось», «чувствуется», «подумалось». Впрочем, японский язык в своём лукавстве идёт дальше русского. Так, например, глаголы «думания», употреблённые в пассивной форме настоящего-будущего времени, могут выражать мнение говорящего, но иногда эта форма избирается именно для того, чтобы избежать упоминания действующего лица.

Пассивный характер японского менталитета, стремление к сохранению гармонии, соответствующей моменту, просматривается в обилии форм передающих значение возможности совершения действия, разнообразии условных форм. Здесь будет уместно отметить, что диалог на востоке — не средство самовыражения, но способ «ублажения» собеседника, а обмен мнениями по-японски — это не европейская дискуссия, берущая своё начало в средневековых университетах, но 座談会 *дзаданкай* — буквальное толкование этого слова точнее всего передается как «посиделки», в ходе которых общающиеся стремятся не дать собеседнику «потерять лицо».

В заключение хотелось бы напомнить, что в Европе интерес к языку, который средневековые интеллектуалы называли «инструментом ума» (Ален Лилльский), возник тогда, когда в Японии ещё не было письменности.

Японцы вплоть до XIX века не проявляли особого

интереса к грамматике как таковой, обучение грамоте сводилось к обучению письменности, т.е. иероглифики и стандартным оборотам, свойственным письменной речи. В силу известных исторических причин — с начала XVII до середины XIX века все контакты с иностранцами были запрещены — не приходится говорить о серьезном научном или практическом интересе к изучению иностранных языков в Японии вплоть до 70-х годов XIX века.

Этот экскурс в историю был необходим для того, чтобы ясно представить себе различные, даже не параллельные, а идущие совершенно в разных плоскостях, пути развития лингвистической науки в Европе и в Японии, а, следовательно, и представлений о ее предмете, языке, о его практическом и теоретическом освоении.

Современные японские лингвисты вслед за зарубежными исследователями японского языка пытаются подогнать его явления под привычные рамки детально исследованных и описанных языков, относящихся не просто к другим группам, но к другим языковым семьям.

В результате мы постоянно сталкиваемся с тем, что при обозначении того или иного грамматического явления терминами, за которыми в нашем сознании закреплены вполне определенные грамматические моменты европейских языков, мы невольно вызываем

различные ассоциативные связи, которые вовсе не характерны для данного явления в японском языке.

Очень наглядный пример — падежные показатели, именно так привычно называют грамматические форманты, которые в японском языке могут оформлять не только существительные, но и глаголы, и даже целые предложения. И хотя некоторые лингвисты предлагают в этих случаях считать и называть их союзами, совпадающими по форме с падежным показателем, но это не более чем лукавство, поскольку в подобном случае совпадают не только форма, но и грамматическое содержание.

Стоит ли удивляться, что при обучении иностранцев японскому языку, которое началось лишь во второй половине XIX века, а стало довольно активным только во второй половине XX века, по сути и не пытаются найти способы объяснения, которые учитывали бы собственно национальные особенности языка и его носителей.

Думается, что взгляд лингвиста-культуролога неизбежно отличен от взгляда традиционных лингвистов или специалистов в области структурно-прикладной лингвистики, и именно культурологический подход к исследованию японского языка может дать интересные результаты при выяснении сущности многих явлений его грамматического строя.

Климов В.Ю.

«Наставление юношам»

По-японски это средневековое сочинение называется «*Тикубасё*» (竹馬抄). Первых два иероглифа также прочитываются как «*такэума*» (竹馬) и в буквальном переводе на русский язык означают «*бамбуковые ходули*». Третий иероглиф «*сё*» (抄) можно перевести как «*избранное*». Поэтому составители многолетней энциклопедии фирмы Коданся, не мудрствуя лукаво, предложили буквально перевести на английский язык «*Антология бамбуковых ходуль*» («*The Bamboo Stilt Anthology*»). Звучит красиво, но непонятно.

Само развлечение, хождение на бамбуковых ходулях, пришло на японские острова в глубокой древности из Китая. Дети с раннего детства, связанные этим увлечением, назывались «*друзья детства*», а в буквальном переводе «*друзья на бамбуковых ходулях*» «*тикубаномо*» (竹馬の友). Хождение на ходулях поощряли, считали необходимым элементом в воспитании здорового поколения. Подобные тренировки способствовали физическому развитию и умению удерживать баланс, объективно оценивать свои силы. И сейчас в японской начальной школе на занятиях по физкультуре практикуется хождение на ходулях. Кроме того, биномом *тикуба* стали обозначать раннее детство, период

возмужания. А если учесть еще то обстоятельство, что **Сибя Ёсиюки** (два иероглифа имени также часто читаются как **Ёсимаса**) **斯波義将** (1350-1410) специально написал это поучение своему внуку и младшим членам семьи, то можно предложить следующий перевод названия «**Наставление юным**» или же «**Наставление в жизнь вступающим**».

Предполагаемый автор Сибя Ёсимаса известен под несколькими именами: **Дзибунотайфу** 治部大輔, **Саэмонносукэ** 左衛門佐, **Уэмонноками** 右衛門督, **Кадэнокодзи-доно** 勘解由小路殿 и, наконец, посмертное, монашеское имя **Досэ** 道将. Четвертый сын **Сибя Такацунэ** 斯波高経 (1305-1367), который встал на сторону Асикага Такаудзи (1305-1358) в борьбе за власть против императора Годайго (1288-1339). Дом Сибя находился в дальнем родстве с сёгунами из рода Асикага. Сам Сибя Ёсимаса в общей сложности на протяжении 18 лет, трижды занимал пост первого министра (*канрэй*), второй по значимости после сёгуна в военном правительстве Муромати. Подражая третьему сёгуну Асикага Ёсимицу (1358-1408), он был последователем буддийской школы *дзэн*, увлекался поэзией и сочинением стихов на японском языке *вака*, собирал картины и увлекался живописью. Являл собой редкий образец слияния культур придворной аристократии и военного сословия, что, видимо, объясняется нравами, царившими при дворе сёгуна Асикага Ёсимицу. Во время написания наставления (1383 год или 3-й год девиза правления Эйтоку) занимал пост

первого министра второй раз. Входил в круг самых доверенных людей трех сёгунов: второго сёгуна Асикага Ёсиакира (1330-1367), третьего — Ёсимицу и четвертого — Ёсимоти (1386-1428). Был военным губернатором (сюго 守護) четырех провинций: Этидзэн, Эттю, Ното и Вакаса.

Текст дошел в двух рукописях. Основной считается рукопись из личной библиотеки ученого Татихара Ёродзу (立原万蔵本), хранится она в книгохранилище кабинета министров (国立公文書館内閣文庫). Она опубликована в первом в истории Японии многотомном собрании средневековых письменных памятников «Гунсё руйдзю:» (「群書類従」), составленной исследователем японской словесности Ханава Токиити (1746-1821) в разделе «Разное» (дзацу 雑). Как правило, текст этой рукописи воспроизводится во всех авторитетных изданиях, перевод его на русский язык прилагается.

Однако существует еще одна рукопись, в колофоне которой указывается, что автором ее является другой не безызвестный представитель военного сословия *Имагава Рёсюн* 今川了俊 (1326-1414). Этот письменный источник хранится в мемориальной библиотеки рода Маэда «Маэда икутокукай сонкэйкаку бунко» (前田育徳会尊経閣文庫), которая расположена в районе Мэгуро города Токио. Маэда Тосиэ (前田利家) (1538-1599), основатель рода, начал собирать редкие образцы каллиграфии, письменных памятников минского Китая

(1368-1644), а также японские рукописи с периода Хэйан (794-1185) и Камакура (1185-1333). Во времена Маэда Цунанори (前田綱紀) (1643-1724), представителя пятого поколения дома, была собрана прекрасная библиотека. 80 рукописей признаны японским правительством либо национальным сокровищем, либо важным культурным достоянием страны. Письменный источник из этой коллекции практически полностью совпадает с рукописью из личной библиотеки Татихара, но в колофоне написано *камбуном*, что текст написан монахом в миру Имагава Рёсюн и что ее переписал самурай, находившийся в замке Одавара во время осады его войсками Тоётоми Хидэёси (1537-1598). В конце стоит дата 1590 год (Тэнсё 18 год 天正十八年, год тигра, 6-я луна 13 день). Кроме того, если провести анализ, когда появились стихи, которые широко цитируются в тексте, представленном в сборнике «Гунсё руйдзю», то обнаружатся некоторые нестыковки.

И, наконец, ни в одном из наставлений представителей военных домов нет столько цитат и ссылок на классическую японскую литературу. Прежде всего это относится к восьмому фрагменту, где говорится о том, воину обязательно надо знать «Гэндзи моногатари», «Макура-но сёси» и другие образцы изящной словесности. Чаще всего об этом говорили Сиба Ёсимаса и Имагава Рёсюн, они подчеркивали необходимость овладения культурой аристократов. Оба жили в годы правления Асикага Ёсимицу, стремившегося затмить

императорский двор пышностью обрядов и вниманием к проявлением изящного во всех сферах человеческой деятельности. Видимо, поэтому не случайно и возникают эти две фамилии в вопросе об авторстве. И здесь, по-видимому, надо положиться на чутье и профессионализм японских исследователей. В частности, Одзава Томио 小沢富夫, проводя текстологический анализ «Тикабусё» и «Нантайхэйки» (「難太平記」), автором которого является, без сомнений, Имагава Рёсюн, приходит к мнению, что, по всей вероятности, «Наставление юным» написал Сиба Масамото¹.

Перевод

Наставление юношам
ТИКУБАСЁ 竹馬抄

Во всех случаях человек должен выглядеть достойно и обладать [собственным] зрением, [способным увидеть саму суть вещей]. Однако в настоящее время мало людей, понимающих это. Прежде всего, человек, живущий [согласно] Пути Лука и Стрел, должен вести себя так, чтобы не только добыть славу себе, но и оставить доброе имя потомкам. Если ты воин, то нельзя с горечью думать о том, что пожертвуешь жизнью, имеющей предел, нельзя запятнать себя бесчестьем на века. Однако, хоть это и так, обращаться небрежно с

¹ Одзава Томио 小沢富夫. Букэ какун — икун сёсэй 武家家訓・遺訓集成 (Собрание наставлений и заветов военных домов). Токио, 2003. С. 466.

жизнью, как будто их две, или жертвовать жизнью, хотя это вовсе не обязательно, напротив приведет к бесчестью. К примеру, основная суть война именно в том, чтобы отдать жизнь ради государя Поднебесной (一天の君の御ため) или же ради больших свершений сёгуна, [тогда] сможешь передать высокое имя потомкам. Отдать же жизнь походя в бессмысленной в глазах война ссоре, независимо от [понятий] добра и зла, не составит славу дому, более того, вряд ли можно рассчитывать на доброе имя. В общем, у воина не должно быть опрометчивого и пренебрежительного сердца. Более чем когда-либо ранее, обдумай всё. Ватанабэ Цуна¹, один из четырех небесных государей [военачальника] Минамото Ёримичу² наставлял Урабэ³ [следующими] словами "обычное сердце — трусливо", и это позволяет осознать смерть в обыденном смысле. Однако большинство людей, так как думают, что лучше себя вести как обычно, сообразуясь со временем и местом, то неожиданно, когда сталкиваются с серьезными трудностями, приходят в замешательство и, утратив момент, когда нужно было умереть, [потом] раскаиваются. По этой причине говорят, что одинаково готовы к действию и выдающийся воин, который смог

¹ Ватанабэ Цуна 渡辺綱 (953-1025). Воин середины эпохи Хэйан, герой легенды, усмиривший дьяволов.

² Минамото Ёримичу 源頼光 (948-1021). Военачальник середины эпохи Хэйан.

³ Урабэ Суэтакэ 卜部末武 (950-1022).

это осознать, и человек Будды, которому открылся Путь Просветления, но очень жаль, когда сердце опрометчиво и не обладает хладнокровием. Только люди, наделенные благоразумием, обладают прекрасными сердцами.

[1] Так как по манере поведения человека можно понять достоинства его характера и его внутренний мир, то даже если [ты находишься] в месте, где нет людских глаз, но, понимая, что и в стенах и в ограде есть глаза, совершенно не должен чувствовать себя раскованно-небрежным. Тем более это касается [твоего] поведения среди людей, выверяя каждый шаг, не делай лишних движений, неосторожным словом не давай людям повода думать, что у тебя мелкая душа. Даже если ты и обладаешь утонченно-прекрасным, как цветок, сердцем, которое любит наслаждаться грустным очарованием вещей, нужно сохранять сердце красивым и справедливым, более того нужно добавить ему [еще больше] утонченности и изысканности. Хотя речь идет об отношениях между мужчинами и женщинами, но если [у тебя] нет преданного сердца и [ему] не дано испытывать теплых чувств к другому человеку, вряд ли [ты] растрогаешься до слез.

[2] Снова задумался о себе. Мне казалось [до чего же] сердце родителей докучливо, значит [я] недооценивал их поучений. Пусть даже родители глупы, но если следовать этим наставлениям, то в любом случае не вступишь в противоречие с Путем Неба (天道). Не говоря уже о том, что в восьми-девяти случаях из

десяти Слово родителя детям отвечает Принципам (дōри). Сейчас, с годами, набравшись жизненного опыта, понимаешь: не примешь родительские наставления — и зло проникнет в тебя. В старину [сам] думал: ” [До чего же] надоели [бесконечные] родительские наставления”, — размышлял только о том, что не буду следовать им, но сейчас вижу, все слова родителей важны. Не столько надо подражать хорошим делам чужих людей, сколько следует подражать плохим родителям. Таким образом сохранишь и передашь душу дома, и тебя будут называть в обществе их наследником.

[3] Естественно, как человек [ты] должен поклоняться Буддам и синтоистским божествам, и нет смысла вновь это повторять. Однако следует немного [больше] знать об этом. И то, что на этом свете появились Будды, и то, что, как говорят, изменив свой облик, воплотившись [в Будд], появились синтоистские божества (ками-но кагэн 神の化現), — все это ради нашего мира, ради людей. По этой причине, синтоистские божества и Будды пришли в наш мир не с целью, чтобы [безучастно] смотреть на зло в людях свысока. А ради того, чтобы показать первооснову человека, очистив [наши] сердца, вернув [нам] в изначальном состоянии принципы человеколюбия, справедливости, ритуала, мудрости и веры (仁義礼智信). Часто случается, что хоть и говорят, что верят в Будд, но, отнимая имущество у людей, занимаются возведением буддийских храмов и монастырей, или же

лукаво заявляя, что чтят синтоистские божества, [сами], отнимая владения (人領) у людей, проводят службы в святилищах. Думается, что это только противоречит Их воле. И пусть даже ни разу [человек] не провел службы перед Буддой, ни разу не совершил паломничества в синтоистское святилище, но если сердцем он искренен и исполнен глубоким милосердием, то и божества, и Будды будут неизменно доброжелательны [к нему], в особенности, и божество [святилища] Исэ тайдзингу, и Великий бодхисттва Хатиман, и небесные божества [святилища] Китано, с великой охотой будут пребывать в головах неоскверненных людей. Кроме того, есть люди, которые вспоминают о посещении синтоистского святилища только в трудную годину, но, думаю, это напрасные хлопоты. При обращении к божествам и Буддам с мольбами и просьбами нельзя ничего желать от Будд и богов, за исключением только обретения Добродетельной Земли после жизни (後生善所). В таком случае, вероятно, и можно получить священную защиту от Будд и богов. Но даже это, говорят, не ведет на самом деле к истинному Пути.

[4] Много есть людей, которые считают, что в отношении долга службы сюзерену (君), сначала непременно надо получить материальное обеспечение (恩 он), [а потом уже] в соответствии с размером этого обеспечения, проявлять [вассальную] преданность и выполнять служебные обязанности (わが身の忠をも奉公をも), но [так они] переворачивают вверх ногами понятия милости [сюзерена] и службы [вассала].

Собственно говоря, мы сами можем жить в этом мире только благодаря милости и добродетельности сюзерена. И действительно грустно, когда люди забывают об этом, когда все более и более возвышая свои желания, только и носятся со своей неудовлетворенностью и испытывают злобу и к миру и даже к сюзерену (世をも君をも).

[5] Человек, пекущийся только о выгоде в этом мире, принижает себя, беспокоится только о своем собственном спокойствии; опять же это достойно сожаления, да и глупо это. Поскольку рожден человеком, то, возвысившись над всеми, должен испытывать желание помочь другим и посвятить жизнь заботам о людях. Да и будхисаттвы пекутся только об этом, так что если у [тебя] простого смертного (凡夫) [твое желание] совпадет с желанием будхисаттв, то, вероятно, нет [большого] смысла жизни, чем эта.

[6] Человек, имеющий склонности к исполнительскому искусству, выделяется всем своим видом, а его дом превосходит [другие] изяществом. В мире, где все одержимы погоней за славой и богатством, искусство доступно тем, кто пекутся о [заслуженном] авторитете в обществе, поэтому пусть даже не все будет получаться, но надо [постоянно им] заниматься. И пусть ты неуклюж, но если, несмотря на неудачи, отдаваясь всем сердцем учению, будешь с упорством продолжать занятия, то достигнешь приличного уровня. Однако мало шансов стать мастером, но будет достаточно и того, что, добившись среднего уровня, [ты] в кругу друзей будешь вызывать симпатии. Хотя ты и

рожден в знатном роду и внешность [у тебя] великолепна, но посещаешь места, где сочиняют и декламируют стихи; кроме того, бывая в цехе (дза) [музыкантов, играющих] на духовых и струнных инструментах, в цехе [мастеров], изготавливающих инструменты, в цехе [поэтов] стихов в жанре рэнга, не входишь в их круг и можешь вести беседы только на другие темы; хотя и сидишь вместе с людьми, играющими на [японском музыкальном инструменте] сямисэне, но только и можешь, что подпереть голову руками, а на площадке игры в японский футбол (кэмари 蹴鞠) не можешь даже нанести первый удар по мячу, сбивая с него росу; а для того, чтобы послать письмо молодому другу, написанное прекрасным каллиграфическим почерком, приходится просить об этом одолжении других людей, не можешь даже должным образом ни произнести речь, ни сделать [какие-нибудь] записи; грустно все это. Более того, чтобы отправить, к примеру, послание женщине, втайне просишь кого-нибудь написать [его], но это привлекает внимание других и все об этом узнают, разве это не прискорбно? Даже что касается таких не приносящих пользу забав, как японские шашки "го", шахматы "сёги" или триктрак "сугороку", присутствовать, наблюдать за игрой и не понимать, все это не сделает [тебе] чести. И вновь должен повторить: естественно тебе, воину, вооруженному Луком и Стрелами, нужно [в первую очередь] заниматься стрельбой из лука в цель (的), или на скаку по соломенной шляпе (笠懸) или по собакам (犬追物).

[7] Человека с умом и мудрым сердцем видно по тому, как он отбирает к себе на службу людей. Если при выборе людей будешь привлекать тех, кто тебе лично нравится, например, возьмешь на службу, которая связана с Путем Учености, воина, не имеющего никакого представления об этом, или назначишь на должность посланника (使節) не обладающего ни красноречием, или же, например, будешь использовать глупца на должностях, где обязательно предполагается наличие ума и рассудительности, то все дела плохо пойдут. С другой стороны, испортишь этим людям всю жизнь. При выборе человека необходимо, хорошенько все взвесив, остановиться на том, кто [наибольшим образом] подходит этому Пути. Нет человека, которому невозможно было бы подобрать должность, это подобно тому, как "согнутое дерево используй в колесе, а прямое - в дышле". К примеру, пусть человек тебе не нравится, но [ему] всегда можно найти какое-нибудь дело. И пусть он отвратителен, но, соблюдая меры предосторожности, можно привлечь его с пользой для себя. Но, как говорил об этом в начале, в особенности должен очень и очень хорошенько осознать, что тот, у кого нет в сердце правды, чтобы ты не заставлял [его] делать, он не будет стараться и никаких обязанностей не сможет исполнять. Здесь можно, думается, привести такие слова: "множество талантов у одного праведного сердца" (баннō иссин 万能一心). В частности, воин, вооруженный Луком и Стрелами, наведя порядок в собственном сердце, сможет оценить сердце другого; и

это, можно сказать, самый важный Закон Солдата (хэйхō 兵法).

[8] Воин из общества всегда должен иметь под рукой "Гэндзи моногатари" и "Записки у изголовья", написанные Сэй Сёнагон, и снова и снова прочитывать их. Эти повествования, прежде всего, учат нас манерам поведения и показывают добро и зло. Благодаря этому [мы] можем понять и состояние людей, которые понимают естественным образом изысканность. Никим образом не следует дружить с людьми, которые, отступившись от Принципов (дōри), плохо ведут себя с другими, безнадежно погрязнув в алчности, не испытывают любви к искусству. Обыкновенное состояние человека: хорошему научаешься с трудом, а плохому — с легкостью, поэтому сам себя формирую, уподобляясь людям, с любовью смешивающихся с природой. Это я сам, глубоко проникнув в себя, ощущаю. Я, занявшись каллиграфией, начал писать письменные знаки каны и наследовал действительно прекрасный почерк от образованной женщины, чему некогда сам стыдился. С этого все началось. Получил знания о Пути [стихов в жанре] вака на обычном уровне и, в конце концов, принял участие в [составлении поэтической антологии] "Нидай-но сё"¹. И в жанре "рэнга" начал пробовать

¹ В тексте значится антология под названием «Нидай-но Сё 二代の集». По-видимому, речь идет об одной из антологий «Нидзюитидай Сё 二十一代集» объемом в 20 маки. Она известна больше под названием «Синго дзюи вакасё 新後拾遺和歌集». Она начала

силы, соревнуясь со всеми молодыми друзьями. В начале был во власти собственных привязанностей, достигнув среднего уровня — прислушивался к мнению других, но по мере того, как шло время, естественно, серьезно привязался всем сердцем к Пути Утонченности, мог общаться на обычном уровне с людьми, [идущими по этому] Пути. Говорят, что престарелых не любят, им трудно выйти в общество, их в гости не зовут, поскольку ничего нового не могут показать в искусствах, но хочется чем-нибудь поддержать стареющее сердце, не так ли? И японским футболом занялся, в молодые годы не хватало игроков, и из-за этого [часто] спешно меня привлекали, и я так пристрастился [к нему], что как-то не стыдно было [играть], но ни в коем случае не мастерски, тем не менее, научился отличать искусство обработки мяча ногами, манеру поведения и такт людей, и, несмотря на то, что встречался в борьбе за мяч с игроками искуснее меня, но уступать не хотелось. Что касается Пути музыкальных инструментов, поскольку мои родители особенно ценили их, то еще в возрасте, когда не проявлял особых признаков сообразительности, был занят тем, что учился играть *три мелодии* (санкёку 三曲)¹ на бива,

составляться в 1375 г. (Эйва 1-й год 永和1年) по указу императора Гоэньё 後円融 (1358-1393).

¹ Три мелодии (санкёку 三曲) — это «Родник» (рёсээн 流泉), «Дятел» (Такубоку 啄木), пьеса театра Но «ёкёку»). Кроме указанных значений под термином «санкёку» зачастую понимают

меня заставляли хотя бы немного научиться играть плектром. Но, выйдя в свет и начав выполнять служебные обязанности, за недостатком свободного времени, прервал репетиции. Я действительно сожалею, что с того времени и вплоть до настоящего момента так и не смог приобрести друзей, занимающихся на бива, так и не смог достичь своей мечты. В связи с этим можно сказать: у человека прививается образованность и вкус благодаря его друзьям. С древности и до сегодняшнего дня у людей, знавших грустное очарование человеческих чувств между мужчиной и женщиной и известных тем, что смогли оценить их, не было особенных преимуществ. Просто они обрели Имя на этом Пути потому, что их чувства были сердечны и превзошли они других и по образованности, и по талантам благодаря тому, что отдали сердце очарованию цветов и луны, ощутив в сердце быстротечные чувства мира людей, бережно сохранили сердце и, ухватив момент грустного очарования вещей (моно-но аварэ), удержали это настроение в [первозданной своей] красоте. И если предаться размышлениям по этому поводу, то в нынешнем мире совершенно невозможно обнаружить людей, наделенных даром таким, какой был у людей, известных своим знанием грустного очарования чувств между мужчиной и женщиной. Когда молод и недурно сложен и в обществе

игру на трех музыкальных инструментах: кото, сямисэн и сякухати.

привлекаешь взоры, что ни говори, своей красивой внешностью, то, пребывая только от этого в самодовольстве и всецело заботясь лишь о себе, никогда не добиться ни рассудительности сердца, ни склонности к изяществу. И если есть глаза, которые замечают других, и если встречаешься с людьми с прекрасным сердцем, то [они на тебя] сразу же будут смотреть свысока, вероятно. Если же задумаемся над тем, как состарится человек, не обладающий такими склонностями к искусству, то совершенно не обнаружим разницы с тем, как достигнет старости лисица или енот. Но что же думать о нем, как о человеке? [Аривара] Нарихира¹ т̄юсэ (業平中将) написал: "...чтобы в эти чертоги старость никогда не нашла дороги", т̄юнагон Юкихира² — "...и льются слезы водопадом, что выше, может, каменных теснин", Ōтомо Куронуси³ — "... чтоб доподлинно знать, насколько облик мой состарили годы", Кодзидзю⁴ — "... когда ... восьмой десяток на излете...", хотя все эти стихи говорят о преклонной старости, о том, что пожилые люди с тоской, должно быть, вспоминают о давно минувших днях, когда они

¹ Аривара-но Нарихира 在原業平 (825-880) — поэт начала эпохи Хэйан.

² Аривара-но Юкихира 在原行平 (818 - 893) — поэт начала эпохи Хэйан, брат Нарихира.

³ Ōтомо-но Куронуси 大伴黒主 (? - ?) — поэт начала эпохи Хэйан. Родом из села Ōтомо провинции Оми.

⁴ Кодзидзю 小侍従 (? - ?) — поэт конца эпохи Хэйан.

были молодыми, во цвете лет, и, кажется, слышится в них нежное чувство печали, сочувствия. А когда состарится человек, живший только молодостью, то насколько он сможет отвлечься от своих мыслей? Человеческая жизнь подобна грезам. И говорят, что имя человека на вечные времена сохраняется, но если бы выдающиеся Высокомудрые служители Закона Будды (佛法の上人), или мудрецы, Святые (賢人聖人) не были к тому же людьми, превосходивших других на Пути утонченности, то их имена не передавались бы на протяжении многих поколений. Говорят, что "человек не камень и не дерево", но люди, бесцельно доживающие до глубокой старости, подобны прогнившим деревьям в горных долинах. Должен помнить все время об этом.

Комментарий к статье 8

В этой статье цитируются отдельные строки из поэтических антологий. "Собрание старых и новых песен Японии" ("Кокин вакасю" или "Кокинсю") — литературный памятник X в., составлен по повелению императора, став первой "придворной" антологией "японских песен" (вака). В IX-XII вв. были модны "китайские стихи" (канси), которые слагались в подражание китайским шедеврам. После публикации "Кокин вакасю" наступил расцвет исконно национальной поэзии. В антологию первоначально было включено 1100 стихотворений в 20 свитках, позже Фудзивара Тэйка добавил еще одиннадцать. Подавляющее большинство из них написано в жанре "танка" (состоит из 31 слога). В 1995 году издательством "Радуга" был издан перевод собрания, выполненный А.Долиным.

Свиток VII. 349. Сложено на праздничном пиршестве во дворце Кудзё по случаю сорокалетия канцлера Хорикава

сакурабана	Цветы вишни,
тирикаи куморэ	опадайте же и закройте пеленой
оираку-но	ту тропу, откуда, говорят,
кому то иу нару	приходит старость,
мити магау гани	чтобы сбить ее с пути!..

(Аривара-но Нарихира)

(Дворец Кудзе принадлежал канцлеру-регенту Фудзивара-но Мотоцунэ, чья главная резиденция находилась в Хорикаве).

Собрание старых и новых песен Японии. Кокинвакасю. Перевод со старояпонского А.Долина. М., 1995. С.171.

Вешней вишни цветы!

Молю, поскорей заметите все тропинки в горах, чтобы в эти чертоги старость никогда не нашла дороги.. Там же., с.8.

"Новое Кокин вакасю" ("Син Кокин вакасю"). Поэтическая антология составлена по повелению экс-императора Готоба (1198-1221). Составление восьмой по счету императорской антологии началось в 1201 и закончилось в 1210 году. По традиции она насчитывает двадцать свитков, разделенных по тематическому признаку (Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. Начало и развитие традиций. Санкт-Петербург, 1997. С. 332-333).

Свиток XVII (срединный), Песни смешанной формы, N1649, с. 337 (Син Кокин вакасю. Под редакцией Хисамацу Сэньити, Ямадзаки Тосио, Гото Сигэо. — Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 28. Иванами сётэн. Токио, 1958, с.337).

Вагаёоба	Я живу ожиданием,
кэфу-ка асу-ка то	когда явится Будда.
мацу каи-но	Сегодня? Завтра? Тщетно.
намида-но таки-то	И льются слезы водопадом,
идзурэ такакэн	что выше, может, каменных теснин.

(в моем переводе)

Здесь обыгрывается слово "кай", написанное хираганой, - эффект, хороший результат, польза; при отрицании - нет пользы, тщетно. Но есть еще одно слово "кай", означающее - горное ущелье, теснина, с высотой которого сравнивается "водопад слез".

Стихотворение написал тюнагон (Средним советником) Ариварано Юкихира (818-893).

"Кокин вакасю"

Свиток XVII, #899, т. 3. С. 109.

Кагами-яма	Что ж, взойду-ка я
идза татиеритэ	на гору Зеркало,
митэ юкан	посмотрю (на нее) и пойду дальше -
тоси хэнуру ми ва	узнаю, намного ли постарел
ои я синуру то	по прошествии (стольких) лет ...

В художественном переводе А.Долина стихотворение звучит следующим образом:

Без названия

Что ж, пора мне взойти
на гору Кагами - "Зерцало" -
поглядеть на себя,
чтоб доподлинно знать, насколько
облик мой состарили годы...

(Неизвестный автор)

Там же, т. 3, с.17.

Предположительно, это стихотворение написано Отомо-но Куронуси. Но А.Долин считает, что автор произведения неизвестен.

Есть несколько гор под названием Зеркало (кагами), но в комментаторской традиции, отмечает А.Долин, это гора Кагами в уезде Гамо префектуры Сига.

"Син кокин вакасю", свиток VI, №96. С. 157.

Омоиярэ	Когда подумаешь:
ясодзи-но тоси-но	восьмой десяток
курэ нарэба	на излете...
икабакарика-ва	Так грустно
моно-ва канасики	вдруг становится.

(мой перевод)

Стихотворение написал Кодзидзю: (Омия Кодзидзю)

[9] Нет ничего хуже, когда человек выходит из себя. И как бы не был раздражен, прежде всего, усмири свой гнев и уясни, в чем ты прав (дōри 道理) и в чем не прав (рихи 理非), если понял, что правота (дōри) на твоей стороне, то можешь, вероятно, рассердиться. Но если [ты] сам, запутавшись, не имея на то [достаточного] основания, вспылишь, то люди не испугаются, поэтому [тебе] все больше придется выходить из себя, но пользы никакой от этого не будет. Люди боятся только того, что мы называем правотой (до:ри), и стыдятся того, что идет в противоречие с ней. По этой причине постарайся, хорошенько ус-

мирив свое сердце, изменить отношение к своей вспыльчивости. Никогда не поздно исправить свои ошибки¹. И плохое, и хорошее сам совершаешь, поэтому нет ничего хуже, чем вести себя, не исправляя строптивного сердца. Однако хоть и говорят, что невозмутимость это хорошо, но в свете считают [такого человека] просто смирным, трехлетним ребенком: когда нужно возмутиться, не возмущается, когда нужно обозлиться, или когда нужно скорбеть, или же когда должен дать знать другим, что думает [по тому или иному поводу], [он] подобно трехлетнему ребенку по-прежнему ничего не предпринимает и, по мнению посторонних, в любом деле пляшет под чужую дудку, [это], напротив, плохо для других и для самого себя потеря. По этой причине, хотя и держишь в смирении сердце, но если должен сделать порицание собеседнику — сделай, что должен сказать — скажи, должен поступать, вероятно, так, чтобы о тебе не думали, как о бестолочи или сумасбродном человеке. Так как в древние времена все были исключительно прямодуш-

¹ В тексте приводится в несколько измененном виде поговорка. В наставлении написано: «非をあらたむることを、はばかりざるがよきこと也». В поговорке говорится: «過ちをあらためるに、はばかりことなかれ» - “Исправиться никогда не поздно». Учитывая это обстоятельство, я перевел «исправиться никогда не поздно». Любопытно отметить, что в «Луньюй 論語» тоже имеется близкое по смыслу выражение, которое звучит на японском следующем образом: «過ちを改めざる、これを過ちという». Смысл заключается в том, что если не обращать внимание на свои ошибки, не исправлять их, то они будут все время повторяться, и в этом-то и есть основная ошибка.

ными людьми, то [легко] могли понять, хороший ли, плохой ли перед тобой человек, но в последнее время из-за того, что много стало людей малодушных и трусливых, начали презирать тех, кто обладает исключительно кротким и благовоспитанным характером. Но опять же другое дело, когда речь идет о невинном человеке, вступившем на Путь [Будды], отошедшим от ложных представлений, о человеке, ищущем Путь Истины в Законе Будды, у которого мягкий, наивно-увлекающийся характер, как у трехлетнего внука. Нельзя назвать хорошим человеком дурака, который только отмалчивается, не понимая [разницы между] хорошим и плохим. Должен хорошенько разобраться во всем этом. Монахи и другие люди, совершающие практику, сидя в позе медитации, не обязательно мудры от природы, но потому что сердце укротили, открывают глаза сердца, и все становится ясным. И люди, занимающиеся науками, пока относятся к этому делу самым серьезным образом и, укротив сердце, сосредоточенно изучают, и в других делах само собой становятся умными. Сердца людей в зависимости от способа их применения становятся либо хорошими, либо плохими, либо мудрыми, либо глупыми. Так как расцвет человека длится не больше десяти лет, то в это время он должен интересоваться всем. С десяти до четырнадцати-пятнадцати лет [он] не понимает настоящей сути дел и вещей, а в сорок-пятьдесят лет сердце тупеет и ко всему охладевает, и поэтому не может добиться успехов в своих занятиях. Поскольку в возрасте с восемнадцати-девятнадцати до тридцати лет

добиваются наибольших успехов в учебе, то у [человека] в распоряжении каких-нибудь двенадцать-тринадцать лет, чтобы достичь того предела, когда после упорного обучения [начинаешь] понимать суть истины. В этом мире неопределенности человеческой жизни люди должны, пока могут, учиться.

[10] Так уж водится, что на этом свете не найти и одного человека из десяти, кто живет, как ему хочется. И будь ты даже государем Поднебесной (一天の君), вряд ли будет так, как того желаешь. Не говоря уж о таких, как мы с тобой. Если только попытаешься упорствовать во что бы ни стало в осуществлении своих намерений, когда обнаружишь, что все складывается не так, как того желаешь, то, в конце концов, навлечешь на себя кару Небесного Пути. Если у нас осталась досада со вчерашнего дня, не должны сегодня же освободиться от нее, а если прошлогодние желания не осуществились, то не должны всенепременно пытаться реализовать [несбывшиеся] мечты в этом году. В противном случае мы будем носить в себе нечистое сердце, подобное грязи, и будем плотью, привязанной к этому сердцу, поэтому тем более не должны находиться в плену собственных страстей. Только никчемный человек с извращенным сердцем хранит обиду на других людей. Называя такого человека льстецом, порицают его и по Закону мира людей, и по Закону Будды (世法佛法) за то, что потерял стыд. Человек, который находится во власти собственного Я, который не может забыть обиды, — слабый человек со вспыльчивым сердцем, лишенный благоразумия. Вероятно, появятся и другие мысли, если, отрешившись от

собственного Я, не будешь полагаться только на [собственное] сердце. Не должны считать человеческое Я основой всего, и ни в коем случае не следует вводить людей в заблуждение. Если в бою не будет подобающего окружения и не будет храбреца, высоко несущего сердце и преодолевшего себя, то верить должен в одно: должен [сам] стать силой людей, должен поверить в людей. Однако не должен звать в бой трусливых от природы людей, как бы они ни были тебе близки. В критически опасный момент не должен бежать от сражения, с которым столкнулся лицом к лицу, когда же легко, то не должен ввязываться в ненужный бой. В общем, должен понять: в сражении, когда легко — дай первенствовать другим, пусть они отличаются, когда наступает решительный момент — если потребуется, то пусть даже сто раз, сам, один борись за победу. Лживое поведение, особенно на поле боя, низость. Такой глупец, как я, только это смог постичь, и, по крайней мере, только из родительской милости ради потомков я записал [все это], вдруг они будут еще глупее меня. Хочется пожелать, чтобы они мудро защищали свою жизнь и себя, чтобы самосовершенствовались, чтобы обо всем имели здоровое мышление.

Эйтоку 3-ий год, 2-я луна, 9-й день (1383 год — В.К.)

Печать
буддийского
послушника
[Сибэ Ёсимаса]

Кудоярова Т.Н.

Об изменениях, наблюдаемых в лексическом составе современного японского языка на примере использования аббревиатур рякуго и их полных форм

Аббревиацию можно считать, вероятно, основным процессом, определяющим состояние лексики современного японского языка (далее — СЯЯ). В ходе анкетирования, проводимого автором в Токио в 2004 г., большинство респондентов на вопрос о наиболее распространённых способах пополнения словарного состава ответило: «Слова сокращаются и упрощаются», «Произносить утомительно, поэтому уже существующие слова сокращаются», «Наиболее популярны рякуго, поэтому сокращается всё подряд». Из этого следует, что в СЯЯ наиболее распространённым словообразовательным способом может считаться аббревиация вне зависимости от типа и происхождения производящей основы: на произнесение длинного слова затрачивается больше времени и энергии. Это особенно неудобно, когда одно и то же слово приходится использовать очень часто:

Кокурицу кокуго кэнкюдзё → *коккэн* «Государственный институт исследования японского языка».

Осака дайгаку бисэйбуцубё кэнкюдзё → *бикэн* «Лаборатория Осацкого университета, занимающаяся изучением болезней, вызванных микроорганизмами».

Нихон энергй кэйдзай кэнкюдзё → *энкэн* «Центр исследования энергетического сектора экономики Японии».

Названия учреждений сокращаются, как правило, до длины минимум в 3 слога: значение двусложной аббревиатуры может оказаться неясным, поскольку многие названия содержат одни и те же компоненты и в результате сокращения до 2-х слогов станут омонимами. При необходимости усечения наименования до длины в 2 слога для избежания омонимии возможны, например,

нижеследующие варианты:

Дзэнкоку нōгē кēдō кумиаи тјōокай → дзэнтјō «Общество сельскохозяйственных профсоюзов Японии».

Дзэнкоку нōгē кēдō кумиаи рэнгōкай → дзэннō «Объединение сельскохозяйственных профсоюзов Японии».

Вышеприведённые *рякуго* — примеры сокращений, к которым прибегают работники соответствующих организаций, вынужденные довольно часто использовать эти слова в своей речи.

Не менее важное значение имеет аббревиация и в процессе поэтапного вхождения временных заимствований из европейских языков *гайкокуго* в лексический состав японского языка: таких слов в настоящее время становится всё больше и больше. Исивата Т.¹, отмечает, что сейчас, в эпоху, когда в японский язык приходит особенно большое количество заимствований из европейских языков, многие слова находятся в процессе «японизации». Иностранные слова, для которых допустимо сочетание нескольких согласных подряд, попадая в СЯЯ, автоматически, в силу его особенностей, удлиняются путём вставления дополнительных гласных с целью приспособления к фонетическому строю японского языка. Большинство полученных таким образом *гайрайго* естественным образом подвергаются последующей аббревиации, после чего они не превышают, как правило, 2-4 слога. Это считается наиболее оптимальной длиной, сопоставимой с длиной *ваго* и, в некоторой степени, *канго*. Однако в некоторых случаях длина *рякуго* может быть продиктована особенностями производящего слова. Если 4-й по счёту стоит так называемая особая мора – долгий гласный, двойной согласный, то слово сокращается до длины в 2-3 слога: *опэ(рэсэн)* («операция»), *тоирэ(тто)* («туалет»). Постепенно в семантической дистрибуции словам *гайрайго* начинает отводиться роль, сопоставимая с ролью исконно японских лексем, — а именно обозначение

¹ Исивата Т. Гайрайго-но сōгōтэки кэнкјō. (Общее исследование заимствований *гайрайго*.) — Токио, 2001. С.10-11.

понятий, предметов, новейших явлений, для которых десигнаты *ваго* или *канго* отсутствуют. Кроме того, подобным образом активно пополняются синонимические ряды.

Помимо необходимости упрощения слишком длинного или отличного по своим фонологическим особенностям слова существует и ещё одно объяснение необычайной популярности *рякуго*. Это игра со словами, стремление в неофициальной ситуации отойти от строгих языковых норм, поддержать интерес у слушающего, придать речи живость, выразительность. В психологии и лингвистике существует понятие «символ, образ» — то, что слово передаёт человеку помимо значения. Во многом образность, символика зависят от звукового состава, от сочетания, комбинации гласных и согласных, но на самом деле не меньшую роль играет и продолжительность звучания, то есть длина слова. Как отмечает Кидори Т., выразительность возрастает по мере уменьшения количества слогов. В качестве примера он приводит префикс *тё̄* и, в частности, его ещё более краткий вариант *тё̄*. В японском языке существует немало синонимичных выражений со значением «чрезвычайно, очень» (*хидзё̄-ни*, *тотэмо*, *сугоку* и т.д.), но наибольшее предпочтение в разговорной речи отдаётся *тё̄*, поскольку «двусложный *тё̄* — это звук, обладающий силой, в два раза превосходящей силу

четырёхсложного *хидзэ̄-ни*»¹. Выразительностью объясняется, следовательно, и причина популярности сокращённой формы слова по сравнению с полной. Мы можем предположить, что наиболее эффективным станет сокращение до 1 слога. Но, тем не менее, подобные *рякуго* слишком малочисленны. В работе Исино Х.² находим лишь два примера:

Сэнтора́ру ри́гу → сэ «Центральная лига»

Пасифи́кку ри́гу → па «Тихоокеанская лига»

Сюда же можно добавить и весьма часто встречающееся сейчас в разговорной речи омонимичное *па* от *пáсэнтó*, «процент», однако это слово нельзя назвать типичным примером односложного *рякуго*, поскольку оно используется, как правило, в качестве счётного классификатора в сочетании с числительным: *итипа* «1 процент», *нидзюппа* «20 процентов» и т.д.

Необходимость нашего исследования была обусловлена отсутствием работ, освещающих диахронические изменения в создании и использовании сокращений. В основном имеющиеся на данный момент материалы о *рякуго* – это статьи в лингвистических энциклопедиях («*Нихонго бумпó дайdzитэн*», «*Нихонго хякка дайdzитэн*») или труды, в которых *рякуго* рассматриваются синхронически с морфологической точки зрения, приводятся наиболее распространённые модели их образования – сокращение начала слова, конца слова и т.д. (Нисио Т. «*Рякуго-но кодзó*»,

¹ Кидори Т. Нихонго-но онсó: котоба-но имэдзи-о тораэру гидзюцу, хэгэн суру гидзюцу. (Фонемы в японском языке: способ передачи образа и способ выражения.) — Токио, 2004. С.252.

² Исино Х. Рякуго-но дзóгохó // Нихонгогаку. (Способы образования сокращений // Японоведение.) — Токио, 1993, №12. С.60-61.

Исино Х. «Рякуго-но дзōгохō»), рассматриваются условия появления (Мориока К. «Рякуго-но дзēкэн») и их стилистические особенности (Канно К. «Масукоми гэнго-но сёряку хёгэн»).

Язык может проявляться в самых разнообразных сферах (выражение на письме: газета, журнал, книга; звуковое выражение: телевидение, радио), но для анализа сокращённых слов в СЯЯ нами были отобраны именно журнальные тексты, для которых явление аббревиации, вероятно, более характерно, чем, например, для газетных статей. Литературные произведения (рассказ и т.д.) в силу значительной зависимости от стиля изложения и особенностей языка каждого конкретного автора также не дают объективное представление о существовании *рякуго* в СЯЯ. Язык телевидения и радио в свою очередь не может быть использован как объект исследования из-за затруднительности проведения диахронического сравнения. Таким образом, материалом для исследования стали тексты журнала («Nikkei business») за март 1986, март 1996 и март 2006 года. Рассмотрим полученные результаты.

Принимая во внимание неодинаковое количество страниц в номерах (от 100 до 200), нами было отобрано равное количество (19000) слов за каждый месяц (март 1986 г., март 1996 г., март 2006 г.). Число сокращений *рякуго* составило 219, 301 и 435 слов соответственно, что даёт основание сделать вывод об увеличении процентного соотношения аббревиатур в более поздних текстах, особенно за период с 1996 по 2006 год (приблизительно в два раза). Отмечается тенденция к возрастанию разнообразия моделей *рякуго*. В 1986 году встречается лишь 1 тип сокращённых простых слов – отбрасывание конечной части (например, *инфура(суторакутя)* «инфраструктура»), в то время как *рякуго* в номерах за 2006 год представляют уже большее количество словообразовательных моделей: сокращение начальной, срединной, конечной части, сокращение в двух местах. Классификация аббревиатур, образованных из основосложных слов, также значительно разнообразнее в 2006 году: наблюдаются частичное или полное отсекание по отдельности какой-либо из производных основ в составе слова (*эсутэ(тикку)сарон* «салон красоты», (*мэмори)кāдо* «карта памяти», *ункōдайя (гурāму)* «график движения», *комāсяру (мэссэджи)*

«реклама», *тоирэ*(*топ̄эпа:*) «туалетная бумага»), сокращение одновременно каждой из основ (*кō(сэй)рō(дō)сё* «Министерство здравоохранения и труда»), сокращение в 3-х местах (*ка(тэй-ё)дэн(кисэйхин)* «электротовары для дома»), акронимы (*J(a)pan T(ourist) B(ureau)*) и сокращение словосочетаний (*Фую(-но) соната*) «Зимняя соната»).

Помимо рассмотренных выше наблюдающихся изменений в морфологическом строе аббревиатур *рякуго* в СЯЯ, обращает на себя внимание и некоторая разница в их использовании в текстах, а также неравнозначность в семантическом соотношении «сокращённое слово – полная форма». Исследование показало, что для большого количества слов одинаково употребимы как исходный, так и сокращённый вариант: «усечённое слово ... представляет разговорный или просторечный дублет полного базового слова»¹. Однако многие лексемы, прочно вошедшие в состав СЯЯ как *рякуго* и практически уже не встречающиеся в разговорной речи в изначальной форме, могут всё же быть употреблены, не сокращаясь, в области специальной терминологии, обозначая при этом какой-то конкретный предмет или историческое явление: *закондисёнаё кантан римокон* «простой в использовании пульт дистанционного управления для кондиционеров» в описании новой модели, *дэфурэсён* в тексте о конкретном экономическом явлении (*19 сэйки-но дэфурэсён-ва надзэ хадзимари, надзэ оватта но ка?* «Почему началась и закончилась дефляция в 19 веке?»). Наибольшее число примеров составляют слова-*рякуго*, которые первоначально ограничены «стилистически, а также кругом употребляющих их лиц»², но получили или постепенно получают широкое употребление. Из всего материала для исследования были отобраны наиболее интересные примеры параллельного употребления *рякуго* и полной формы и рассмотрены с точки зрения диахронических изменений: *анимэ* и *анимэ:сён* («аниме» – «анимация»), *карāконтакуто* и *карāконта-*

¹ Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. — М., 2001. С.413.

² Там же, с.413

куто рэндзу («цветные контактные линзы»), комбини и комбинизу сутоа («небольшой супермаркет»), дэдзикамэ и дэдзитару камэра («цифровой фотоаппарат»), тōсин и тōсинтаку («доверие вкладов»), нанотэку и нанотэкунородзй («нанотехнология»), нэтто и интāнэтто («интернет»), бабуру и бабуру кэйдзай («экономика мыльного пузыря»), рисутора и рисуторакутярингу («реструктуризация»). В 1986 году не встречается ни одного примера анимэ или анимэсэн, что, однако, не свидетельствует об отсутствии этой лексемы в СЯЯ на тот момент: впервые слово «анимэ» появилось намного ранее, в 1965 году, в журнале «Когата эйга» и в то время представляло собой термин, использовавшийся только в рассчитанной на довольно узкий круг читателей специализированной литературе. Своё специфическое употребление это слово стало постепенно утрачивать в 1990-х годах. В текстах за 1996 и 2006 годы наряду с сокращённой встречается и полная форма «анимэсэн», но семантика этих двух лексических единиц различна. Анимэсэн обозначает уже «анимация, мультипликация»: СГ анимэсэн «анимация с использованием компьютерной графики» и СГ анимэ «мультфильм анимэ, для создания которого применена компьютерная графика». Не менее интересен и пример вхождения в состав СЯЯ лексемы нэтто от инта:нэтто «интернет». В привычном нам значении «Всемирная паутина» слово интāнэтто стало появляться начиная с 90-х годов. Оба варианта – полная и сокращённая формы – продолжают активно использоваться, однако обращает на себя внимание следующая особенность: в примерах за 1996 год гораздо больше основосложных слов, содержащих в качестве основы интāнэтто, в то время как к 2006-му году в роли одного из компонентов всё чаще выступает нэтто. Некоторым косвенным доказательством нашего предположения о наблюдаемом постепенном расширении значения рякуго как условия приобретения им самостоятельности могут послужить нижеследующие высказывания:

1) Интāнэтто дэва аримасэн.[...]Дзэ̄хō нэтто. («Это не интернет. [...] информационная сеть».) («Nikkei Business», 1996.03.18)

2) Дзэнсяин 9маннин-то мусубу нэтто-ни. («[Стал] сетью, объединяющей 90 000 человек».) («Nikkei Business», 1996.03.18)

Приведённые примеры наглядно свидетельствуют о расширении значения слова: интāнэтто уже не просто «компьютерная

сеть», а система, предоставляющая пользователям большой спектр возможностей. Сокращённое *нэтто* теперь не воспринимается как арготизм или разговорное выражение, оно прочно вошло в состав современной лексики японского языка и используется образно для создания всевозможных основосложных слов, обозначающих совсем новые реалии: *нэтто бабуру* «расцвет интернета», *нэтто ёяку* «заказ по интернету», *нэтто мэдиа* «интернет-медиа», *нэтто гэму* «интернет-игры», *нэтто анкэто* «интернет-опрос», *нэтто гинкō* «интернет-банк», *нэтто сёппингу* «покупки в интернете», *нэтто хамбай* «продажа через интернет» и т.д.

В паре *бабуру кэйдзай* – *бабуру* («экономика мыльного пузыря») оба слова – базовое и выводимое – активно употребляются как в текстах за 1996, так и за 2006 год, количество примеров практически совпадает, однако наблюдается качественное различие в особенностях использования. В 2006 году *бабуру* заметно обособляется от исходного *бабуру кэйдзай*, начинает использоваться метафорически, приводя к возникновению нетождества значений дериватора и деривата. Особенно примечательно то, что в 2006 году усечённое *бабуру*, участвуя как словообразовательный компонент в создании новых лексем, всё больше встречается в постпозиционном употреблении в составе основосложного слова: *IT бабуру* «расцвет информационных технологий», *минибабуру* «небольшой расцвет», *фудōсан бабуру* «бум недвижимости», *нэтто бабуру* «расцвет интернета», *дзютаку бабуру* «жилищный бум». О приобретении достаточной самостоятельности словом *бабуру* свидетельствует и постепенная смена глагола-сказуемого: [*бабуру-га*] *хадзикэта* «[пузырь] лопнул» вместо привычного *хōкай сита*.

Рисутора – пример слова, встречающегося сейчас уже только в сокращённом варианте: в текстах за 2006 год не наблюдаем ни одного примера употребления полной формы *рисутора-кутярингу*. Как и в случае с *бабуру*, отмечается расширение значения *рисутора* и последующее несовпадение со значением исходного слова, пришедшего в японский язык от английского *restructuring*. Семантика *рисутора*, таким образом, варьируется от изначального «реструктуризация, реорганизация, перестройка» до приобретённого «увольнение сотрудников», «переформирование штата».

Отбор и рассмотрение примеров параллельного употребления *рякуго* из всего материала исследования позволили выделить следующие 3 их типа: значение полной и сокращённой формы слова 1) совпадает (*комбини/комбиниэнсу сутоа* «небольшой супермаркет»); 2) совпадает в некоторых случаях (*рисутора* «увольнение»/«реорганизация» и *рисуторакутярингу* «реорганизация»); 3) не совпадает (*анимэ* «аниме» и *анимэсэн* «анимация»).

Исследование текстов с точки зрения синхронии позволило сделать некоторые интересные наблюдения над особенностями употребления аббревиатур в СЯЯ. Примечателен процесс перехода некоторых *рякуго*-арготизмов в разряд общей лексики: в какой-то момент появляясь в сокращённой форме в литературе узкой направленности, за её пределами слово продолжает использоваться в полной форме до тех пор, пока оно не утратит своё специфическое употребление. Далее *рякуго* начинает постепенно терять сниженную стилистическую окраску и существовать «наравне или даже более широко, чем его полное слово»¹.

Рассмотрение диахронических изменений в процессе формирования и употребления аббревиатур в СЯЯ и более подробный анализ примеров семантической неравнозначности в параллелях «полное слово — сокращённое слово» позволили выделить три возможных типа отношений дериватора и деривата *рякуго*. Тем не менее особый интерес представляет первый тип в приведённой выше классификации, а именно совпадение семантики. Как отмечает Канно К.², многие аббревиатуры затруднительны для восприятия и требуют расшифровки: как правило, она даётся в качестве ком-

¹ Там же, с.447.

² Канно К. Масукоми гэнго-но сёряку хёгэн // Нихонгогаку. (Сокращения в языке СМИ // Японоведение.) — Токио, 1993, №12. С.34-35.

ментария, примечания в начале текста при первом употреблении *рякуго*. Однако далее, несмотря на наличие расшифровки, в тексте может снова неоднократно встречаться и полный вариант исходного слова. Это позволяет предположить, что в данном случае — при совпадении значений — выбор использования *рякуго* или полного наименования обуславливается контекстом. Данный вопрос о влиянии контекста на употребление одного из слов пары «исходный вариант — аббревиатура» представляет особый интерес для последующих исследований

Мельникова И.В.

Японские паломники к Л.Н.Толстому

Восприятие в Японии толстовского литературного и философского наследия не раз освещалось в работах российских и японских авторов (Ким 1960; Конрад 1965, 1966; Шифман 1971; Хоккё 1972-1978; Абэ 1989; Янаги 1998 и др.), однако редко уделялось внимание тому обстоятельству, что первые японские публикации о Толстом появились в 1890-х годах в журналах (*Кокумин но томо*, *Рикуго Дзасси*), издаваемых людьми одного круга, фактически, выпускниками одной и той же христианской школы, школы Досися (продолжением ее стал университет Досися, существующий поныне). Японские гости, которые приезжали к Толстому в Ясную Поляну, также были связаны между собой общей принадлежностью к кругу Досися. Задача этой публикации — дать очерк становления школы Досися и тем самым показать те особенности этических, политических, религиозно-философских взглядов людей «круга Досися», которые определили их интерес к учению Толстого в 1890-1910 гг. и в свою очередь повлияли на представления Л.Н.Толстого о Японии. Разумеется, каждый из японских корреспондентов и гостей Толстого имел свои собственные вопросы к нему, однако общность происхождения, воспитания, подчас даже кровное родство, принадлежность к одному поколению — поколению реформаторов

и адептов модернизации Японии на рубеже веков, относительная малочисленность японских христиан, в особенности протестантов, и их противостояние другим

Памятное фото, сделанное в мае 1912 г. на церемонии открытия университета Досися. В первом ряду третий слева (с тростью) Токутоми Сохо, через два человека от него, в центре, тогдашний ректор Досися Харада Тасуку, который в 1910 году привез в Японию трость Л.Н.Толстого (из архива университета Досися).

ветвям христианства и обществу в целом, позволяют говорить о «круге Досися» как о сплоченной группе.

Напомним некоторые общеизвестные факты, которые отражены в материалах Полного собрания сочинений Л.Н.Толстого, но без комментария о принадлежности японских контактеров Толстого к общему кругу

Досися. В Ясной Поляне побывали следующие питомцы школы Досися:

1896 г. Токутоми Сохо (1863-1957) и Фукаи Эйго (1871-1945)

1906 г. Токутоми Рока (1868-1927)

1910 г. Харада Тасуку (1863-1940)

Из японских корреспондентов Л.Н.Толстого, окончивших Досися, можно назвать следующих:

1895 г. Ёкои Токио (1857-1927)¹

1904 г. Абэ Исоо (1865-1949)²

1910 г. Сираиси Киносукэ (?)³

Встречавшийся с Л.Н.Толстым неоднократно Кониси Масутаро (1862-1940), хотя и не учился в школе Досися, а был воспитанником Православной семинарии иеромонаха Николая Японского (Касаткина), работал в 1912-1914 гг. в университете Досися. В 1912-1913 г. Кониси читал лекции по философии на теологическом факультете и был директором университетской канцелярии, в 1914 г. только преподавал⁴. Отчасти отход Кониси от православия и сближение с протестантами из Досися можно объяснить его интересом к толстовству.

Первые контакты японских христиан из Досися с Л.Н.Толстым характерны тем, что осуществлялись они не из Японии. Выпускники Досися хорошо знали английский язык и нередко стажировались за границей, прежде

¹ Письмо Л.Н.Толстого к Ёкои Токио см.: Полн.собр.Соч., т.69, с.30-32.

² Письмо Л.Н.Толстого к Абэ Исоо см.: Полн.собр.Соч., т.75, с.177-178.

³ Письмо Л.Н.Толстого к Сираиси Киносукэ см.: Полн.собр.Соч., т.81, с.155-160.

⁴ О Кониси Масутаро см. подробнее: Сугии Муцууро 1984, с.405-451.

всего, в Америке. Помимо Кониси Масутаро, который в 1892 г. встречался с Л.Н.Толстым, находясь в Москве в качестве стажера Московского университета, в 1895 г. к Л.Н.Толстому обратился другой зарубежный стажер-японец, Ёкои Токио, находившийся на учебе в США, в Йельском университете. Ёкои написал Толстому по рекомендации Эрнста Кросби, прислал также свою статью на английском языке (См.: Yokoï 1897). Ёкои Токио, как и Кониси Масутаро, знал о Толстом и его учении несравненно больше, чем это было в то время возможно в Японии. Однако, в отличие от Кониси, Ёкои не владел русским языком и мог опираться лишь на англоязычные работы и переводы Толстого. Хотя хорошо известно, что Толстой отнесся к статье Ёкои весьма критически, видя в ней порок восточного шовинизма, а сам Ёкои в годы русско-японской войны публично отрекся от всякой общности с воззрениями Толстого (Шифман 1971), нас сейчас интересует прежде всего причина обращения Ёкои к Толстому в 1895 г. Здесь нам придется сделать довольно большое отступление и обрисовать не только родословную Ёкои Токио, но и особенности формирования мировоззрения воспитанников Досися, чьи имена связываются с именем Толстого.

Ёкои Токио был сыном конфуцианского ученого Ёкои Сёнана (1809-1869), того самого, о котором поведал Толстому в 1896 г. первый японский гость Ясной Поляны Токутоми Сохо¹. Ёкои Сёнан, хотя и происхо-

¹ См.: Токутоми Сохо 1915, с.442. Шифман допускает ошибку, называя Ёкои Токио братом Ёкои Сёнана, а также утверждая, что

Дил из клана Кумамото, поддержку своим воззрениям нашел в клане Фукуи, возглавляемом членом сёгунского дома Токугава. Таким образом, Ёкои Сёнан стал на некоторое время советником сёгуна Токугава, продвигая идею о реформировании страны снизу, с опорой прежде всего на экономику и практические знания. Незадолго до падения сёгуната Ёкои Сёнан стал советником в лагере сторонников императора. В 1869 г. он был убит политическими противниками в Киото. Ёкои Сёнан был сторонником «открытия Японии» и реформ в экономике и образовании (приоритет практических знаний и неортодоксальных направлений конфуцианской этики), интересовался международной политикой, ролью христианства в западном мире (хотя принятие христианства японцами не поддерживал). Ёкои Сёнана называют первым в японской истории пацифистом, поскольку он отрицал проведение внутренней и внешней политики военными средствами. В 1866 г. Ёкои Сёнан тайно отправил своих племянников (Ёкои Сахэида и Ёкои Дайхэй) учиться в США, и по возвращении один из них, Ёкои Дайхэй, способствовал открытию учебных заведений западного типа в родном клане Кумамото. Одна из этих школ, Школа Западных наук *Ёгакко*, дала впоследствии основной костяк учащихся школы Досея, так называемую «банду из Кумамото». Собственно говоря, относя гостей и корреспондентов Толстого к «кругу

Толстому были знакомы труды последнего. Книги Сёнана не переводились на иностранные языки, Толстой слышал об этом ученом-конфуцианце от своих японских гостей, в частности, от Токутоми Сохо.

Досися», можно большинство из них (Ёкои Токио, Токутоми Сохо, Токутоми Рока, Харада Тасуку) также отнести и к «банде из Кумамото», поэтому о школе Ёгакко следует рассказать подробнее.

Школа Западных наук была создана в Кумамото в 1871 г. стараниями многочисленных учеников Ёкои Сёнана, сторонников доктрины *Дзицугаку* (практические знания). После падения сёгуната они уже не испытывали притеснений от правительства клана Кумамото, а сами вошли в состав клановой администрации и получили возможность на практике осуществить идеи Сёнана. В числе учеников Ёкои Сёнана, вершивших политику клана Кумамото в первой половине 1870-х годов был, например, Токутоми Иккэй, отец двух братьев Токутоми, политика и журналиста Токутоми Сохо и писателя Токутоми Рока, оба из которых побывали в Ясной Поляне, переписывались с Толстым, много сделали для ознакомления с его идеями японской читающей публики. Именно в школе Ёгакко братья Токутоми, Ёкои Токио (сын Ёкои Сёнана)¹ и другие юноши из семей самураев и зарождающейся сельской буржуазии (*гоно*), получили представление о европейских науках: математике, мировой истории, естествознании, военном деле. Все это преподавал им на английском языке единственный наставник — приглашенный из Америки капитан Лерой Лэнсинг Джейнс (1837-

¹ Сын Ёкои Сёнана в то время носил фамилию Исэ, его звали Исэ Токио, смена фамилии должна была уберечь мальчика от мести политических врагов его отца.

1909). Капитану Джейнсу было поставлено условие не проповедовать христианство, находившееся в Японии под строгим запретом с 1640 г. и разрешенное лишь в 1873 г., однако он собирал учеников у себя дома и рассказывал им о роли христианства в развитии западной цивилизации¹. В результате 30 января 1876 г. случился так называемый «инцидент Ханаока»: большая группа учеников школы собралась на горе Ханаока в Кумамото, чтобы принести клятву верности заветам Христа. Мальчики, многим из которых было 13-14 лет, подписали бумагу, в которой обещали посвятить жизнь проповеди христианства. Многие из них действительно стали впоследствии христианскими проповедниками, просветителями и публицистами. После «инцидента Ханаока» школу капитана Джейнса закрыли. Стараниями капитана Джейнса, бывшие его ученики были приняты в организованную всего лишь несколькими месяцами ранее, в ноябре 1875 г., христианскую школу Досися в Киото. В переводе с японского название Досися означает «сообщество единомышленников», и это название отчасти отражает идеалы новоанглийской конгрегациональной общины, с ее вниманием к потребностям личности. Основатель школы Досися японец Ниидзима Дзё (1843-1890), который после сорокадневного пребывания в российской православной миссии в Хакодате тайно бежал в 1864 г. в Америку и получил там образование (Андоверская Духовная семинария и колледж Амхерст), крещен был в общине конгрегационалистов (протестанты-кальвинисты, отли-

¹ О личности капитана Джейнса см.: Notehelfer 1985.

чем которых является принцип автономии каждой общины, ее право самостоятельно выбирать руководителей и пасторов, согласовывать свою деятельность и догматы веры с другими общинами без подчинения каким-либо вышестоящим церковным органам).

История становления школы Досия достаточно драматична. С самого начала она оказалась точкой приложения различных, даже противоположных, сил и устремлений. Здесь нет возможности изложить подробно всю историю противостояния и компромиссов между мечтавшим о независимом христианском университете Ниидзимой Дзё, местной администрацией города Киото, где силен был буддизм и синтоизм, но с трудом приживалось христианство, первыми преподавателями-миссионерами, которые подчас вели себя заносчиво, желали диктовать условия (школа создана на американские пожертвования!), и японским руководством школы, которое с самого начала видело в ней национальное учебное заведение, созданное для блага Японии. К 1880-90 гг. в стране уже появилась государственная, регулируемая сверху, система образования западного типа, а пришедшее с реформами Мэйдзи увлечение всем западным, в том числе и религией, сменилось острым и болезненным креном к национализму. Конституция 1889 г. оговаривала, что японцы могут пользоваться свободой вероисповедания только в пределах, не ставящих под угрозу мир и порядок, и если их вера не противоречит их обязанностям в качестве подданных. Императорский рескрипт об образовании, принятый в 1890 г., окончательно закрепил не только основные принципы образовательной политики, но и всю идеоло-

гическую доктрину Японской Империи. Новая институционализируемая форма синтоизма становилась государственной религией. Частные христианские школы, подобные Досися, оказались в трудной ситуации не только из-за идеологического давления, но и потому, что лишь государственные учебные заведения давали пропуск на государственную службу (через систему квалификационных экзаменов), а также предоставляли бронь от воинской повинности.

Контакты людей из Досися с Л.Н.Толстым укладываются в тот период, когда в их кругу шла жаркая полемика вокруг будущего школы, обнажившая противоречия между христианством и государством, христианской этикой и войной (японо-китайской, затем русско-японской), национализмом и интернационализмом. Именно на эти вопросы искали ответа у Толстого журналисты Токутоми Сохо и Фукаи Энго, писатель Токутоми Рока, пастор, университетский профессор и политик-социалист Абэ Исоо, администратор на уровне просвещения и активист международного христианского движения Харада Тасуку.

Вяч.И.Иванов писал еще в 1911 г. о «западничестве» Л.Н.Толстого и видел в духовном учительстве Толстого черты англосаксонского проповедничества, отмечая, что «...западничество Толстого — не воля к слиянию с Европой, каким мы знали его прежде, скорее в его лице наш народный гений протягивает руку Америке» (Иванов 2000, с.568).

Черты англосаксонского, а вернее, новоанглийского, проповедничества были хорошо знакомы людям

Досися — они видели их не только у своих учителей-миссионеров, но прежде всего у Ниидзимы Дзё. Огромный моральный авторитет основателя школы Досися Ниидзимы Дзё остался для них непререкаемым, хотя обстоятельства изменились, и сами они вынуждены были приспособиться к обстоятельствам. Даже Токутоми Сохо, оставивший школу Досися, не закончив обучения, хоть и отрекся от христианской религии, продолжал участвовать в делах Досися, став членом попечительского совета школы в то время, когда шла подготовка к реорганизации ее в университет (1910-е гг.), а на склоне лет завещал Досися большую часть своего движимого и недвижимого имущества. Токутоми Сохо писал, что в годы учебы он верил не столько в Христа, сколько в Ниидзиму. Младший его брат, писатель Токутоми Рока, также не закончивший курса в Досися, посвятил годам учения свою повесть «Черные глаза, карие глаза» (*Курой мэ то тьяро-но мэ*, 1914). Абэ Исоо считал, что все ученики Досися воспринимали уроки веры, благодаря личному примеру и авторитету Ниидзимы (Абэ 1932, с.94-95). Помимо того, что контакты с Л.Н.Толстым завязывались и не без прагматического интереса — международный авторитет Толстого мог бы помочь, поддержки он какую-либо из сторон в спорах о японском христианстве и христианском университете, однако эти люди, воспитанные в духе идеализма, тянулись к Толстому как к духовному наставнику, пророку, святому старцу. Хотя большинство из них не получило от Толстого поддержки (за исключением, может быть, писателя Токутоми Рока), все они

отзываются о Толстом в мемуарах исключительно уважительно и отдают дань обаянию его личности.

Как нам кажется, имел значение уже сам факт того, что люди Досися были связаны между собой узами родства, землячества, вертикальными иерархическими связями старших и младших однокашников, это позволяло найти общие знакомства, так сказать, «подходы к Толстому», но и накладывало обязательства. Первые визитеры давали рекомендации следующим, и невозможно было обмануть доверие людей своего круга. Важно и то, что выпускники Досися традиционно занимали ключевые позиции в журналистике и издательском мире, хорошо владели иностранными языками. Как информанты, они были интересны Толстому. Кроме того, они имели опыт учебы за границей, в основном в Америке, в Новой Англии, где велик был интерес к Толстому, они хорошо знали работы Толстого, знакомили с ними японскую публику. В этом смысле они также могли заинтересовать Толстого как собеседники. Идейное наследие неортодоксального ученого-конфуцианца Ёкои Сёнана — это еще одно очень важное влияние, объединяющее людей «круга Досися» вокруг идей этического универсализма и пацифизма, свойственных как философии Ёкои Сёнана, так и Л.Н.Толстого.

Закончить краткий обзор истории школы Досися хотелось бы выразительным и мало известным фактом. Посетивший Ясную Поляну 19 апреля 1910 г. (по старому стилю) тогдашний ректор Досися Харада Тасуку подарил Толстому японскую бамбуковую трость. В качестве ответного дара, Толстой вручил Хараде свою

старую трость, прямо с комьями яснополянской земли. Харада, который из Ясной Поляны отправлялся в Шотландию, а затем в Америку, провез подарок Толстого через полмира, украсил его золотой гравированной памятной табличкой, а через много лет, в октябре 1935 г., когда праздновалось 60-летие со дня основания школы Досися, Харада передал трость Токутоми Сохо, читавшему на торжестве доклад. Трость Толстого, переданная Токутоми Сохо в дар университету, до сих пор хранится в Досися (См.: Харада 1971; Такэнака 1987).

Университет Досися в 1920-е годы (из архива университета Досися).

Использованная литература

На русском языке

- Иванов Вяч.И. Лев Толстой и культура // Л.Н.Толстой: Pro et contra. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2000.
- Ким Л. Лев Толстой в Японии // Звезда Востока. — 1960. — №11.

- Конрад Н.И. Толстой в Японии//Литературное наследство. — Т. 75. В двух книгах. Толстой и зарубежный мир. Кн.2. — М.: Наука, 1965. — С.347— 360.
- Конрад Н. И. Нобори Сёму. К вопросу о взаимоотношениях японской и русской литератур//Запад и Восток. — М., 1966.
- Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. Изд. 2-е, перер. и доп. - М.: Наука. Глав. ред. восточной литературы, 1971.

На английском языке

- Notehelfer F.G. American Samurai: Captain L.L.Janes and Japan. — Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Yokoi Tokio. The Ethical and Political Problems of New Japan//International Journal of Ethics. - January 1897.

На японском языке

- Абэ Гундзи. Токутоми Рока то Торусутой: Нитиро бунгаку корю но асиато (Токутоми Рока и Толстой: отзвуки русско-японских литературных контактов). — Токио: Сайрюся, 1989.
- Такэнака Масао. Харада Тасуку// Досися дзихо. — 1987. - №83. — С. 90-100.
- Токутоми Сохо. Сохо бунсэн (Избранные труды Сохо) . — Токио: Минъюся, 1915.
- Харада Тасуку. Обэй кико (Дневник путешествия в Европу и Америку)//Харада Тасуку Исю (Наследие Харады Тасуку) . — Сост. Харада Кэн. — Токио: 1971. — С. 168-172.
- Хоккё Кадзухико. Нихон ни окэру Торусутой, 1-20 (Толстой в Японии, 1-20)//Торусутой дзэнсю гэппо, 1-20 (Вестник полного собрания сочинений Л.Н.Толстого. Вып.1-20). — Токио: Кавадэ сёбо синся, 1972-78.
- Янаги Томико. Торусутой то нихон (Толстой и Япония). — Токио: Васэда дайгаку сюппанбу, 1998

Мещеряков А.Н.

Довоенная Япония: победа духа над плотью

Со второй половины 20-х годов популярность спорта в Японии резко возросла. В условиях начавшегося формироваться в это время потребительского общества спорт стал частью индустрии развлечений. Газеты стали посвящать спортивным состязаниям целую страницу. С приходом радио в конце 20-х гг. число болельщиков увеличилось еще больше. По количеству репортажей первые два места безоговорочно принадлежали бейсболу и сумо, на третьем месте оказалось плавание, где японские атлеты стали добиваться значительных международных успехов. Студенческие соревнования бейсболистов приносили полные сборы, их фотографии продавались лучше, чем портреты актеров.

Популярность спортивных зрелищ поддерживалась усилиями государства по внедрению физкультуры и спорта в японские массы. Министерства образования и внутренних дел были обеспокоены состоянием здоровья школьников, армейские чины — тем, что качество здоровья новобранцев снижается. Высокая детская смертность и туберкулез довершали безрадостную картину. Особенно неприглядная ситуация наблюдалась в крупных городах. Их жители страдали от стрессов, гиподинамии, инфекций. Вслед за западными странами японские врачи и власти решили, что выход состоит в

развитии физкультурно-спортивного движения. Помимо улучшения здоровья нации, здесь сыграло свою роль и то соображение, что спорт отвлекает молодежь от «вредных» антиправительственных мыслей. Идеологи японского спорта цитировали высказывание английского «стального короля» Роберта Хадфилда: «Я не слышал, чтобы среда социалистов и большевиков породила бы первоклассных спортсменов. Спорт сам по себе является наилучшим противоядием против революции и революционных идей». Заведующий отделом физкультуры министерства образования Кита Тоёёси тоже писал, что занятия физкультурой способствуют искоренению «нездоровых идей». При этом он всячески подчеркивал, что носители «левых» идей не отличаются физическим здоровьем, болеют туберкулезом и подвержены депрессиям. Кроме того, занятия физкультурой и спортом способствуют формированию высокоморального типажа, которого отличают твердость, упорство, честность, терпеливость, чувство коллективизма и жертвенность¹. Таким образом, считалось, что здоровое тело является вместилищем здорового духа.

3 ноября 1924 г. (в день памяти императора Мэйдзи) состоялся первый всеяпонский день физкультуры, в котором приняли участие 11 760 школ и 2 860 детско-юношеских организаций. В 1929 г. количество участников составило 8 380 202 человека. Физкультура

¹ Сакауэ Ясухино. Супоцу то сэйдзи. — «Ямакава сюпанся», 2001, с.34-36.

и спорт были подняты на государственный уровень, сами игры получили название «Игры святилища Мэйдзи». Возле этого грандиозного святилища был построен стадион, который и стал главным центром физкультурно-спортивного движения. Только что прошедший церемонию интронизации Сёва почтил своим присутствием игры 1929 г. Наблюдал он и за соревнованиями по традиционным единоборствам (фехтование-кэндо и дзюдо), которые проводились в двух дворцовых манежах 4-5 мая. Главную роль в организациях, пропагандирующих боевые единоборства (будо), играли полицейские и военные. Их кадровую основу, заложенную еще в правление Мэйдзи, составили бывшие самураи. Нынешние силовые структуры тоже культивировали самурайский дух, понимаемый прежде всего как беззаветная верность императору. В полицейско-спортивной среде были особенно распространены ксенофобские и националистические настроения.

11 февраля 1929 г., в день «основания империи», начались уроки физкультуры по радио. «Купаясь в лучах танцующего солнца, // Согнем и вытянем руки! // Это радио вам говорит: // Ну-ка раз! Ну-ка два! Ну-ка три!» При поддержке министерства внутренних дел и Ассоциации резервистов по всей стране создавались кружки, члены которых занимались зарядкой под руководством радиоинструкторов. Министр просвещения Хатояма Итиро с восторгом отмечал, что миллионы людей, которые в одно и то же время повинуются одной и той же команде, крепят единство японского

народа¹. Поскольку гимнастикой стали заниматься даже некоторые обитатели императорского дворца, то ведущему, который поначалу был облачен только в трусы, пришлось переодеться в более подходящие и скромные одежды, которые скрывали его тело. Несмотря на то, что никто его не видел, его самоощущение было другим.

Превращение физкультуры и спорта в общегосударственное дело приносило свои плоды на международной арене. Если на Олимпиаде в Антверпене (1920 г.) японцы завоевали только 2 серебряных медали, то в Амстердаме (1928 г.) они превратились в 2 золотых (тройной прыжок и 200 метров брассом). Это были первые золотые медали, завоеванные спортсменами не только из Японии, но из восточноазиатских стран вообще. Всего же японские атлеты завоевали пять наград.

Но настоящий успех ждал японских спортсменов на олимпиаде 1932 г. в Лос-Анжелесе, где они завоевали уже 18 медалей (из них 7 золотых). Особенно приятен был успех в конной выездке — ведь японцы никогда не славились как наездники. На Берлинской Олимпиаде 1936 г., превратившейся в грандиозное нацистское представление, Япония завоевала 6 золотых медалей, опередив саму Великобританию! Тоталитаризм доказывал свое несомненное превосходство над

¹ Сакауэ Ясухиро. Супоцу то сэйдзи. — «Ямакава сюпанся», 2001, с.38.

демократией: Германия обошла Америку, а Италия — Францию. Пожалуй, это были первые Олимпийские игры, на которых командная победа стала цениться больше индивидуальной. Победа спортсмена представляла как триумф нации.

Однако успехи японских атлетов вызывали не только гордость. Двое корейских спортсменов принесли Японии две медали в марафоне — золотую и бронзовую. Но радость метрополии была омрачена: на Корейском полуострове Корея эта победа была воспринята не столько как победа в международных Олимпийских играх, сколько как победа Кореи над Японией. Одна корейская газета опубликовала фотографию победителя с замазанным «солнечным кругом» на его майке. Выпуск газеты был приостановлен, но от олимпийской победы все равно остался неприятный осадок. Тем не менее, по возвращению из Берлина японская делегация, в состав которой входило две с половиной сотни спортсменов, совершила паломничество в святилище Мэйдзи. Они были одеты в униформу, которая была пошита на деньги, пожертвованные самим императором. Как и древние времена, император жаловал своих подданных одеждой, в которой присутствовала часть его души.

Журналисты смаковали победы японских атлетов. Если судить по публикациям японских газет, создавалось впечатление, что японские спортсмены являются на олимпиадах главными действующими лицами. Однако на самом деле им было страшно далеко от

победителей. На играх в Лос-Анжелесе американские спортсмены завоевали 105 медалей (из них 41 золотых), а победительница берлинских игр Германия получила 89 призовых мест (из них 33 первых), что преподносилось там как превосходство национал-социализма над демократией. О победе над социализмом речи не шло, поскольку Советский Союз в олимпиадах довоенного времени участия не принимал. Гитлер вынашивал планы по «германизации» олимпиад и предполагал, что в скором будущем все олимпиады станут проводиться только в Германии. С этой целью он приказал построить грандиозный стадион вместимостью в 400 тысяч человек. Но этот стадион предполагалось построить к 1945 г., а пока Международный Олимпийский Комитет решил, что следующие игры состоятся в Токио. Поначалу на право проведения олимпиады 1940 г. претендовала и Италия, но в конце концов Муссолини снял кандидатуру Рима в пользу своего союзника по антикоминтерновскому пакту. Членам МОК пришлось выбирать между Хельсинки и Токио. Токио одержал победу: за столицу Японии было подано 36 голосов, за Хельсинки — 27. Эта победа была встречена в Японии с восторгом, правительственные деятели заявляли, что мир проявил «правильное понимание» японской политики и признал Японию за «цивилизованную страну». На 1940 г. были запланированы грандиозные торжества по поводу 2600-летия японской империи. И Олимпиада (точно так же, как и планировавшаяся всемирная выставка) должна была послужить одним из доказательств того, что весь мир

признает эту империю древнейшей в мире.

Однако токийская олимпиада проведена все-таки не была. Тому были веские причины. Полномасштабная война в Китае вызывала неудовольствие стран Запада. В особенности усердствовали Англия и Америка. Японию стали критиковать за то, что она хочет превратить олимпиаду в пропагандистское мероприятие. Основатель олимпийского движения Пьер Кубертен говорил о том, что спорт не имеет никакого отношения к политике и потому не стоит обращать внимание на действие японских военных, но слишком многие не желали его слушать. Кроме того, ввиду войны Япония вступила в режим экономии ресурсов. Военные, которые вначале поддерживали идею проведения олимпиады, теперь были озабочены совсем другими проблемами и требовали сокращения расходов на любые мирные проекты. Одним из них была олимпиада. Так, для строительства главного стадиона на 110 тысяч зрителей требовалось 1000 тонн металла. Однако под давлением военных проект изменили: за счет использования дерева расход сократили до 600 тонн. Но помимо главного стадиона нужно было построить и плавательный бассейн вместимостью 30 тысяч человек, и велотрек (13 тысяч), и гребной канал... Дороги тоже требовали ремонта, метро нуждалось в дополнительных километрах. Помимо металла, квотированию подверглись еще 32 товарные группы.

Однако существовало и еще одно обстоятельство. Возможно, оно имело даже большее значение для токийской олимпиады, чем конкретные события военной истории. Еще до японо-китайской войны в Японии стали подвергать сомнению формулу «в здоровом теле — здоровый дух». Показателем этого стало появление брошюры «Кокутай-но хонги», в которой столько говорилось о непревзойденном японском духе. О теле японца там не говорилось ни слова. И недаром: по отношению к Западу японцы продолжали испытывать комплекс телесной неполноценности, мускульная масса не наращивалась до европейских масштабов. Особенную витальность в деле «погребения тела» проявлял один из самых ярких проповедников «японского духа» Токутоми Сохо, который внушал: главный недостаток школьного обучения заключен в том, что приобретению знаний и физической подготовке учащихся уделяется неоправданно много внимания — в ущерб воспитанию морали. А ведь именно в «моральности» (или же, говоря другими словами, верно-подданничестве и послушании) японцев заключено их кардинальное отличие от европейцев, отличие, которое не передается словами. «Формирование характера человека осуществляется не только с помощью таких органов, как рот, уши и глаза; оно должно осуществляться от сердца к сердцу... Среди преподавателей много таких, кто говорит о морали с точки зрения логики.

Однако мало таких, кто подает за образец тело, согнутое в поклоне»¹. Свойственный нацистам антиинтеллектуализм прорастал и в Японии.

Смена общественного настроения не имела никакого отношения к олимпиаде, японский дух развивался сам по себе и побеждал тело. Традиционное убеждение дальневосточной мысли в том, что дух и тело состоят в нерасторжимом единстве, в расчет не принималось. Мало кто задумывался и о том, что примат могучего духа над жалким телом является достоянием христианской мысли. Нет, идеологи заявляли, что такое соотношение между духом и телом есть достояние самой Японии, что именно в этом и состоит превосходство «духовного» Востока над «материалистическим» Западом. Словом, «духовная» атмосфера в стране ступила до такой степени, что идея проведения олимпийских игр в Токио стала терять первоначальную привлекательность, организационный комитет стал проводить свои встречи не так регулярно, как прежде. Словом, олимпиада, призванная объединять людей разных культур и народов, перестала быть для Японии приоритетным проектом. Вместо нее таким проектом стала война. Отчаянные усилия изобретателя дзюдо и старейшего — с 1909 г. — члена международного олимпийского комитета Кано Дзигоро не находили у правительства отклика. На заседании 1936 г. в Берлине он заявил: «Когда молодые люди со всего света соберутся в

¹ Мори Киёто. Дайниншпон сётёку цукай. Токио, 1941, с.985-986.

этом уголке Азии, откроется перспектива новой дороги к миру». Теперь его слова звучали как издевательство. 14 июля 1939 г. министерство социального обеспечения опубликовало заявление, в котором говорилось о «добровольном» отказе от проведения олимпиады. Международный олимпийский комитет перенес было ее проведение в Хельсинки, но тут Советский Союз напал на Финляндию... Гитлер хозяйничал в растерявшейся Европе, участвовать в олимпиаде — даже если бы удалось найти подходящее место для ее проведения — стало некому.

Так получилось, что олимпийский стадион в Токио так и не был построен. Проекты подавляющего большинства других сооружений также остались на бумаге. Великолепный шанс для развертывания монументальной пропаганды был упущен. А ведь японцы уже успели привыкнуть к эмблеме олимпийских игр. Теперь пять сцепленных колец разорвались на части. Кано Дзигоро, который, несмотря на громадные трудности, сумел «продавить» решение о проведении игр в Токио, скончался за пару месяцев до решения правительства об отмене Олимпиады. Он так и не узнал, что японцы окрестят эту олимпиаду «олимпиадой-призраком».

Жесткое разделение материального и духовного (при безусловном примате «духовного») имело прямое отношение к тем формам, в которых являл себя японский тоталитаризм. Одним из его особенностей являлось отсутствие культа тела. Культ нагого тела

противоречил важнейшей установке японской культуры. Эта культура придавала огромное значение одежде, которая до определенной степени являлась синонимом культуры и культурности. Одежда всегда считалась показателем места, занимаемого человеком в общественной иерархии. Поэтому выражающая эту идею европейская военная форма укоренилась в Японии с легкостью, но лишенное знаков отличия нагое тело таких шансов не имело.

Нагое тело, весьма часто изображавшееся на нескромных картинках прошлых времен (периоды Токугава и начало Мэйдзи), являлось показателем страсти, а страсть квалифицировалась как иррациональная и разрушительная сила. Показательно, что даже на этих «порнографических» картинках мужчина (а это почти всегда самурай) далеко не всегда предстает в обнаженном виде. На некоторых изображениях, воспроизводящих самые страстные моменты свидания, можно увидеть и родовой герб на одежде, и даже заткнутый за пояс меч. В Германии и СССР обнаженное (полуобнаженное) тело воспринималось как освобождение от прошлого и символ обновления. В Японии такой «нудистский» дискурс был обречен на провал. Культура японского тоталитаризма боролась с телесностью. Это касается не только собственно эротики (в 1930 г. танцовщицам запретили одевать короткие чулки, трико телесного цвета и танцевать канкан; тремя годами позже был запрещен спектакль по мотивам «Повести о Гэндзи»), но и обнаженного (полуобнаженного) тела

вообще. Япония с готовностью воспроизводила в скульптуре худшие европейские образцы облаченных в форму военных героев, но не осмелилась заимствовать античные реплики советской и нацистской пластики. Не стала она и воспевать и полуобнаженное «физкультурное» тело, художественное воспроизведение которого оказалось столь востребованным в европейском тоталитаризме. И это при том, что изображения спортсменов и физкультурников — мужчин и женщин — демонстрировали вовсе не эротизм (при единой образной физкультурной форме гендерные признаки оказывались там максимально смазанными), а служили совсем другим целям. Здоровое и мускулистое тело демонстрировало готовность служению не личным, а государственным интересам. Однако такое тело нарушало сложившуюся иерархию (в том числе и гендерную), и потому было для Японии неприемлемым. Что до женской наготы, то она вообще служила эквивалентом продажности и потому не могла быть введена в общественный оборот ни при каких условиях. Отличающим тоталитарного японца признаком являлась «духовность», которая не совмещалась с телесностью.

Михайлова Ю.Д.

О чувстве комизма у японцев – на примере материалов журнала «Ниппонти» (1904 г.)

Одним из трудных моментов изучения культуры и языка других народов является понимание присущих им чувства комизма и смеха. Насколько комизм и смех универсальны? Обусловлены ли они этническими, национальными и культурными различиями? Можно ли выявить нечто специфическое в чувстве юмора у разных народов? Существует ли культурно обусловленный механизм «создания» шутки? Например, замечено, что многим народам мира присущи типологически одинаковые шутки, высмеивающие находящиеся на периферии жителей своей страны или географического ареала как тупых и недалеких¹. Такими в Советском Союзе считались чукчи, а для европейцев это бельгийцы. Вместе с тем существует расхожее мнение, что французский смех отличается изяществом и остроумием, немецкий — некоторой тяжеловесностью, английский — тонкой насмешкой, русский — горечью и сарказмом. Многие американские шутки из разряда так называемых *practical jokes* русским кажутся примитивными. Насколько нам известно, специальных исследований, направленных на изучение смеха и комизма у японцев довольно мало², хотя многие коми-

¹ Mahadev L. Apte, *Humour and Language: An Anthropological Approach*, Cornell University Press: Ithaca & London, 1985.

² Например, Marguerite Wells, *Japanese Humour*, Hampshire & London: Macmillan Press, New York: St.Martins's Press, 1997; Joel R. Cohn,

ческие жанры японской литературы существуют в переводах на западные языки, в том числе и на русский¹.

В настоящей статье предпринимается попытка перевести и проанализировать короткие комические рассказы и картинки, опубликованные в журнале «Ниппонти», являвшимся одним из многочисленных комических журналов времен русско-японской войны (1904-1905 гг.). Нам уже приходилось исследовать японские журналы данного периода с точки зрения их роли в формировании японского национализма, образа России в Японии и появления жанра современной политической карикатуры в этой стране². На сей раз нам хотелось бы посмотреть на эти рассказы и картинки с точки зрения того, что они дают для понимания чувства комизма у японцев. «Ниппонти» интересен тем, что в отличие от большинства других журналов, так или иначе тяготевших к подражанию западным изданиям, он опирался на традиционный арсенал юмористических средств, таких как *кегэн*, *ракуго*, *сэнрю*, *тябан*, на сюжеты из сказок о Момотаро и Урасима Таро, известные пьесы кабуки и

Studies in the Comic Spirit in Modern Japanese Fictions, Harvard University Asia Centre, Harvard-Yenching Institute Monographs Series, 41, 1998.

¹ Львова

² Yulia Mikhailova, 'Japan and Russia: Mutual Images, 1904-1939', in Bert Edstrom (ed.), *The Japanese and Europe. Images and Perceptions*, Japan Library, 2000, pp. 152-171; Yulia Mikhailova, 'Intellectuals, Cartoons and Nationalism during the Russo-Japanese War', In Mark W. Macwilliams (ed.), *Japanese Visual Culture: Explorations in the World of Manga and Anime* (East Gate Book), E.M.Sharp, 2008.

моногатари. Это объясняется, вероятно, тем, что издавался «Ниппонти» как временное приложение к журналу «Фудзоку гахо» (Японские обычаи в картинках), который сознательно стремился к сохранению в памяти японцев обычаев прошлого.

Комические картинки

«Ниппонти» явно задумывался как комический журнал. В его названии стоит слово «понти», являвшееся в период Мэйдзи одним из терминов для обозначения комических картинок. Уже в заглавии мы сталкиваемся с главным принципом построения шутки в данном журнале — игрой слов или слогов. Средний слог «пон» мог читаться в сочетании не только с последним «ти», но и с первым «нип» (от «нити»), что рождало слово «Ниппон» (Япония). Таким образом, название можно перевести как «Японские комические картинки». На цветной вкладке первого номера были изображены русский дайме (князь) и слуга Таро — аллюзия на известные комические персонажи кегэна, что тоже как бы задавало журналу комический тон.

Первый номер «Ниппонти» вышел 7 сентября 1904 г., то есть меньше, чем через три недели после окончания битвы за Ляоян (11.8.1904 - 21.8.1904), город, находившийся на Ляодунском полуострове. Захватив Ляоян, японцы перерезали железную дорогу к Порт-Артуру и окончательно блокировали доступ к нему с суши. Неудивительно, что на некоторых картинках «Ниппонти» фигурирует изображение Ляодунского полуострова, начертание которого напоминает то орла, то тигра, символизирующих Российскую Империю.

Так, на картинке под названием «Подвиг домохозяйки - страдания орла» (Окусан-но тэгара – васи-но курусими) мы видим огромного орла с распростертыми крыльями. Орел, конечно, ассоциируется с гербом Российской Империи. Глаза у него закатились, а из клюва один за другим вываливаются подбитые русские корабли. Клюв здесь означает гавань Порт-Артура. Поверх орла сидят генералы Куроки Тамэмото в военной форме и Оку Ясуката в кимоно и с женской прической. Оба они были командующими японскими армиями в битве за Ляоян. Каламбур из фамилии Оку и слова «домохозяйка» (окусан) включен в название картинки. Японские военные выворачивают крылья, выщипывают перья и откручивают голову русскому орлу. По середине его спины водружен японский флаг. Текст к картинке представлен в виде реплик «домохозяйки», генерала Куроки, моря, суши и самого орла:

Окусан: «Ватаси-га коно нодокуби-о осаэтара, дайдзэбу дэс е!»

Куроки-сан: «Боку га рееку, из, Рее-о яццукэро!»

Уми: «Хакидасэ, хакидасэ!»

Рику: «Оидасэ, оидасэ!»

Васи: «Васи га варуй, гомэн, гомэн!»

«Горло я орлу придавлю – то-то будет хорошо!»

«Уничтожу два крыла я ему! Ой, нет, Ляоян!»

«Плюй-плюй, побыстрей!»

«Прочь-прочь уходи!»

«Ох, плохой-я-плохой, пощадите меня!»¹

¹ Ниппонти, № 1, Фудзоку гахо, № 295, CD-Rom edition, Yumani shobo, 1997, цветная вкладка к стр 13.

Накасима Сюнко. Окусан-но тегара – васи-но курсуими.

Главный каламбур текста заключен во фразе Куроки. «Рееку» (два крыла) созвучны со словом «Рее» (Ляоян), а в слове «яцукэро» (уничтожить) окончание записано иероглифом, означающим Россию.

На другой картинке под названием «Сцена бурной схватки по истреблению Порт-Артурского тигра» (Редзюнко тайдзи-но арагото) очертания Ляодунского полуострова нарисованы в виде тигра. Поскольку тигр животное сильное и страшное, то его изображение подчеркивало, что Япония в лице России имела грозного и опасного противника. Но враг, выглядевший столь опасным, при проверке оказался слабым и был повержен. Именно это открытие, контраст между видимостью и реальностью и вызывало жизнерадостный смех. На картинке и в подписи к ней силач

Ватонаи торжествующе провозглашает великую победу Японии.

Тое-но аракума то хокотэиру Рококу-га дзюнэнкан дзюбун-ни тэ-о цукуситару родзюнко мо кути-о фусагарэ сэ-о осаэрарэ, цуй-ни тэ мо аси мо дэну родзинко то каймэйситэ, сикаситэмо бонару тора саз вага Ватонаи-но иккэ-но мото-ни хэйкоситарикэри. Дзюнэнмоку дэмо годзюнэнмоку дэмо, идза тоизба хякунэнмоку сэндзай итигу-но дайсери-о симэтэ бандзай-бандзай то иттэ мисэру вай! «дарэ да то омоу кумамо наэ ка-ка-ка-ка» сэкайтю-но кэнбуцу итидо тэ-о хакуситэ «ие тайсита куни-ни наритая!»

В тексте говорится, что Россия десять лет господствовала в Редзюнко (Порт-Артуре), но наконец-то Ватонаи припер ее к стенке и весь мир восхищен его победой.

Да здравствует победа,
Нет больше медведя!
Рукоплещите Японии –
Слава великой стране!¹

Накасима Сюнко. Редзюнко тайдзи-но арагато.

¹ Нишпonti, № 3, Фудзoku гахо, № 299/1, цветная вкладка к странице 1.

Образ Ватонаи заимствован из пьесы Кабуки «Кокусэнъя кассэн» (Битва при Косинга). В пьесе говорится о том, как знаменитый силач Ватонаи отправился на Тайвань бороться за реставрацию Минской династии. В театре Кабуки существует стиль представления под названием «арагото». Он предназначен для демонстрации силы и мощи героя, выражает бурные страсти и даже неистовство. На актера накладывается специальный грим, придающий его лицу яростное выражение, а голова повязывается хатимаки, повязкой или полотенцем, которую японские мужчины обычно надевают во время тяжелого физического занятия. Именно в стиле «арагото» и изображен Ватонаи на картинке, а само слово «арагото» стало ключевым в ее названии. Дополнительный интерес в тексте вызывает игра слов. Японское название Порт-Артура «Редзюнко» записано комбинацией из трех иероглифов, где вместе оригинального иероглифа «порт» (ко/минато) поочередно употреблены «тигр», «рот» и, наконец, «сдаваться». В последнем сочетании к тому же еще и первые два иероглифа «редзюн» заменены на «родзин» (русские), что меняет смысл в целом на «русские сдаются». В действительности Порт-Артур пал только 2 января, хотя, судя по материалам «Ниппонти», слово «капитуляция» вошло в моду уже в начале осени.

Во время русско-японской войны в России также выпускались сатирические карты, где каждая страна соотносилась со зверями или другими символами. Япония была изображена на них в виде самурая, а Англия, например, в виде льва. Однако прием изображения очертаний страны в виде животного или птицы,

по-видимому, был находкой художника Накасима Сюнко, хотя вполне возможно, что нашел ее он в японском традиционном арсенале изобразительных средств.

Экспансионистская политика России на Дальнем Востоке была одной из постоянных тем в «Ниппонти» и других журналах. Например, набор из шести картинок под ироничным названием «По делам и доходы» высмеивал попытки России заигрывать одновременно и с Китаем, и с Кореей. Русский орел решил покататься и привязал одну ногу к свинье, а другую к петуху. Поначалу все были довольны – и езда быстрая, и тяжесть невелика. Но вдруг дорога стала раздваиваться. Свинья побежала направо, а петух налево, и глупый орел оказался разо-

Наксима Сюнко. Дзиге – дзитоку.

дранным на две части. На последней картинке мы видим рыдающего орла в луже крови, тогда как свинья и

петух радостно машут японскими флажками. Как всегда, не обошлось без каламбура. Слово «ниппон» означает и две дороги, и «Япония». Китай изображен в виде свиньи, потому что свинячий хвостик напоминает прическу «бэмпацу», которую носили в то время китайцы. В начале 20-го века такой графический символ Китая уже приобрел международное значение и широко встречался в европейской карикатуре. Корея же ассоциируется с петухом, потому, что страна стала ареной борьбы между Японией и Россией, что, очевидно, художник ассоциировал с петушиными боями.

Комические рассказы

Известно, что один из способов выражения насмешки над человеком состоит в том, чтобы посмеяться над его едой. Еда характеризует едоков и их поведение. Достаточно вспомнить Собакевича из «Мертвых душ». В ряде номеров «Ниппонти» имеются комические рассказы под названием «Блюда военного времени». Приведем выдержки из одного из них.

«Последнее время там и сям попадаются харчевни под названием 'русские пленные', 'Куропато' (генерал Куропаткин) или 'Алеки' (наместник Алексеев). Продается там невесть что и репутация у них неважнецкая. Впрочем, смотрите сами....

Вот закуска 'хэрадзукутитори'. Состоит она из каракатицы, жареной в соевом соусе, сенсационных выдумок, обжаренных в яйцах, пудинга, на приготовление которого пошли всякие небылицы, подкрашенные снаружи, но пустые внутри, картофельного пюре под названием 'Куропаткин', и прочих несъедобных вещей. Все это искусно приукрашены снаружи, чтобы предстать перед глазами императора Николая..

В похлебку 'моесэнабэ' навалены курица, лапша, гренки, овощи».

В этом рассказике для создания комического эффекта вновь широко используется игра слов. Так «хэрадзукутитори» состоит из трех иероглифов. Сочетание

первого и второго означает «бесмысленная риторика», а второго и третьего - «закуска». Так что в целом получается «закуска из напрасной риторики». Глагол «жарить» (яку) в сочетании «тэ-о яку» приобретает значение «оказаться в затруднительном положении или обжечься на чем-то». В целом, автор хочет сказать, что не следует доверять донесениям командующих русской армии, поскольку все они есть не более, чем выдумки.

В сочетании «моесэнабэ» та же игра слов, или точнее слогов. «Моесэ» означает «уже довольно, конец», «есэнабэ» - похлебка, которую обычно едят зимой. Чтение иероглифов позволяет увидеть истинное содержание похлебки: «Японские солдаты берут Харбин, русские поднимают белый флаг. Поставленный в тупик Алексеев имеет бледный вид. Военных трофеев сколько угодно, однако становится холодно, и может, на этом и остановимся». Правда, здесь японцы опять выдавали желаемое за действительность — до взятия ими Харбина в войне дело так и не дошло.

Авторы «Ниппonti» активно использовали и такой комический прием как пародию. Вот, например, отрывки из так называемой «Русской газеты, оказавшейся в руках у японцев». Открывает ее «Сообщение специального корреспондента» под фамилией «Виски»:

«Когда наша Н-ская армия отступала по намеченному плану к Харбину, мы подслушали оживленные рассказы доблестных русских воинов о пережитых трудностях и только заикали от удивления. Вот что мы услышали.

Уловки красного креста

В поезде, помимо больных, полным полно пышущих здоровьем отважных воинов, похожих на оборот-

ней. Они придумали чудесное средство, чтобы укрыться от грозной японской армии. Они предусмотрительно носят с собой белый флаг и красные чернила [чтобы нарисовать Хи-но мару]. Увидев это, я невольно провозгласил три раза 'Ура!' в честь генерала Куропаткина.

Доблестные военнопленные

Во время отступления от Ляояна несколько отважных воинов героически собрались с духом, бросились на врага и замечательным образом сдались в плен, подняв обе руки вверх.

Непреклонный дух раненого солдата

Один раненый солдат, находясь в лазарете, увидев золотые часы своего боевого друга, забыл о боли и страдании, решительно встал с постели, забрал себе часы и исчез в неизвестном направлении. Генерал Куропаткин, желая наградить этого доблестного воина, сейчас разыскивает его¹.

Заключение

Согласно теориям о происхождении смеха, одним из его источников является появление диссонанса, несоответствия или риверсия системы ценностей и представлений, причем для вызова комического эффекта открытие этого факта должно произойти внезапно². Комические картинки и рассказы показывают, что во время русско-японской войны японцы вдруг обнаружили несоответствие между имевшимся у них до сих

¹ Нишпonti, № 2, Фудзоку гахо, № 297, стр. 24.

² Владимир Пропп, Проблемы комизма и смеха, Москва: Искусство, 1976.

пор образом России как сильной и грозной страны и ее неспособностью успешно вести военные действия. Аналогичным образом русские карикатуры на японцев того времени показывают, что русские авторы пытались играть главным образом на несоответствии между Японией, которая казалась им страной маленькой и слабой, и ее претензиями приобрести статус мировой державы¹. В обоих случаях это является несоответствием между образом и реальностью. Согласно другим теориям о смехе, он может символизировать жизнеутверждающее начало². Такое значение смеха видится в картинке «Сцена бурной схватки по истреблению Порт-Артурского тигра». Кроме того, можно сказать, что именно благодаря жизнеутверждающей энергии смеха японские комические издания времен войны с Россией смогли сыграть важную роль в мобилизации усилий народа на войну и содействовать пробуждению чувства национальной общности японцев. Следует, однако, учитывать, что за картинками и рассказами стояли реальные успехи японской армии и большая пропаган-

¹ Подробный анализ русских «народных картин» времен русско-японской войны см.: Yulia Mikhailova, «Images of Enemy and Self: Russian ' Popular Prints ' of the Russo-Japanese War», *Acta Slavica Iaponica*, Tomus XV1, 1998, Sapporo, Japan, pp. 30-53; анализ карикатур того же периода см.: Yulia Mikhailova, *Japan ' s Place in Russian and Soviet National Identity — from Port Arthur to Khalkhin-gol*, *Japanese Slavic and east European Studies*, Vol. 23, 2002, pp.1-32.

² Д.С.Лихачев, А.М.Панченко, «Смеховой мир» древней Руси, Москва: Наука, 1976.

дистская машина государства в целом, одной из частей которой и были рассмотренные нами материалы. Русские «народные картины», появившиеся в первые полгода войны тоже пытались мобилизовать народ, но были обречены на неудачу, поскольку сама война не воспринималась как соответствующая интересам народа и русская армия не одержала в ней ни одной, хоть сколько-нибудь значительной победы.

Приведенные примеры показывают, что японцам прежде всего свойственно высмеивание духовных, моральных и интеллектуальных качеств русских. Последние для них обманщики и лгуны, воры и трусы, пьяницы и женолюбы. Конечно, такие же качества, но только у японцев, подвергались осмеянию и со стороны русских. Тем не менее в русских «народных картинах» и подписях к ним гораздо более сильный акцент делался на нанесение какого-либо физического увечья японцам. На картинках русские козаки и матросы били японцев, откручивали им носы, руки и ноги, расшвыривали их в разные стороны. По мнению создателей этих картин, один вид козаков в огромных шапках и валенках, мог вселить в японцев ужас. Они создавали впечатление, что проявление непосредственной физической силы является производной от большого роста, больших размеров тела русских, как будто все основывается на принципе «чем человек больше, тем он лучше» или что сама по себе большая площадь России гарантирует ее преимущество перед Японией. Вероятно, такие особенности русского сознания и соответствующего ему чувства комизма появились в процессе исторического развития страны и постоянного

расширения ее географического пространства. Японцы, обитающие на сравнительно небольшой и компактной территории, были вынуждены в борьбе за существование опираться на более интенсивное ее освоение, что и привело к другим представлениям о значении габаритных характеристик и грубой физической силы.

В принципе механизм создания смеха в японских комических рассказах и картинках вполне сопоставим с русским. Смех наступает главным образом при «обнаружении недостатка», может быть следствием уличения во лжи, посрамления воли, результатом уподобления животным или еде. Но есть в японских смеховых механизмах и принципиальное отличие от русских. Японцы более широко используют такой прием как каламбур, то есть шутку, основывающуюся на комическом обыгрывании разнозвучающих слов и слогов. (Хотя и в русских карикатурах встречается ехидство по поводу победных реляций Адмирала Того, которые названы «утками».) Объясняется это особенностью японского языка. В нем не только много омонимов, дающих возможность свободно играть словами, но наличие «онных» и «кунных» чтений иероглифов почти всегда позволяет придать одному и тому же слову, да и предложению, двойной смысл. Традиция игры слов существовала в Японии издавна, но именно в период Мэйдзи большинство населения стало грамотным, получив возможность широко наслаждаться такой игрой. Авторы «Ниппонти» не упустили случай воспользоваться этим при создании своих шуток.

В большинстве комических изданий периода русско-японской войны преобладала графика¹. Это может свидетельствовать о том, что для японцев важное значение имеют именно визуальные комические средства. Упомянутая выше игра слов также основывается во многом на визуальном восприятии иероглифа как графического знака. Представляется, что визуальные картинки, снабженные пояснительными текстами, подобные тем, которые мы видим в «Ниппонти», стали впоследствии одним из родоначальников жанра японской развлекательной картинки *манга*.

¹ Примеры японских комических изданий в графике многочисленны. В наиболее компактном виде представление о них можно получить по Симидзу Исао, «Мэйдзи манга кан» (Манга периода Мэйдзи), Токио, 1979 г.

Торопыгина М.В.

Басни Эзопа в «Исохо моногатари» (XVII в).

Точное время создания «Исохо моногатари» 伊曾保物語 («Исопо моногатари») неизвестно. Разные работы называют время от 10-х до 30-х годов XVII в. В течение XVII в. сочинение издавалось несколько раз. В том числе существует датированное издание 1639 года, выполненное печатью с подвижных литер. В 1659 году появилось первое иллюстрированное издание¹.

«Исохо моногатари» — сочинение в трех частях, разделенных на отдельные эпизоды, каждый из которых имеет свое название. В первой части — 20 эпизодов, во второй — 40, в третьей — 44. «Исохо» — японское прочтение имени легендарного греческого баснописца Эзопа. В книге помещены жизнеописание Эзопа и басни. Жизнеописание занимает всю первую часть и 9 эпизодов второй части, далее следуют 65 басен.

«Исохо моногатари» не является первым «японским Эзопом». Появление этого сочинения, несомненно, было связано с существованием более раннего

¹ Сочинение опубликовано в серии Нихон котэн бунгаку тайкэй (Большая серия японской классической литературы), т.90: Канадзоси сё (Собрание кана-дзоси). Токио, «Иванами сётэн», 1965. На сайте <http://esopo.fc2web.com> помещено несколько изданий «Исохо моногатари», в том числе иллюстрированное издание.

перевода — книги под названием «Эсопо-но фабулас» (ESOPONO FABVLAS)¹, выпущенной типографией Миссии иезуитов.

Типографский станок был привезен в Японию знаменитым миссионером Алессандро Валиньяно (1539-1606) в 1590 году. Сначала типография работала в колледже в Кадзуса, затем в Амакуса, позже была переведена в Нагасаки.

Миссия иезуитов выпускала книги с 1590 по 1610 год. Задачей типографии было печатание книг для нужд иезуитов и студентов, учившихся у них. Типография имела литеры с латинским шрифтом, затем были также выполнены литеры со знаками *катаканы*, позже — со знаками *хираганы* и иероглифами.

Сохранилось очень мало книг, выпущенных типографией Миссии иезуитов. Многие были сожжены, когда начались гонения на христиан. Сохранилось менее 40 названий, некоторые издания — всего в одном экземпляре. Однако письма миссионеров, их записи, другие источники говорят о том, что типографией было выпущено не менее 100 названий. Количество печатавшихся копий также неизвестно².

Безусловно, перевод художественной литературы не был задачей Миссии иезуитов. Однако наряду с

¹ См. текст на <http://esopo.fc2web.com>.

² См. Kornicki, P.F. The book in Japan. A Cultural History from the beginning to the Nineteenth Century. Brill, 1998, pp.125-127.

баснями Эзопа исследователи всегда обсуждают еще одну книгу — частичную адаптацию японского произведения XIII века «Хэйкэ моногатари» («Повесть о доме Тайра»), выпущенную типографией в латинской транскрипции. Цель подобной адаптации могла состоять только в одном — помочь европейцам, служившим в Миссии, в изучении японского языка. Видимо и басни Эзопа были переведены на японский язык с той же целью. Книга «Эсопо-но фабулас» была напечатана в 1593 году в Амакуса (отсюда название, которое нередко можно встретить в работах, касающихся этого издания, - «Амакуса-хан Исохо моногатари» — «Исохо моногатари издания Амакуса»). Сочинение «Эсопо-но фабулас» написано на разговорном языке, издано в транскрипции — латинским шрифтом.

Сочинение сохранилось всего в одной копии, которая находится в Британском музее. Находящееся в музее издание состоит из трех сочинений, это изданное латиницей «Хэйкэ моногатари», «Эсопо-но фабулас» и третье сочинение, перевод с китайского, «Собрание золотых изречений» («Кинкусю» 金句集) — собрание из 282 изречений, взятых из китайской классики. Возможно, что «Эсопо-но фабулас» и «Кинкусю» переведены на японский язык преподавателем японской истории в колледже Амакуса Косме Такаи¹,

¹ Üçerler, Antony. “Gutenberg Comes to Japan: The Jesuits & the First IT Revolution of the Sixteenth Century” The Ricci Institute

однако, возможно, что в работе участвовало несколько человек, и работали как японцы, так и европейцы.

«Эсопо-но фабулас» включает жизнеописание Эзопа и 70 басен. На титульном листе «Эсопо-но фабулас» есть дата и место издания и сказано, что перевод выполнен с латинского языка. Сопоставительный анализ «Эсопо-но фабулас» и «Исохо моногатари» показывает, что «Исохо моногатари» не является произведением, построенным на основе «Эсопо-но фабулас». Совпадений басенного репертуара между «Эсопо-но фабулас» и «Исохо моногатари» — 25 басен.

Поиск изданий или рукописей, которые можно было бы с уверенностью считать оригиналами для японских переводов, оказался довольно сложной задачей. Одна из теорий состоит в том, что до появления «Эсопо-но фабулас» и «Исохо моногатари» существовал еще один перевод на японский язык (ныне утерянный), который и явился основой следующих японских переводов¹. Общепринятая на сегодняшний день точка зрения состоит в том, что оригиналом для обоих переводов является издание, известное как издание *Штайнховеля* (*Steinhowel Aesop*) или Ульмское изда-

Public Lecture Series. September 2005. P.10. <http://www.usfca.edu/ricci/events/Ucerler.pdf>

¹ Подробно об этой теории см. Кобори Кэйитиро 小堀桂一郎. Исоппу гува. Сонно дэнсё: то хэнъё: イソップ寓話—その伝承と変容 («Басни Эзопа. Традиция и трансформация»). Токио, «Коданся», 2001.

ние — издание, выполненное Генрихом Штайнховелем (1411/12-1479) в Ульме в 1476-77 годах. Одновременно или с очень небольшой разницей во времени были напечатаны книги на латинском и немецком языках, перевод на немецкий был выполнен Штайнховелем. Это издание вобрало в себя не только традиционно относящиеся к басням Эзопа произведения из «Ромула» (основу «Ромула» составляют басни Эзопа, переложенные в латинские стихи Федром в I в. н.э. и переложенные из латинских стихов в латинскую прозу в IV в.), но также басни Авиана (ок.400) — римского автора, сборники которого получили широкое распространение в качестве учебных пособий, и латинские басни более поздних авторов, в литературе они обычно называются «посторонними баснями» (*fabulae extravagantes*). В это издание включено также «Жизнеописание Эзопа». «Жизнеописание Эзопа» — легендарная биография Эзопа, созданная, вероятно, во II-I вв. до н.э. Биография была переписана греческим автором Максимом Планудом (1260-1310). Именно издание Штайнховеля было особенно популярно в Европе, оно было переведено на многие национальные языки, в том числе на французский язык Жульеном Машо, затем в 1484 году — с французского на английский язык Уильямом Кекстоном¹.

¹ Обширный материал по басням Эзопа, в том числе и по изданию Штайнховеля, помещен на сайте Aesopica: Aesop's Fables in English, Latin and Greek. <http://www.mythfolklore.net/aesopica/>.

«Исохо моногатари», действительно, в основном следует порядку басен в издании Штайнховеля, однако с большими пропусками (в латинском издании Штайнховеля 141 басня). Басни второй части «Исохо моногатари» и первая басня третьей части — басни из «Ромула» (с 2.10 по 3.1). В третьей части есть басни, не помещенные в латинское издание Штайнховеля. Одна басня, возможно, была сочинена переводчиком «Исохо моногатари», во всяком случае ее аналогов не называется в тех работах, которые были нам доступны при подготовке данной публикации, это басня «Хато то китцунэ-но кото» 鳩と狐の事 (3.28 «Голубка и лиса»). Басня «Сюккэ то нусубито-но кото» 出家と盗人の事 (3.34 «Монах и вор») принадлежит латинскому автору Одону Черитонскому (ум. 1247, Odo of Cheriton).

Отбор басен явно говорит о литературных пристрастиях переводчика. Басни, традиционно относимые к басням Эзопа, ранние басни, как правило, очень кратки, похожи на либретто, в них один очень простой сюжетный ход, история рассказывается без каких бы то ни было литературных украшений. Японский переводчик отобрал для третьей части «Исохо моногатари» целый ряд «посторонних басен» (это басни со второй по одиннадцатую в третьей части произведения, за исключением восьмой басни — «Хато то ари-но кото» 鳩と蟻の事 («Голубка и муравей»)).

Как правило, «посторонние басни» по своим литературным особенностям отличаются от классичес-

ких произведений. Это более длинные, более подробные истории, сходные со сказками о животных. К таким басням можно применить японский термин *моногатари*, что и делает переводчик, давая одной из басен название «Оокамэ юмэ моногатари-но кото» 狼夢物語の事 (3.7 «История о сне волка»). В латинском издании Штайнховеля эта басня называется «De saepe invidio», в русском переводе М.Гаспарова «Злополучный волк».

Важнейшим элементом басни является мораль. Почти все басни «Исохо моногатари» имеют мораль, выделяется эта заключительная часть словом *соноготоку* *そのごとく* — подобно этому. Не имеют такой части только басни «Оокамэ юмэ моногатари-но кото», «Хито-о нэтаму ва ми-о нэтаму то иу кото» 人を嫉むは身を嫉むといふ事 (3.21 «Ненавидеть другого значит ненавидеть себя»).

Морали имеют ярко выраженный дидактический тон. Многие имеют форму на *-бэси* *べし* со значением долженствования.

Кото-ни фурэтэ котоготовоку-ни хито-ни тоубэси 事にふれて事ごとに問ふべし. Берясь за дело обо всем нужно спрашивать людей. (2.20 «Васи то катацубури-но кото» 鷲とかたつぶりの事 — «Орёл и улитка»).

Вага ходоходо-ни ситагаттэ, соно айсацу-о насубэки нари 我程々に従つて、其挨拶をなすべき也. Нужно

приветствовать другого в соответствии со своим положением, как должно. (2-22 «Мума то ину-но кото» 馬と犬の事 — «Конь и собака»).

Тада исэй арэба тотэ, бонгэ-но моно-о иясиму-бэкарадзу *ただ威勢あればとて、凡下の者をいやしむべからず*. Даже если ты могущественен, нельзя презирать сильных и убогих. (2-23 «Сисио: то нэдзуми-но кото» 獅子王と鼠の事 — «Лев и мышь»).

Сумияка-ни, найсин-но хэдатэ-о насу котонаку, иссин буран-ни дзэндзи-о субэси *すみやかに、内心の隔てをなす事なく、一心不乱に善事をすべし*. Следует всеми силами делать хорошие дела, чтобы они сердцу не противоречили. (2-38 «Оокамэ то хасутору-но кото» 狼とはすとの事 — «Волк и пастух»).

Немало в моральях и призывов подумайте хорошенько о смысле рассказанной истории:

Корэ-о омоэ *これを思へ*. Подумайте об этом! (2-27 «Карасу то кудзяку-но кото» 烏と孔雀の事 — «Ворона и павлин»).

Юрукасэ-ни омоу кото накарэ *ゆるかせに思ふ事なかれ*. Хорошенько подумайте об этом. (2-30 «Мума то сисио:-но кото» 馬と獅子王の事 — «Лошадь и лев»).

Каэсугаэсу мо корэ-о омоэ *返々も是を思へ*. Снова и снова об этом думайте. (3-1 «Ари то сэми-но кото» 蟻と蟬の事 — «Муравьи и цикада»).

Хотя героями большинства басен являются животные, есть целый ряд произведений, где действуют греческие боги, а также мифологические существа, поздние басни могут содержать и христианские реалии.

Басня «Сюгёдзя-но кото» 修行者の事 (3.24 «Монах-паломник») является переводом басни «Человек и сатир»:

«Говорят, что когда-то человек с сатиrom решили жить в дружбе. Но вот пришла зима, стало холодно, и стал человек дышать себе на руки, поднося их к губам. Спросил его сатир, зачем он это делает; ответил человек, что так он согревает руки в стужу. Потом сели они обедать, а еда была очень горячая; и стал человек брать ее понемножку, подносить к губам и дуть. Снова спросил сатир, что это он делает, и ответил человек, что так он охлаждает кушанье, потому что ему слишком горячо. Сказал тогда сатир: «Нет, приятель, не быть нам с тобой друзьями, если у тебя из одних и тех же губ идет и тепло, и холод».

Так и мы должны остерегаться дружбы тех, кто ведет себя двулично» (перевод М.Гаспарова).¹

Японский текст рассказывает историю таким образом:

«Один монах-паломник, когда день начал клониться к закату, попросился провести ночь в каком-то маленьком, бедном, тихом домике. Хозяин был человеком сострадательным и пустил его, считая это предопределением из прошлой жизни. Время было зимнее, морозное, руки-ноги у монаха заоченели и не слушались, монах своим дыханием отогревал их. Немного погодя, когда ел горячую еду, монах стал дуть на нее, чтобы остудить. Хозяин все это видел. «Как странно поступает этот монах! Чтобы

¹ Гаспаров М.А. *Басни Эзопа*. М, «Издательство АСТ»; Харьков, «Фолио», 2003, сс. 126-127.

согреть холодное, он направляет на него горячее дыхание, чтобы охладить горячее, он дышит – и охлаждает. Это – не деяния простого человека. Видно, явился сюда тэмма!» – по глупости своей хозяин испугался, и лишь занялась заря – выгнал монаха.

Подобно этому, глупый человек не разбирается в том, что в нас есть. Многие приводят его в замешательство. Те, кто настолько глупы, могут, увидев хорошее, подумать, что это наоборот плохое. Поймите это! Пусть, услышав об этом, и подумаешь, что это глупость, но в мире людей есть заблуждения, так этот хозяин, увидев последовательно, не мог поверить в то, что дыхание человека и согревает, и охлаждает».

При передаче басни на японский язык переводчик переносит место действия в обычную для своих читателей обстановку: идущий в паломничество монах просится на ночлег. Действие перенесено в мир людей, отсутствует сатир — мифологическое существо. Переводчик берет обычные для своей культуры слова, приспособлявая к ним историю, а не пытается включить инокультурные понятия и объяснить их. Переводчик берет слова: 修行者 *сюгё:дзя* — аскет, паломник, 結縁 *кэтиэн* — связь из предыдущих жизней, 天魔 *тэмма* (санскр. *deva-mara*) — дьявол. Из необычной интерпретации текста вытекает и довольно необычная его трактовка.

Эта басня была известна и в России в XVII веке. Вот как трактовали ее значение русские переводчики:

«Толк. Притча являет тако, яко имать сицевыя любве и дружбы отбегати, иже суть сугубаго естества и

двоедушни». Это перевод Фёдора Гозвинского — первый перевод басен Эзопа в России 1607 года¹.

«Тем являя, яко подобает таковых опасатися, иже имут во единой огонь, во друзей же воду». Перевод Андрея Виниуса 1674 года².

Показанный на примере басни «Монах-паломник» метод не близкого к тексту перевода, а скорее интерпретации текста, приспособления его к реалиям своей культуры можно наблюдать и в других баснях. Так, басня «Статуя бога» названа в «Исохо моногатарии» «Ару хито буцу-о инору кото» ある人仏を祈るの事 (3.15 «О том как один человек молился будде»), соответственно изображение, которому молится герой басни, — изображение будды.

Героями басни «Лисица и волк», которая переведена под названием «Кицунэ то оокамэ-но кото» 狐と狼の事 (3.10 «Лисица и волк»), являются лиса, ее сын, лисёнок по имени Бенедиктул, и крёстный отец Бенедиктула — волк.

В басне говорится:

«Лисица пришла к волку и говорит: «Прошу тебя, господин мой, прими сына моего от святой купели и будь ему крёстным отцом»¹.

¹ Р.Б.Тарковский, Л.Р.Тарковская. Эзоп на Руси: век XVII. СПб., «Дмитрий Буланин», 2005, с.247.

² Там же с.332.

Соответствующее место японской басни выглядит следующим образом:

Ару кичунэ, ко-о мо:кэкэру-ни, оокамэ-о осорэтэ надзукэоя то садаму. Оокамэ укэтамаваттэ, сонно на-о бакэмацу то цукэтари.
ある狐、子を儲けけるに、狼をおそれて名付親とさだむ。狼承て、そのなをばけまつと付けたり。

«Когда одна лисица родила сына, волк был назначен ему в крестные отцы. Имя мальчику было дано Бакэмацу».

Таким образом, японский перевод сохраняет «крёстного отца», но трудное латинское имя Бенедиктул заменяет на Бакэмацу. Японские комментаторы считают, что оно может быть записано как 化松, где *мацу* (сосна) — обычный формант для детских имен, а *бакэ* (оборотень) появляется оттого, что имя дается лисенку, а лисы являются оборотнями.

В басне «Жадный и завистливый» Авиана действуют боги Юпитер и Феб-Аполлон. В японском варианте басни «Ненавидеть другого значит ненавидеть себя» боги превращаются в *ару микадо* ある御門 — одного правителя.

Таким образом, переводчик выбирает скорее путь адаптации текста, чем введения новых, инокультурных реалий в контекст своей культуры.

¹ Гаспаров, с.307.

Введение в корпус басен новых произведений — обычная практика для тех авторов, которые работали с баснями, как в древности, так и в средневековье, так и в новое время. «Исохо моногатари» вводит басню «Голубка и лиса».

Голубка и лиса

Однажды голубка свила себе гнездо на дереве. Тогда лиса, что была под деревом, сказала голубке:

— Зачем тебе растить детей в таком опасном месте? Лучше здесь поселись. Здесь не грозит ни дождь, ни ветер. Поселись в норе!

Глупая голубка сомневалась, правда ли это, но вывела птенцов на земле. И они тут же достались лисице на обед. Голубка, обнаружив это, свила гнездо повыше на дереве. И вот, ее поучала соседка-голубка:

— И в самом деле, ты глупая птица. Уж теперь, если лиса тебе такое скажет, отвечай так: «Сама поднимись сюда. А не можешь подняться, так никогда моих детей не достанешь!»

— И то правда, — сказала голубка.

А лиса и спрашивает:

— Теперь я уж тебе никакого беспокойства не причиню. Так что можешь мне доверять. От кого ты получила этот совет?

Незадачливая голубка и ответь, что от такой-то птицы.

Однажды та птица, что учила нашу голубку, спустившись, клевала пищу. Приблизилась к ней лиса и завела разговор:

— Итак, это ты, та несравненная, выдающаяся птица! Хочу тебя спросить. Вот когда сидишь на насесте, и спереди, и сзади, и слева, и справа дует сильный ветер, куда нужно поворачиваться, чтобы спрятаться?

Птица отвечала:

— Когда ветер дует слева, надо прятать голову под правое

крыло, когда ветер дует справа, нужно прятать голову под левое крыло. Когда ветер дует спереди, голову надо запрокинуть назад, когда ветер дует сзади, голову опускают вперед.

Лисица сказала:

— Если ты и вправду все это можешь свободно проделать, то ты должна царить среди птиц! Да только быть такого не может!

— Да я тебе сейчас покажу!

Стала птица крутить головой налево-направо, а когда отвернулась на мгновение назад, лисица набросилась на нее и сожрала.

Подобно этому: до того, как день за днем только и делать, что давать людям добрые советы, нужно сначала самому выучиться. А того быть вовсе не должно, чтобы, забыв себя, людей поучать.

Ни одно из изданий «Исохо моногатари» XVII в. не содержит сведений о переводчике, месте и времени перевода, оригинале, языке оригинала. Видимо, этот сборник вошел в японскую литературу XVII в. как произведение «о других странах», таких рассказов множество в произведениях жанра *сэцува*, *отоги-дзоси*. Разница между национальной и переводной литературой в этот период еще не осознавалась. Иллюстрированное издание также скорее говорит о том, что произведение не воспринималось как нечто инородное в культуре этого времени. Изображение самого Эзопа похоже на изображение японского буддийского монаха, действующие в первой части книги (в жизнеописании Эзопа) герои похожи на героев любой другой книги этого времени, где показаны «не японцы» («не японцы» — люди в китайских или корейских костюмах). Отсутствие какой бы то ни было религиозной

направленности является особенностью басни как жанра; немногие греческие, а в поздних баснях и христианские реалии, умело убраны японским переводчиком (автором). «Исохо моногатари» не является переводом целой книги с иностранного языка, а переводом отдельных небольших произведений-эпизодов. Такое построение длинного текста, когда он как бы собирается из отдельных небольших частей, характерно для японской литературы — так строилась вся дидактическая литература *сэцува*. По внутреннему строению басни также имеют сходство с рассказами *сэцува*. В выборе басен переводчик явно проявил интерес к произведениям с выраженным нарративом, таким, какие могли бы быть причислены к *моногатари*. Со временем произведение было включено в состав японской классической литературы, оно издается в сериях, куда включаются произведения классических жанров, и по японской литературоведческой систематизации является произведением *кана-дзоси*.

Филиппов А.В.

**Сёгун ТОКУГАВА Цунаёси (правл. 1680-1709):
Личность и политика
(новый взгляд на полузабытую литературу)**

Данный экскурс не является попыткой предложить вниманию читателя некие исключительно новые материалы. Речь идёт преимущественно о сведениях «классической» японоведной литературы конца XIX—начала XX столетия.

В аспекте тематики, посвящённой сёгуну *Цунаёси* — одни издания, на основе которых построен нижеприведённый материал, по разным причинам, практически не цитировались. Другие издания — стали раритетами, и даже присутствуя в собраниях библиотек, незаслуженно редко привлекали внимание исследователей в последние десятилетия. Времена же, рассматриваемые в предлагаемом опусе — интересны и в отношении личности сёгуна *Цунаёси* (придавшего воистину неповторимый колорит эпохе), и в отношении любопытных перипетий одного из переходных периодов японской истории. Ведь девиз годов правления *Гэнроку* 元禄 (1688—1704) принято воспринимать и как пик в эволюции феодализма в Японии, и как время необычайно бурного расцвета культуры. Попутно отметим, что выход данной публикации на русском языке несколько затянулся в связи с нежела-

нием автора отказаться от иероглифики и указания долгот в японской транскрипции. Думается, что эти нюансы должны быть неотъемлемой частью любой японоведной работы. За это время успела появиться новая основательная книга Беатрис БОДАРТ-БЭЙЛИ, посвящённая непосредственно данной тематике¹. Остаётся лишь выразить надежду, что подобные труды вскоре смогут увидеть свет и на русском языке.

Времена *Цунаёси* нашли отражение в одном из наиболее ранних для европейцев источнике — описании Японии, принадлежащем перу Энгельберта КЕМП-ФЕРА (немецкого врача и историка), прибывшего в страну в 1691—92 для работы в голландской фактории в *Нагасаки*. В 1727—28 его двухтомное сочинение (в значительной мере включающее и мемуары автора) под названием «История Японии» увидело свет в голландском, французском, немецком и английском изданиях [14, том 3, стр.135]. То, что значение труда остаётся важным по сей день и приведённые в нём сведения поныне не до конца освоены европейскими и американскими авторами доказывает недавнее переиздание этого труда в 1999 усилиями уже упомянутой Беатрис БОДАРТ-БЭЙЛИ².

¹ BODART-BAILEY, Beatrice M. *The Dog Shogun: The Personality and Policies of Tokugawa Tsunayoshi*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. 424 pages, 14 illustrations.

² Последнее переиздание этого труда на английском с исправлениями существовавших неточностей недавно вышло в свет усилиями

Колоритность фигуры ТОКУГАВА Цунаёси 徳川綱吉 явилась причиной того, что он запечатлелся в памяти потомков как личность, привлекающая внимание каждого, обратившего взор на чреду поколений сёгунов дома ТОКУГАВА. Однако, к определённым аспектам его деятельности и характера личности внимание столь чрезмерно, что это привело к формированию явно одиозного образа (и только лишь, не более того). Расхожие оценки обычно не затрагивают иных сторон его деятельности (не менее важных при этом).

В такой ситуации любопытно ещё и то, что многие материалы по «малоизвестным» моментам, деталям жизни и деятельности Цунаёси на самом деле достаточно доступны (будучи опубликованными)¹. При этом речь идёт не о японских изданиях, а о сравнительно легко воспринимаемых материалах на русском и английском языках. До определённой степени существенным огра-

Беатрис БОДАРТ-БЭЙЛИ: [(13) KAEMPFER Engelbert. Kaempfer's Japan: Tokugawa culture observed / Edited, translated and annotated by Beatrice M. BODART-BAILEY. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1999. Pages xiv, 545.]

¹ Жизнь Цунаёси нашла некоторое отражение в различных изданиях — как достаточно новых либо часто переиздаваемых [3, стр.91-93; 2, т.1, стр.438-439; 6, стр.51-56; 14, том 3, стр.130-138], так и редких, ставших раритетными [5, стр.365-370; 7, часть 1, стр.120-122; 10, стр.596-608]. Несмотря на то, что последние из упомянутых изданий вышли около столетия тому назад, приведённая в них крайне интересная фактическая информация, практически не отражена в более свежих публикациях.

ничением может считаться лишь то, что часть этих изданий уже стала раритетами в связи с давностью публикации (конец XIX — начало XX века) и ограниченностью тиража. Это работы В.Я.Костылева, А.А.Николаева, Д.М.Позднеева, Ф.Бринкли (впрочем, данные книги вполне доступны в крупных библиотечных учреждениях). Другие же издания, даже несмотря на их почтенный возраст, не могут быть названы раритетами — скажем, труды Дж.Сэнсома (изданные в 30-е годы XX века, но с поразительной регулярностью, практически ежегодно переиздаваемые и по сей день усилиями издательства *Tuttle*). К сожалению, число относительно свежих, легко доступных работ по данной проблематике на этих двух языках весьма невелико и среди них следует упомянуть статью ОИСИ *Синдзабурō* в коллективной монографии «Япония времён Токугава» 1990 года (переизданной в мягком переплёте в 1991) [15]. При этом в переводе столь современной статьи известного японского историка содержатся досадные оплошности, связанные с грубыми искажениями при переводе имён и фамилий известных исторических персонажей, когда на английском языке некоторые имена оказались прочитаны таким образом, что ни имя, ни фамилия никак не напоминают о рассматриваемом реальном историческом лице (в японоязычных работах подобных оплошностей, естественно, нет — так что всё бремя ответственности приходится списывать на небрежность переводчика и редактора). Подобные ситуации вызвали необходимость, даже и при преимущественном исполь-

зовании материалов на русском и английском языках, обращаться для уточнения информации разного рода к материалам на японском.

В предлагаемом ниже кратком обзоре не ставится цель всецело осветить историографию данного вопроса, а в качестве задачи видится попытка восстановить в первую очередь некоторые «полузабытые» грани жизни и деятельности Цунаёси. Это лишь стремление попробовать воскресить, вернуть миру востоковедов более цельный и многогранный образ этой личности, в действительности оставившей по себе след в истории не только за счёт пристрастия к произволу и тирании «собачьего сёгуна» — а и благодаря многим, и весьма разноплановым политико-экономическим и социальным реформам, проводившимся в его правление.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ЦУНАЁСИ

Деятельность Цунаёси (1646-1709) как сёгуна (правл. 1680-1709) в очень многих аспектах была связана с характером сложившейся эпохи, особенностями политической и экономической ситуации. Для того, чтобы хотя бы в общих чертах представить круг проблем, следует попытаться, по крайней мере, определить их общую специфику, направленность изменений, происходивших в обществе.

Проблемы, которые начали намечаться во второй половине XVII столетия и расцениваются как первые

признаки кризиса системы *бакуфу*¹ оказываются связаны, по крайней мере, с двумя важными моментами. С одной стороны, это некоторое нарастание сложностей экономико-социального свойства (обеспечение надлежащего, удовлетворительного распределения продовольствия и материальных благ на фоне растущего спроса в связи с ростом населения и повышением уровня жизни). С другой стороны — усугубление этих сложностей ввиду неоднозначности фигур вершителей судеб страны в этот период. Это было время IV и V сёгунов (*Иэцуна* 家綱 и *Цунаёси* 綱吉), оставивших по себе неоднозначные воспоминания у потомков. *Иэцуна* (правл. 1651—80), старший сын III сёгуна *Иэмицу*, отличавшийся крайне слабым здоровьем, стал сёгуном в 10-летнем возрасте, но всецело полагался на своих приближённых вплоть до смерти². Считается, что

¹ В 2-томной «Истории Японии» правление I—III сёгунов (*Иэясу* 家康, *Хидэтада* 秀忠, *Иэмицу* 家光) определено как время укрепления политической системы [2, том 1, стр.435-437], IV—VII сёгунов (*Иэцуна* 家綱, *Цунаёси* 綱吉, *Иэнобу* 家宣, *Иэцугу* 家継) — характеризуется как этап, когда проявились первые признаки кризиса системы *бакуфу* [2, том 1, стр.437-440], первые реформы *бакуфу* связываются лишь со временем VIII сёгуна *Ёсимунэ* 吉宗 [2, том 1, стр.440-445], времена же власти последующих семи сёгунов, с IX по XV (*Иэсигэ* 家重, *Иэхару* 家治, *Иэнари* 家斉, *Иэёси* 家慶, *Иэсада* 家定, *Иэмоти* 家茂, *Ёсинобу* 慶喜) — как «период системного кризиса» [2, том 1, стр.445-454].

² Подробнее см., напр.: [3, стр.91; 2, том 1, стр.437-438].

влияние на него оказывали не только советники, но и женщины двора; ещё более усугублено это было указанием одного из его старейшин *родзю* (САКАИ Тадакиё 酒井 忠清, *Ута-но ками* 雅楽頭, 1624—81)¹ о недопущении ко двору тех дам, кто не получил дозволения советников. Таким образом, и так имевший лишь подобие власти IV сёгун, воспринимал всё сквозь призму воззрений своего окружения и оказался практически невосприимчив к происходящему в стране, вплоть до готовности выслушивать объяснения причин стихийных бедствий или голода «непригодностью» императора и необходимостью его отречения в пользу наследников. Для полноты картины можно привести рассказ о том, что за всю жизнь *Иэцуна*, якобы, лишь однажды сам отдал распоряжение, «и то на смертном одре». Указание о передаче поста сёгуна младшему брату *Цунаёси* было отдано им в момент, когда обсуждалась возможность назначения преемника сёгуна из принцев императорской семьи². В прежние времена такое бывало — так, при *Камакура-бакуфу*, 1192—1333, четыре последних сёгуна были из императорского дома³. Между тем сперва сёгун *Иэцуна* подавал блестя-

¹ САКАИ Тадакиё 酒井 忠清 (1624—81) — с 1653 старейшина *родзю* 老中, с 1666 верховный старейшина *тайро* 大老.

² Об этом см. у А.А.Николаева: [4, том 1, стр.84].

³ Именно на это и ссылался *родзю* САКАИ Тадакиё, предложивший последовать примеру *Камакура-бакуфу* и призвать преемника поста сёгуна из императорского дома. В качестве ответа на этот

призыв он услышал резкую отповедь занимавшего тогда значительно более низкую должность ХОТТА *Масатоси*: «Ужели это речь нашего верховного старейшины? Господин *тайро* изволит шутить?». Далее он однозначно высказался, мол, вопроса о том, кому наследовать — и быть не может. Это достоинство да падёт на *Цунаёси* и лишь на *Цунаёси*. Ибо он законный сын покойного сёгуна *Иэмицу* и единственный брат нынешнего сёгуна. Мол, «если это не шутка господина *тайро* — то его предложение и вовсе не имеет объяснений». Это резкое высказывание было воспринято всеобщим молчанием, и вскоре САКАИ *Тадакиё* ушёл со своего поста в отставку [10, стр.596].

Нельзя забывать, что *Тадакиё* тогда имел практически непрекаемый авторитет в *бакуфу*; то, что он молча уступил протесту и увещаниям ХОТТА *Масатоси* — более чем достаточно, чтобы оправдать его, снять все обвинения в злом умысле (скажем, в стремлении захватить в свои руки всю полноту административной власти, используя назначаемого в сёгуны принца лишь в качестве марионетки). Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что одна из наложниц (consort) *Иэцуна* в это время ждала ребёнка и *тайро* желал отложить любые решения по семейным делам до его рождения. Предполагалось, что освобождение от обязанностей сёгуна лица из императорского дома будет легче обустроить, в то время как если будет назван кто-то по линии дома сёгунов — его смещение будет затруднительно. Для *Иэмицу* было рождено пятеро сыновей, старший *Иэцуна* — наследовал пост сёгуна, трое — умерли, единственный оставшийся был *Цунаёси*, родившийся в 1646, ему в это время было 34 года [10, стр.597].

В то же время есть и иное объяснение сложной ситуации, возникшей в связи с назначением преемника сёгуна. Данное объяснение, высказанное ОИСИ *Синдзабуро* [15, стр.32] — уже

щие надежды, возможно, оправдавшиеся составлением блистательных научных трактатов в его правление¹.

не просто изложение внешних проявлений проблемы, связанных с отдельными личностями, но, как представляется, изложение действительной серьёзной политической подоплёки событий.

Когда возник вопрос о наследовании, якобы возникла серьёзная полемика во внутренних кругах *бакуфу*. Хотя это и были уже времена IV сёгуна *Иэцуна*, но совсем недавно созданная (при III сёгуне *Иэмичу*) на базе соответствия надлежащим статусам (*status-based*) административная система функционировала наиболее чётко. Это было правительство, где руководил САКАИ *Тадакиё* и другие старейшины *родзю*. Это были люди из *фудай-даймё* с благороднейшими, лучшими родословными из всего круга вассалов сёгуна. Утверждается, что они стремились укрепить эту, основанную на статусе, административную систему и сконцентрировать в руках *фудай-даймё* всю полноту власти в *бакуфу* за счёт назначения наследником *Иэцуна* молодого принца из императорского дома. ХОТТА *Масатоси*, который лишь годом ранее (в 1679) получил назначение в старейшины *родзю*, непреклонно настаивал на передаче наследования *Цунаёси* как потомку основной линии рода ТОКУГАВА. Старейшинам не удалось разрешить свои противоречия во взглядах, однако, *Цунаёси* наследовал пост сёгуна в соответствии с оговоренным в воле *Иэцуна*. Существуют вопросы по поводу правдивости этой истории, но в любом случае — *Цунаёси* не кажется слишком связанным политическими установками, принятыми во времена предшествовавшей администрации. [15, стр.32]

¹ Об этом говорится у В.Я.Костылева: [5, стр.359].

Впрочем, воображение поражает скорее количество бедствий, постигших Японию в его времена¹.

На этом, достаточно тяжёлом фоне, в общем и начинается правление V сёгуна *Цунаёси* 綱吉, печально прославившегося своей излишней любовью к животным (и в т.ч. к собакам) и совсем не столь внимательным отношением к собственным подданным (заслужив за то прозвание «господина собак» *Ину-кубō* 犬公方). Преобразования его времени были обусловлены не только различными мотивами экономического свойства, но и напрямую связаны с чересчур личными взглядами правителя на разные вопросы (в частности, не имевшие ни малейшего отношения к политике, но оказывавшие на неё непосредственное, порой крайне негативное, воздействие). На раннем этапе правления (который обычно принято рассматривать как благополучный период, когда сёгун проявлял себя как «достойный»

¹ В 1653 г. — пожар в императорском дворце, в 1654 — обрушился дворец самого сёгуна, в 1657 в *Эдо* произошёл один из самых ужасных пожаров времён *Эдо-бакуфу* — «пожар годов *Мэйрэки*» (страшные пожары в *Эдо* были и в 1668, 1670), 1659 — наводнение в *Эдо*, в 1661 г. страшные пожары и в 1662 — землетрясение в Киото (когда погибло множество людей и дворцов, включая блистательный замок сёгуна *Нидзё-дзё*), наводнения (в *Никко* в 1662, в *Осака* в 1670, в Киото в 1674), в 1668-69 засуха и голод (в 1669 в Киото в течение 100 дней приходилось раздавать рис голодающим за счёт правительства), голод постиг Киото и в 1675 г. [5, стр.360-361].

правитель) *Цунаёси* руководствовался в действиях советами своего наставника ХОТТА *Масатоси* 堀田 正俊¹ (его трудами, собственно, *Цунаёси* и получил возможность занять пост сёгуна), пока тот не был убит в 1684 г. в результате придворного заговора². После этого вся власть попадает в руки ЯНАГИСАВА Ёсиясу 柳沢 吉

¹ ХОТТА *Масатоси* 堀田 正俊 (1634—84) занимал при *Цунаёси* пост «главного старейшины» *тайро* 大老 — должность, которая не была постоянной, а замещалась лишь спорадически, при необходимости. Основой деятельности ХОТТА *Масатоси* в значительной мере можно считать стремление к заботе о народе — внимание к процветанию земледелия и стремление к предотвращению чрезмерности в налогообложении, призывы к поддержанию моральных устоев среди всех слоёв населения [4, том 1, стр.85].

ХОТТА *Масатоси* был назначен на пост *тайро* после ухода САКАИ *Тадакиё*. Естественно, поскольку именно *Масатоси* обеспечил приход *Цунаёси* на пост сёгуна, его влияние на него было огромно. Не вызывает сомнений, что он заслужил право называться одним из наиболее выдающихся государственных деятелей японской истории и что его исключительные способности послужили делу прогресса и чистоты администрации (достойного управления). В результате его напряжённой деятельности были выявлены факты коррупции, в конце правления IV сёгуна пустившей корни практически повсеместно во всех государственных ведомствах, и удалось влить дух усердия и честности в стиль исполнения служебных обязанностей.

² Подробности этого события см., напр.: [10, стр.598-599].

保¹, по причине чего всё остальное время правления Цунаёси часто называют периодом «политики *собаёнин* 側用人政治»² (первый значительный и, пожалуй, самый важный пост ЯНАГИСАВА), поскольку именно им вершились все дела. Таким образом, в правлении Цунаёси достаточно очевидно выделяются два этапа: до гибели благородного ХОТТА Масатоси (приверженцем которого и почитателем иногда называют КУМАДЗАВА Бандзан [4, том 1, стр.85]) и время от начала прихода к власти ЯНАГИСАВА Ёсиясу. Впрочем, оценки второго этапа могут быть и иными, если подойти к ним с точки зрения эволюции форм осуществления власти.

О характере I-го этапа правления (до 1684),

юность и истоки становления личности...

По-видимому, значительное влияние на формирование личности Цунаёси было оказано его матерью, могущественному влиянию которой он был практически подчинён. Подавляющее большинство мероприятий в сфере социальной политики были приняты по её совету. Поощрение изучения китайской классики,

¹ ЯНАГИСАВА Ёсиясу 柳沢吉保 (1658—1714). Подробности его карьеры рассмотрены позже, в подразделе «Фаворит Цунаёси».

² Собственно, происхождение и самой должности «секретаря» *собаёнин* 側用人 восходит ко временам того же Цунаёси, создавшего этот пост с целью укрепления своей власти как сёгуна [12, стр.1738]. Первое назначение на эту должность связано с именем МАКИНО Нарисада 牧野成貞 (1634-1712) [20, стр.1068 left, №054].

развитие почитания буддизма, законы о защите животных — всё это её работа. [14, том 3, стр.130]

На первом этапе *Цунаёси* проявлял интерес к наукам (в частности — к конфуцианству), что проявлялось как в создании и развитии связанных с этим учреждений, так и в распространении знаний посредством чтения лекций, привлечения ученых и т.п.

Склонности теоретика

Цунаёси не питал интереса и не обладал достаточными способностями для таких практических задач управления, которые требовали бы принятия решений по финансам, поддержанию порядка в стране законными и надлежащими методами. Он стремился проявить себя в сфере теоретической и следует отметить, что именно в его правление был переиздан Кодекс для военных домов *Букэ сёхатто* 武家諸法度 (1683), куда была добавлена статья, предписывавшая обращение к представителям власти в случае конфликтов и жалоб от крестьян. При нём же, в 1686 г. пресекалась разнузданность гуляк, «щегольского сброда» *кабуки-моно* 歌舞伎者, смущавших покой столицы [14, том 3, стр.132].

Но, пожалуй, более всего внимания заслуживают усилия сёгуна по упрочению позиций конфуцианства. *Цунаёси* пытался внедрять конфуцианские принципы по всей стране посредством «досок объявлений», суливших воздаяние достойным в поведении [14, том 3, стр.132]. Центральное идеологическое учреждение,

опора Эдо-бакуфу — «Официальная академия» кангаку 官学 по «учению Чжу Си» (сюсигаку 朱子学, иначе именовавшегося «Сунским учением» сōгаку 宋学) — была основана ещё в 1630 г. при III сёгуне Иэмицу¹. При Цунайси в 1690 г. её переместили (хотя и в пределах Эдо) из Уэно 上野 в Юсима 湯島 (район Канда 神田). С этого времени, являясь «храмом Конфузия» Сэйдо 聖堂, она стала известна как Юсима-сэйдо 湯島聖堂.

Сёгун как сам слушал толкования знатоков конфуцианства, так и призывал к этому всё своё окружение. Уже в начале правления (1680) им был призван ХАЯСИ Нобуацу 林 信篤 (также известен и как ХАЯСИ

¹ Руководство учреждением тогда было вверено ХАЯСИ Радзан (впоследствии дело руководства этим академическим учреждением так и было связано с его потомками). Сама же Академия располагалась в районе Уэно в Эдо. Последующие (после времён Цунайси) преобразования данного ведомства связаны уже с реформами Кансэй, когда наряду с ней была создана официальная правительственная академия Сёхэйдзака Гакумондзё 昌平坂学問所 (часто именовалась просто Сёхэйко 昌平黌). Служила школой для вассалов сёгуна хатамото и гокэнин, равно как и для учёных-конфуцианцев. С приходом Мэйдзи-исин была сперва в 1868 переименована иероглифически (Сёхэйко, но последний иероглиф ко был изменён — 昌平校), а затем в 1870 вообще закрыта. См., напр.: [12, стр.1406-1407], а также [24, стр.288-342].

Хōкō 林 鳳岡, 1644—1732, внук ХАЯСИ Радзан¹), глава конфуцианской школы, для чтения трижды в месяц лекций по неоконфуцианству. Для освоения учения непосредственно при дворе сёгуна в 1682 г. был призван известный конфуцианец КИНОСИТА Дзюнъан 木下 順庵 (1621—98)². В новый год (1682) для *даймё* и чиновников провели занятие по китайскому канону Да сюэ 『大學』. Это стало ежегодной практикой двора сёгуна в день нового года. Пыл, рвение, тяга Цунаёси к классике дошла до того, что в 1690 он сам выступил с этой темой перед аудиторией, состоявшей из старейшин *родзю* и чинов *бакуфу*. Впоследствии он каждый месяц читал лекции по китайскому каноническому Четверокнижию *Сышу* 『四書』 перед *даймё*, *хатамото*, служителями буддизма и *синтō*, не говоря уж о гостях из Киото. Даже количество лично прочитанных

¹ [8, стр.304]. Я.Б.Радуль-Затуловский, ведя разговор о расцвете учения Чжу Си во времена Эдо, среди сёгунов на первом месте упоминает ТОКУГАВА Иэясу (выдвинувшего конфуцианца ХАЯСИ Радзан в целях распространения учения Чжу Си), а затем отмечает V, VIII сёгунов (Цунаёси и Ёсимунэ) и других как поощрявших процветание этого учения [Там же]. Таким образом, роль Цунаёси, по крайней мере, в данном аспекте, была очевидно положительной и выдающейся.

² Впоследствии (уже при следующем, VI сёгуне, Иэнобу) в определённой мере возвращением к идеям КИНОСИТА Дзюнъан, можно считать реформаторскую деятельность АРАИ Хакусэки, являвшегося его учеником [7, часть 1, стр.121].

сёгуном Цунаёси лекций поражает воображение. Он читал их с 1692 по 1700, шесть раз в месяц, а их общее число (как утверждал фаворит Цунаёси — ЯНАГИСАВА Ёсиясу) составило 244. [14, том 3, стр.132]

Посещая вассалов, сёгун стремился побывать на занятиях, проводившихся ими либо их вассалами. Его любимыми классическими сочинениями были «Великое учение» (Да сюэ 『大學』) и «Книга о сыновней почтительности» (Сяоцзин 『孝經』). [14, том 3, стр.132]

Но при всей тяге Цунаёси к классическому учению не следует воспринимать его как одержимого наукой. Он питал интерес и к литературе, и к изящным искусствам. Он приглашал в качестве наставников не только конфуцианцев, но и «людей искусства» — скажем, выдающегося поэта КИТАМУРА Кигин 北村 季吟 (1624—1705)¹, весьма сведущего в тайнах императорского двора и покровителя ведущих мастеров художественных школ Киото. Впрочем, резкие выпады со стороны Цунаёси порой имели место и в их отношении. Так, был сослан ХАНАБУСА Иттё 英 一蝶 (1652—1724), создавший сатирическое полотно на Цунаёси. [14, том 3, стр.132] При Цунаёси приглашали ко двору сёгуна и других известных поэтов, художников, учёных, нередко специально выделяя им

¹ У Дж.Сэнсома неверно указан год его рождения как 1618 [14, том 3, стр.132].

пожалования; некоторые из их публикаций тех дней удостаивались похвал ТОКУГАВА Мицуюки¹.

В целом, в годы *Гэнроку* (1688—1704, большая часть времён правления *Цунаёси* в качестве сёгуна — девиз годов правления, обычно воспринимаемый как поворотная точка в истории ТОКУГАВА) чётко наметилась совершенно новая для Японии тенденция. Раньше, до второй половины XVII века практически все нормы и обычаи определялись диктатом высших слоёв. Ни торговцы, ни ремесленники официально не признавались в качестве фигур, способных оказывать какое бы то ни было социальное либо литературно-художественное воздействие. Однако, с приходом *Гэнроку* — торговец стал приметной фигурой. Практически все литературно-художественные жанры вышли из-под жёсткого контроля двух-трёх именитых, изысканных мастеров и стали доступны многим, что предоставило громадные преимущества их свободному и оригинальному развитию. [по мотивам: **10**, стр.600-601].

В правление *Цунаёси* имели место и иные связанные с наукой новшества,. Так, после провала надежд на наблюдение в 1683 солнечного затмения из-за несовершенства календаря был введён новый. Сперва в 1684 на основе календаря династии *Мин* — *дайтō-рэки* 大統曆, а в 1685 *дзёкё-рэки* 貞享曆; и это после того как 822 года (с 861/2) в Японии пользовались календарём

¹ См. также: [**10**, стр.600].

сэммё-рэки 宣明曆, заимствованным из танского Китая. Заслуга в этом достижении (открытии) принадлежит астроному СИБУКАВА Сюнкай (Харуми) 渋川 春海 (1639—1715)¹. [по мотивам: 10, стр.599-600].

Политика «добрых намерений» и «поощрения добродетели»

Большое внимание Цунаёси уделял подбору достойных лиц (понимающих в «нуждах народа») для назначения на должности «представителей власти» дайкан 代官; в целях облегчения «тягот народа» призывал к проведению «режима экономии» в расходах как казны, так и князей даймё². Однако, уже в это время находят первое проявление некоторые качества Цунаёси, характеризующие его, по крайней мере, как слишком неординарную личность, способную к излишне резким действиям, в т.ч. и по пресечению нарушений дисциплины среди феодалов. Так, в самом начале правления в 1681 им было конфисковано у дома МАЦУДАЙРА княжество Такада³ за допущение семей-

¹ Известен и как ЯСУИ Сантэцу 安井 算哲 (так же звали его отца). Подробнее о нём см.: [12, стр.1361]. О других моментах, связанных с переходом на новый календарь и его особенностях см.: [1, стр.118-119].

² [5, стр.366].

³ Княжество Такада в Этиго 高田藩越後国 (ныне — в преф. Ниигата). Начиная с 6-го сына ТОКУГАВА Иэясу — МАЦУДАЙРА Тадатэру 松平 忠輝, вступившего во владение построенным замком в 1614, и до отмены княжеств в 1871, княжество Такада

ной распри в связи с вопросом наследования княжест-

существовало 257 лет. За исключением 4-х с лишним лет, когда княжество было конфисковано и управлялось *бакуфу* из-за смуты в *Этиго* (упоминаемой далее), в княжестве сменилось 8 домов-владельцев. Если это не были *камон* из дома ТОКУГАВА, то это были всё равно хотя бы *даймё* из *фудай*.

В 1624—81 гг. (после ряда предпринятых *бакуфу* перераспределений владений феодалов) принадлежало *Мицунага* 光長 из дома МАЦУДАЙРА *Этиго тюдзё* 松平越後中将家 (*тюдзё* — военный пост следующий после *тайсё* 大将). Доход княжества составлял 260 000 *коку* дохода. *Мицунага* был сыном *Таданао* 忠直 (старшего брата *Тадамаса* 忠昌). Управление в княжестве было вверено старейшине *каро* 家老 — ОГУРИМИ *Масака* 小栗美作. Были достигнуты успехи в разных сферах — серебряные копи, управление призамковым городом, обводнение, разработка новых полей. После случая с произошедшей в 1679 семейной распрей *о-из содо* 御家騒動 (смута в *Этиго* — *Этиго-содо* 越後騒動) в связи с вопросом о наследовании владения приёмным сыном (*ёсиси* 養嗣子), в 1681 *Мицунага* был подвергнут *кайэки* 改易 (лишение воинского достоинства с конфискацией всех владений, пожалований, усадеб; наказание более тяжёлое по сравнению с «домашним арестом» *тиккё* 蟄居, но явно более лёгкое, нежели самоубийство *эштуку*) и на 4 года 5 месяцев владение перешло к *бакуфу*. [16, том 9, стр.41-42; 22]

У Дж.Сэнсома название княжества интерпретировано как *Таката*. Одному из виновников тамошней распри (непокорному вассалу княжества) было приказано совершить *эштуку* [14, том 3, стр.131]. В довольно краткой форме информация об этом событии нашла отражение и у Фрэнка БРИНКЛИ (1841—1912) [10, стр.597].

ва приёмным сыном. Важен факт, что такое суровое наказание как лишение всех прав (*кайэки* 改易) было применено не просто к крупному *даймё* с доходом в 260 000 *коку*¹, а в отношении одного из «родственных домов» *камон* 家門 (ветви дома ТОКУГАВА).

Представляется, что *Цунаёси* сразу по вступлении в должность был полон благих намерений, весьма оптимистично пытаясь провести ряд преобразований, м.б., не глобальных, но соответствовавших, по его представлениям, требованиям времени. В 1682 издал предписание для своих «управляющих» *бугё* 奉行 и «наблюдателей» *мэцукэ* 目付 о необходимости предпринимать шаги (помимо обычной судебной практики) по поднятию уровня морали в народе. Характер рекомендованных им шагов состоял в мерах по экономии, регулированию расходов населения. Они включали запрещение проституции, найма подавальщиц в чайных и иной подобной практики. В 1683 — издал предписание управляющему в *Нагасаки* (*Нагасаки-бугё*) ограничить ввоз предметов роскоши и ввести пределы цен на золотое шитьё и вообще редкий и дорогой текстиль. Свидетельств успешности этих запретов мало, и логично предположить, что они лишь вели к распространению контрабанды. [14, том 3, стр.133]

¹ Дж.Сэнсом определяет доход княжества в 250 000 *коку* [14, том 3, стр.131], однако более достоверна информация, что когда княжество принадлежало *Мицунага*, он составлял 260 000 [22; 16, том 9, стр. 41].

К поощрению добродетели *Цунаёси* стремился всеми возможными способами. Так им был отдан наказ чиновникам — по всей стране искать лиц, особо примечательных своими проявлениями сыновней почтительности и женщин редкого целомудрия. По его распоряжению их оделяли денежным вознаграждением либо содержанием, учёным дома *ХАЯСИ* (глава школы *Чжу Си*) было велено составлять биографии получателей этих даров. Невозможно не признать, что ранние годы администрирования *Цунаёси* представляют одну из ярчайших страниц в истории *бакуфу*. [10, стр.598]

Хотя его политика в целом опиралась на добрые намерения, но нередко он доходил и до крайностей, как в жестокости, так и в сочувствии; в целом его следует воспринимать как личность эмоционально неуравновешенную. Под влиянием своей матери, производившей впечатление буквально одержимой религиозной манией, он потратил огромные средства на возведение и преумножение священных построек буддийской школы *Сингон-сю* 真言宗 (чтобы доставить удовольствие ей и её духовным наставникам). Его собственная страсть к учению возрастала год от года. Он прилагал усилия и побуждал других следовать добродетелям мудрецов конфуцианства и буддизма, самые достойные его деяния в этой сфере — издание указов о милосердии в целях защиты брошенных детей и занемогших путешественников [14, том 3, стр.133].

О характере II-го этапа правления (после 1684)

В целом, отмечая многие светлые стороны в администрировании *Цунаёси*, следует взглянуть и на другие, тёмные стороны в его политике, весьма явно проявившиеся после убийства *ХОТТА Масатоси* [10, стр. 601]. С переходом ко второму этапу (с 1684), когда фактическая власть оказывается в руках *ЯНАГИСАВА Ёсиясу*, в политике происходят существенные и во многом негативные изменения. В целом за время правления *Цунаёси* были конфискованы владения более чем двух десятков *даймё* и сотни мелких прямых вассалов *сёгуна хатамото*, общий доход которых достигал порядка 1 млн. 400 тыс. *коку* (исток чего можно возвести к вышеупомянутому случаю с конфискацией княжества *Такада* ещё в 1681). С целью показать непререкаемость власти, *сёгун* стремился поколебать влияние вассалов из *фудай*, обладавших правами на занятие ряда высоких постов в *бакуфу* (по сути — грубое нарушение духа заветов основателя дома *сёгунов, Иэясу*). Та же политика была ощутима и в отношении самых высоких аппаратных структур. Так, ряд реорганизаций привёл к ослаблению авторитета старейшин *рōдзю* при концентрации всех полномочий новым «секретарём *сёгуна*» *собаёнин* (подробнее об этой должности см. далее, в разделе, посвящённом новшествам административной и финансовой системы).

Собственно говоря, часто идёт речь о так называе-

мом «удалении *рōдзю*». На самом деле, конечно, это можно понять и просто как некоторое отстранение их от дел при аккумуляции власти в одних руках — у *собаёнин*. Но данное выражение подразумевало и некоторые реальные, чисто физические перемещения. Речь идёт и о действительно серьёзных процедурных изменениях. Ещё со времён *Иэясу* доброй традицией было проводить совещания старейшин *рōдзю* в зале, непосредственно прилегающем к помещению, где находился сёгун. Таким образом, он мог слышать каждое сказанное слово в любой дискуссии и постоянно полностью быть в курсе всех политических дел. Данный порядок после убийства *ХОТТА Масатоси* был изменён. Зал для совещаний был перенесён в отдаление, а там где эти совещания проводились раньше — разместили охрану. Для поддержания контактов между самим сёгуном и *рōдзю* были учреждены новые должности. Нововведение номинально было предложено как проявление заботы о безопасности сёгуна, но совершенно объективным результатом этого оказалось явное сужение источников информации для сёгуна так, что он оказался поставлен в прямую зависимость от вновь назначенных чиновников. Таким образом, можно рассматривать этот шаг, эти меры как вариацию на тему типа дурных замыслов *САКАИ Тадакиё*¹, возможно, некогда намеревавшегося прибрать к рукам всю полноту власти сёгуна [10, стр.601].

¹ О нём см. прим. 5, 7.

Упадок духа воинов

К числу слабостей *Цунаёси* и достижений, где он выделялся, относится театр *Нō*. Были приняты на службу ряд искусных актёров *Нō*, с ними обращались как с наследственными вассалами, выделив им место рядом с Павлониевой палатой. Невзирая на происхождение, к ним относились как к представителям воинского сословия. Изысканность их поз во время представлений стала образцом для *даймё* при дворе *бакуфу*, вместо простоты и безыскусности поведения «воинов» в моду вошли изыски и показная вычурность. Любимые в замке *Эдо* зрелища *фурю* 風流 приводят к появлению блистательного «танца *Гэнроку*». Столь же популярными становятся и *дзёрури* 浄瑠璃. *Сямисэн* 三味線, считавшийся до тех пор грубым, народным инструментом (никогда не одобрявшийся ранее аристократическими кругами) — вошёл в моду среди женщин всех слоёв населения (от высших до низших), а *дзёрури* стало считаться более важным, чем любое образование (*domestic education*). [10, стр.605-606]

Такой всплеск интереса к эмоциональной стороне человеческой природы не мог не подорвать стоицизма воинского сословия и морали общества в целом. Занятия воинскими искусствами вышли из моды. Воин теперь стремился иметь не просто роскошно декорированный меч, но ещё и соответствовавший моде. Ради элегантности готовы были пожертвовать всем, даже боевыми качествами того, что так часто было принято воспринимать как «душу воина». Вообще, годы *Гэнроку*

запечатлелись в памяти потомков как времена роскоши и расточительности, когда расцвели литература и искусство разных жанров (театральные пьесы, песни, стихи, *дзёрури* и др.), о чём уже говорилось выше. Идеалы времени предполагали, во имя элегантности, принесение в жертву даже благородства и достоинства. Продвижение по служебной лестнице могло быть обусловлено как грациозностью танца, так и состраданием к собакам (ибо таковы уж были слабости сёгуна). Многие из воинов так и не научились ездить верхом — испрашивая разрешение на пользование паланкином. Строгие, суровые и жестокие правила прежних дней приходили в забвение. Уличными паланкинами (*мати-каго* 町駕籠 либо *юдзи-каго* 辻駕籠) начинают пользоваться все, кто мог позволить себе эту роскошь. Традиционный порядок приоритетов и ценностей был пересмотрен: вместо овладения воинскими искусствами первоочередное внимание обращается на совершенство и достоинства благовоспитанности [10, стр.606].

Конечно, нельзя говорить о полном забвении «духа воинов». Первая попытка зафиксировать идеи *бусидо* в письменной форме была предпринята известным конфуцианцем ЯМАГА Сокō 山鹿素行 (1622—85)¹ как раз в эти времена (благодаря чему он стал известен как первый теоретик *бусидо*). Уместно заметить, что в

¹ Подробности биографии см., напр.: [12, стр.1726].

княжестве *Ако* 赤穂, с которым связана известнейшая история тех лет об истинной преданности господину 47-ми верных вассалов, наставником военного дела был именно он [10, стр.607-608]. Так что, при общей тенденции упадка влияния воинского сословия, в некоторых абстрагированных аспектах имели место и противоположные тенденции.

Фаворит Цунаёси

То, что *Цунаёси* всегда находился под влиянием фаворита — *ЯНАГИСАВА Ёсиясу* 柳沢 吉保, не слишком подкреплено доказательствами. Ёсиясу был сыном незначительного чиновника *бакуфу*, и, как одарённый молодой человек, был взят на службу *Цунаёси* сразу по приходу к власти в 1680, заняв небольшой пост при сёгуне и ежегодное жалованье в 300 *коку*. Ёсиясу продвигали, и спустя несколько лет назначили «секретарём» *собаёнин* с доходом в 10 000 *коку*, как сказано у Дж.Сэнсома [14, том 3, стр. 133] (в действительности — 12 000 *коку* [22]). Он стал близок к *Цунаёси* и его матери, нередко удостоивался встреч с ними, быстро рос в рангах и получал новые почести, пожалования [14, том 3, стр.133].

С получением владения в *Кавагоэ* 川越 в 1694 его доход возрос почти до 100 000 *коку*, как говорит Ф.Бринкли [10, стр.601] (на самом деле — 72 030 *коку* [22]). Если сперва имя *ЯНАГИСАВА* было *Ясуакира* 保明, то *Цунаёси*, даровав ему иероглиф своего имени, стал звать его Ёсиясу 吉保, впоследствии же, в

1701, даже пожаловал фамилию МАЦУДАЙРА, присовокупив к тому в 1704 владение в *Kai* с доходом в 150 000 *коку*. Значимость этого дара становится ясна, если учесть стратегическую важность *Kai*. Это владение всегда резервировалось для представителей дома *Токугава* и выделение его человеку со стороны подразумевало принятие последнего в круг *Токугава*¹.

¹ В действительности, если говорить о деталях, служебная карьера и доходы ЯНАГИСАВА Ёсиясу 柳沢 吉保 (1658—1714) — некогда сына одного из рядовых вассалов будущего сёгуна Цунаёси — были таковы.

Он начал служить Цунаёси в ещё 1675 в качестве пажа *косё* 小姓, по занятии тем поста сёгуна в 1680 стал *конандо* 小納戸, 1685 — *Дэва-но ками* 出羽守. С 1688 ^{назначен} «секретарём» *собаёнин* 側用人 при особе сёгуна и *даймё* с доходом в 12 000 *коку* с лишним, в 1690 — по повышении ранга получает ещё 20 000 *коку* дохода, в 1694 (став *даймё*, хозяином замка *дзёсю* 城主 в *Кавагоэ* 川越 в земле *Мусаси* 武蔵国 [ныне — в преф. *Саитама* 埼玉県] с доходом в 72 030 *коку* риса) приобретает статус равный старейшине *родзю* 老中格, в 1698 — высший ранг (?) среди *родзю* — *Сакон э-ногон-но сёсё* 左近衛権少将, с 1701 получает почётное право называться фамилией МАЦУДАЙРА 松平 (исконная фамилия дома ТОКУГАВА), в 1704 — пожалование в *Kai* 甲斐 в 150 000 *коку* с лишним, замок в *Кофу* 甲府, с 1706 (по некоторым данным, с 1698 [19, стр.982; 22]) — получает статус равный «главному старейшине» *тайро* 大老格, став главным среди старейшин *родзю* (*родзю-камидза* 老中上座), с 1709 со смертью Цунаёси — оказывается не у дел [22]. Подробнее см.: [16, том 14, стр.86-87; 20, стр.1144 left, №108; стр.1590; 19, стр.982 left; 12, стр.1738; 17; 22].

Головокружительное продвижение в рангах и доходах показывает сколь всецело сёгун подпал под влияние фаворита, продемонстрировавшего блестящие умения взывать одновременно как к страстям, так и к интеллекту господина. В итоге управление всецело оказалось в его руках. После убийства ХОТТА Масатоси в 1684 верховных старейшин *тайрō* не назначалось, совет старейшин *рōдзю* обратился в подобие эха воли Ёсиясу, практически всеми делами *бакуфу* заправлял он один [10, стр.601-602].

Известны голословные утверждения, что Ёсиясу был сводником, поставляя хорошеньких девушек и молодых людей, актёров театра *Нō* 能 для сёгуна (они могут быть и правдой). Как компаньон, он был весьма близок к сёгуну. Но как Ёсиясу не мог сам определять политическую линию, так и Цунаёси не был готов следовать воле своего подчинённого. Щедрость и расточительность Цунаёси в отношении Ёсиясу была частью его возможно болезненного психического состояния (мании), при этом его «приближённый» Ёсиясу явно не был просто льстецом. Он до удивительного действительно разделял литературные вкусы Цунаёси, его интерес к классическому образованию и даже его религиозные склонности. [14, том 3, стр.133] Дружба

Похоже, что есть версия о начале его возвышения благодаря сближению сравнительно молодого Цунаёси с супругой ЯНАГИСАВА, хотя, упоминая об этом факте, В.Я.Костылев приводит несколько неточное написание фамилии — «Яна-зава» [5, стр.366].

с сёгуном для этого слышавшего наиболее коррумпированным чиновника вела своё происхождение как раз от общности литературных вкусов. *Цунаёси* читал лекции по канону «Учение о середине» (Чжун юн, яп. Тьōē 『中庸』), а *Ёсиясу* — по *Лунь юй* (яп. Ронго 『論語』) Конфуция. После учёных занятий они вместе смотрели пьесу *Саругаку* 猿樂, либо предавались иному лёгкому развлечению. Сёгун считался женоненавистником, но *Ёсиясу* хорошо понимал, что человек изначально отвергавший женщин, быстро станет рабом лёгких развлечений с ними, когда необоснованное предубеждение будет преодолено. *Ёсиясу* взял на себя задачу привить сёгуну любовь к такому времяпрепровождению, и характер их встреч (до той поры — лишь для лекций) резко изменился [10, стр.601-602].

«Собачий сёгун» — у всех ли сёгунов были прозвища?

Лишь в редчайших случаях людская молва закрепила прозвища за сёгунами. Если VIII-й «рисовый сёгун» *Ёсимунэ* заслужил такое благодаря своим усилиям и достижениям в борьбе за прирост производительности в сельском хозяйстве, то рассматриваемый персонаж более всего поразил воображение современников небывалой заботой об избавлении «живых существ» (и, прежде всего — собак, в ряду прочих животных) от всевозможных опасностей и тягот жизни.

Единственный сын *Цунаёси* умер в детстве, а другого ему так никто и не родил, посему он пригласил

буддийского монаха помолиться о наследнике для сёгуна. Может показаться необычным, что ревностный поборник конфуцианской доктрины должен прибегать к помощи буддизма в таком деле. Но здесь различимо и влияние Ёсиясу [10, стр.602].

Монах школы Сингон (Рюкō 隆光¹, 1649—1724) высказал предположение, что у Цунаёси нет наследников мужеска пола из-за того, что он забрал чью-то жизнь в прежнем своём существовании (воплощении, предыдущей жизни) — поэтому он (а может его мать) решили, что он должен посвятить себя защите живых существ. Поскольку он родился в год Собаки, его наставники сказали, что он должен уделить особое внимание благополучию этих существ. [10, стр.602] Согласно предложениям Рюкō в Эдо были выстроены два крупных храма (Гококу-дзи 護国寺 и Годзи-ин 護持院), в первом из них Рюкō был назначен настоятелем [10, стр.602].

В 1687 указы о защите живых созданий (Сёруй аварэми-но рэй 生類憐の令), и в особенности — собак, выходили день за днём, приводя в уныние граждан. Несомненно, что множество диких и голодных бродячих псов, заполнявших грязью и смрадом улицы городов, вызывали желание избавиться от них. Но для человека в здравом уме покажется явно чрезмерным из сострадания требовать прохождения учёбы, если

¹ [10, стр.602]

причинил боль собаке. Нелепо и настаивать на том, чтобы к собакам обращались почтительно, употребляя обращение типа «господин/госпожа» Собака (*О-ину-сама*) [14, том 3, стр.134].

Был выпущен указ, запрещающий убийство собак и отнятие жизни в любой форме, результатом чего явилось невиданное умножение числа диких животных, наносивших великий ущерб посевам. Далее, *бакуфу* было издано уточнение, как поступать в тех случаях, когда дикие животные наносили ущерб и опустошение — надлежало отгонять их шумом либо даже холостыми выстрелами, обеспечив принесение клятвы, что они не будут убиты. Если эти средства оказывались несостоятельными, следовало обращаться за инструкциями к судебным властям. Более того, если жизнь была отнята у какого-либо животного в соответствии с надлежащей санкцией, труп следовало предать погребению, не отделяя никаких частей тела либо шкуры. Нарушения этого указа были жестоко наказуемы, было предписано ведение специального реестра, где были бы зарегистрированы все собаки, имеющиеся у людей. В случае исчезновения зарегистрированной собаки проводилось серьёзное расследование, чиновников строго предупреждали о недопустимости подмены одного животного другим. Чужих, посторонних собак следовало хорошо кормить и о любом лице, пренебрёгшем этой обязанностью, надлежало докладывать властям [10, стр.602].

Сперва к указам не отнеслись с достаточной серьёзностью. Но после того, как за убийство собак

начали ссылать на остров *Хатидзэ̄-дзима* 八丈島, публичных порицаний за то, что бездомным животным не было предложено еды; приговоров к тюремному заключению в отношении чиновников верховного суда (за отсутствие мер по предотвращению драк между собаками) — люди начали ощущать, что сёгун воистину неумолим и безжалостен [10, стр.602].

Муниципальные власти были бессильны и неспособны разрешить проблему. Тогда, по прошествии времени, в 1695 решили удалить предмет беспокойства на расстояние. В окрестностях городов были отстроены приюты, где, говорят, в течение последующих двух лет содержалось, по крайней мере, 50 000 псов на довольствии в виде риса и сушёной рыбы (все расходы были возложены на налогоплательщиков) [14, том 3, стр.134]. В *Накано* 中野 (пригород *Эдо*) была выстроена гигантская псарня в качестве приюта для бездомных псов. Она занимала площадь порядка 55 гектаров (138 акров*0,4 га = 55,2 гектара), была оборудована для приёма тысячи псов и находилась под управлением специально назначенных чиновников. Люди же должны были вносить пожертвования в фонды для собак; бытовали высказывания, мол, дневного рациона собаки хватит для человека на полтора дня [10, стр.602].

Цунаёси прозвали «собачьим сёгуном» (*Ину-кубō* 犬公方), но все эти действия так и не привели к рождению у него сына. Хотя, этот провал так и не умерил его веры в предрассудки. Торжественные храмовые церемонии проводились вновь и вновь с

постоянной помпой и по любому случаю, воздвигался храм за храмом либо был одариваем несметными подношениями, а законы о защите животных продолжали всё более рьяно проводиться в жизнь. В указы были внесены птицы и даже моллюски, но не только это ограничивало народ в пище, по милости зверья да птиц гибло и зерно урожаяв. Источники свидетельствуют, что некий крестьянин был сослан за брошенный в голубя камень, другой человек был казнён за ловлю рыбы на лесу с крючком, ещё одного постигла та же участь за нанесение раны собаке (голова преступника была выставлена на публичное обозрение на месте казни в то время как сосед, давший знать о проступке — получил вознаграждение в 30 *рѐ* золотом). Можно прочесть о чиновниках, приговорённых к ссылке за шпоры лошади либо плохой корм. Документы приводят курьёзную историю, связанную с этими перегибами в области права. *Даймѐ* ТОКУГАВА из *Мито* 水戸, известный в истории как *Кōмон Мицукуни* 黄門光圀 (1628—1700), получив свидетельства о зверской жестокости, с которой проводились в жизнь законы о защите животных, собрал множество людей и организовал большую охоту. Среди убитых животных было отобрано 20 крупных собак внушительных размеров, с них были содраны шкуры и упакованы для пересылки *ЯНАГИСАВА Ёсиясу*, которого народ считал виновным в исступлении сѐгуна¹. Гонцам, коим ввери-

¹ Несколько иная версия данного события в упрощенном изложе-

ли посылку, было отдано указание двигаться как можно быстрее. По прибытии в Эдо — отправиться к резиденции ЯНАГИСАВА, где вручить шкуры с письменным заявлением, мол, князь *Mito*, обнаружив, что сии предметы полезны в холодное время года, воспользовался возможностью передать свой опыт вместе с посылкой готовых шкур для сёгуна через Ёсиясу. Говорят, что у получателя этого полного сарказма дара, закрались подозрения по поводу вменяемости князя *Mito*, и им был снаряжен специальный посланник, дабы выяснить, как у того обстоят дела [10, стр.602-603].

Несмотря на очевидную ущербность *Цунаёси* и страдания, коим он подверг горожан Эдо, народ по большому счёту всё же не понёс существенного урона от его сумасбродного, эксцентричного стиля ведения дел. Он время от времени докучал тем, что лез не в своё дело, но основные его интересы были связаны скорее с литературой и искусством. Ему нравилось устраивать представления театра *Нō* в своей резиденции, брать себе главные роли. В конце его правления в политике было мало интересных для фиксации событий, вероятно ввиду того, что ответственные чиновники выполняли возложенные на них функции компетентно и скромно (в ненавязчивой манере). Единственным шокирующим событием политического характера была вышеназванная история 47-ми *ронин* 浪人, потребовав-

нии приводится в: [11, стр.108].

шая от *бакуфу* немало сил [14, том 3, стр.134; см. также: 10, стр.606-607].

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА: ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Для начала уместно кратко определить наиболее значимое событие в этой сфере. Это была осуществлённая в 1695 своего рода «реорганизация» денежной системы (а, м.б. уместнее сказать, «порча» монеты¹, фальсификационные игры с содержанием драгоценных металлов в деньгах), проведённая в отношении золота и серебра, находящихся в обращении. АРАИ Хакусэки, прилагавший усилия к проведению реформы системы

¹ Ситуация известная и нередкая в истории мировой экономики (связана с такими терминами как «фальсификация монет = coinage debasement», «металлические деньги = coinage») [9, стр.84]. Как правило, связан с этим явлением и так называемый «закон Грэшема» (Gresham's Law), сформулированный ещё английским финансистом и государственным деятелем сэром Томасом Грэшемом (1519—79): «Плохие деньги вытесняют хорошие» («Bad money drives out good»). По этому закону, при обесценивании или фальсификации денег, когда имеет место одновременное обращение двух видов платёжных средств с различной истинной относительной стоимостью (определённой рыночными силами) при отличии от официально установленной стоимости — тогда деньги с более высокой истинной стоимостью изымаются из оборота и служат для накопления богатства, сокровищ. Ситуация может возникать и вне обесценивания либо фальсификации при наличии в обращении золотой и серебряной монеты, когда их официально установленная стоимость не соответствует относительной рыночной стоимости этих металлов [9, стр.210, 37].

обращения и сокращению расходов позже, в 1709, писал в своих воспоминаниях, что «реорганизация» 1695 дала *бакуфу* доход в 5 млн. *рѳ* 兩 золотом». Это принесло реальный доход казне *бакуфу* и представлялось, что не оказало явного негативного воздействия на экономику. То, что «дурное управление» *Цунаёси* не смогло нанести серьёзного ущерба стране — очевидно из такого вполне достаточного свидетельства как процветание и города, и деревни во времена *Гэнроку* (1688-1704). Значительные средства, накопленные первыми тремя поколениями сёгунов, ещё не были абсолютно растрочены, торговля процветала, и имелись фонды, из которых можно было бы вкладывать деньги в развитие сельского хозяйства, иные производительные отрасли [14, том 3, стр.134]. Экономика ещё была на подъёме, хотя её движение и замедлялось, а финансовое положение правительства не было благоприятным [14, том 3, стр.134-135]. Место данного периода в истории эволюции финансов *бакуфу*, детали процессов, связанных с реорганизацией финансовой сферы, освещаются ниже.

Об изменениях финансовой ситуации в первую половину эпохи Эдо

Как последствие насквозь коррумпированной системы управления, постоянного строительства храмов и избытка дорогостоящих церемониалов, правительство сёгуна *Цунаёси* обнаружило, что оно серьёзно стеснено в средствах. I-й сёгун *Иэясу* всегда следовал скромности и экономии как своим главным принципам. Ему удалось избежать громадных расходов, к которым прину-

дили других *даймё* в связи с кампанией в Корее, поскольку его доля участия в этом деле не простиралась далее набора войск в провинции *Хидзэн* 肥前. Всю свою жизнь он с неослабным вниманием занимался накоплением резервного фонда, и, говорят, когда он отрёкся от поста сёгуна в пользу сына *Хидэтада*, он оставил казну в 150 000 золотых монет *обан* 大判 (полтора миллиона *рё* золотом) и около 62 тонн серебра (2 млн. тройских унций*31,1 грамма=62,2 тонн). Впоследствии,

大判 (慶長)

уже после своего отречения, пребывая в *Сумпу* 駿府, он сумел накопить ещё 1 млн. *рё* золотом. Таким же экономным и бережливым был и II сёгун, хотя он и вынужден был тратить громадные суммы в связи с усилиями устроить отношения дочери (*consort*) с императором, ремонтными работами в замке *Эдо*, несколькими визитами в императорскую столицу Киото. В связи с этими поездками, говорят, *Хидэтада* пришлось собрать среди *даймё* всей страны в общей сложности 4 млн. 217 тыс. 400 *рё* золотом, 182 000 *рё* серебром. III сёгун *Иэмицу* был щедр и более расточителен. Он часто предоставлял дотации по 5 000 *каммэ* серебром горожанам Киото и *Эдо*; дважды перестраивал внутреннюю часть замка *Эдо*; построил громадное военное судно; с необычайной помпой принимал корейских посланников; понёс затраты в 400 000 *рё* в связи с восстанием в *Симабара*; внёс 1 млн. *рё* на

сооружение и украшение усыпальницы Иэясу в Никкō 日光. Тем не менее, в целом к Иэмицу следует относиться как к экономному правителю [10, стр.603].

Что же до его преемника, IV-го сёгуна Иэцуна, то тому пришлось столкнуться с несколькими случаями пагубных бедствий. После большого пожара в Эдо он пожертвовал 160 000 рё на вспомоществование пострадавшим, перестроил замок Эдо, дважды переоборудовал императорский дворец в Киото. В годы Эмио 延宝 (1673—81) страна многократно страдала от голода, что привело к снижению налоговых сборов и необходимости принятия серьёзных мер по оказанию помощи населению. В этих обстоятельствах предлагалось проведение перечековки золотой монеты (со снижением содержания в ней золота, «порчи» монеты), но эта идея провалилась, не получив официального одобрения. Можно упомянуть, что в 1659 казна была абсолютно опустошена и золотая монета, имевшаяся в ней, была переплавлена. Из этих слитков было отчеканено некоторое количество золотых монет, не предназначенных для обычного обращения с выбитыми на них словами: «Использовать только в случае крайней государственной необходимости». Утверждается, что этот резерв металла составлял 160 000 рё. Реестры показывают, что когда V сёгун Цунаёси пришёл к власти — в казне было 3 млн. 850 тыс. рё золотом. Но эта громаднейшая сумма не смогла сохраниться долгое время при расточительности Цунаёси [10, стр.603-604].

«Порча монеты» как специфика методов воздействия на финансовую сферу при Цунаёси

С 1684, после убийства ХОТТА Масатоси, административная власть полностью попадает в руки ЯНАГИСАВА Есиясу, и пример его поведения вскоре находит подражателей среди всех слоёв населения. Так, примером нелепого роскошествования было оборачивание мягкой стёганой тканью древесины (при транспортировке из леса в город), предназначенной для ремонтных работ в замке Эдо. Казна опустела настолько, что сёгуну пришлось отказаться от ремонта усыпальницы сёгунов в Никкō (и связанной с этим максимум 10-дневной поездки) после заявления служащих казначейства о невозможности изыскать необходимые фонды. Предполагалась сумма порядка 100 000 рё — факт, достаточный для представления о степени расточительности Цунаёси, проявлявшейся во всём, касавшемся дел правительства [10, стр.604].

Непосредственным следствием этого инцидента явился сбор совета для обсуждения положения с финансами и, по зрелом размышлении, предложение главы казначейства — кандзё-бугё ОГИВАРА Сигэхидэ 荻原 重秀 (1658—1713) — было принято. Оно состояло в перечеканке, «порче» всей монеты: золота, серебра и меди. Прежние деньги, известные как «монета годов Кэйтё» по наименованию девиза годов правления (1596—1615) времён их чеканки — сменили «монеты годов Гэнроку» (1688—1704), причём с соответствующими последствиями: вздорожанием

предметов потребления и массовым изготовлением фальшивой монеты. Вскоре правительство обложило налогом 27 200 производителей *сакэ* в районе *Канто*, но в 1703 потребовались новые уловки для покрытия издержек в связи с ущербом от страшного землетрясения и пожаров, уничтоживших большую часть замка *Эдо* и резиденций *даймё*. Прибегли к очередной «порче» монеты и за новыми деньгами закрепилось наименование монет годов *Хōэй* 宝永, опять же в связи с девизом годов, когда они были отчеканены [10, стр.604].

Примерно в это время ряд феодалов стал ощущать столь острую стеснённость в средствах, что в их владениях был начат выпуск бумажных денег. Последовал запретительный вердикт *бакуфу*, но тогда *даймё* вспомнили о возможности обложения принудительными займами преуспевавших торговцев *Осака*. Фальшивомонетничество же стало столь распространено, что с 1688 по 1715 за это был распят, по крайней мере, 541 человек (и это лишь в землях под прямым контролем *бакуфу*). Князю *Саума* 薩摩 приписывают справедливое замечание, что жертвами злого рока эти люди пали только по причине низкого социального статуса, а уж никак не за преступление против закона. Настоящими фальшивомонетчиками были «власть предержажий» *ЯНАГИСАВА* и казначей *ОГИВАРА*, постоянно занятые выпуском в обращение порченной монеты [10, стр.604].

В отношении финансистов этих времён следует признать, что сложности усугублялись обилием стихий-

ных бедствий. Ситуация с финансами стала было несколько лучше к концу 1703, но на Эдо обрушилось землетрясение, уничтожившее большую часть города и унёсшее множество жизней. В сельской местности люди гибли от волн, нахлынувших на побережье вдоль дороги *Токайдō*. Несколько дней спустя после землетрясения в Эдо подобно смерчу распространился пожар, вспыхнувший в резиденции *Мито* в районе *Ёцуя*, принеся очередные разрушения [14, том 3, стр.134-135]. За этим последовало дивившееся несколько дней извержение *Фудзи* в конце 1707, повлёкшее очередные землетрясения и пожары. В результате, в трёх провинциях (*Мусаси* 武蔵, *Сагами* 相模、相摸 и *Суруга* 駿河) большая часть прилегающих земель была погребена под трёхметровым слоем пепла; потребовалось три года и обременительные денежные затраты для возрождения этих обрабатываемых площадей. Только на удаление пепла было затрачено 400 000 *рѐ* золотом. Но последовало бедствие в Киото — огонь опустошил значительную часть города; продолжением ударов стихии в 1708 оказалась буря с потоками воды, уничтожившими урожай на плодородной равнине *Кинай*. С той поры состояние казны *бакуфу* из плохого стало переходить к ещё худшему. Вновь *ОГИВАРА Сигэхидэ* обратился к фальсификации монеты. На этот раз он занимался «подделкой» медной разменной монеты, но ввиду тяжеловесности и нечистоты сплава (*impurity*) в этих монетах, пришлось испытать большие трудности при вводе их в обращение. В конце

концов, финансисты *бакуфу* были вынуждены обратиться к резервному золоту казны для особых, непредвиденных обстоятельств. Несомненно, что внешняя торговля приносила материальную выгоду для решения финансовых затруднений, но этот предмет достоин отдельного рассмотрения [10, стр.604-605; 14, том 3, стр.135].

Иные новшества в организации административной и финансовой системы и отход от принципов назначения на должность в соответствии с происхождением
(изменения в принципах трактовки статусов)

Учитывая всю ситуацию с приходом *Цунаёси* к власти, он не кажется слишком связанным политическими установками прежней администрации [15, стр.32]. При нём с самого начала появляется новая должность — «старейшины по финансовым вопросам, делам» (*каттэ-гакари рōдзю* 勝手掛 老中). Строго говоря, *каттэ* означает «кухня»; в широком, переносном смысле слова, это относится ко всем практическим финансовым делам. Обычно старейшин *рōдзю* было четверо, и прежде они вчетвером ведали политическими делами *бакуфу* по совместному рассмотрению и обсуждению. *Цунаёси* полагал, что управление финансами, ведение всех финансовых дел строится на долгосрочных расчётах (на суждениях, требующих реализации на протяжении достаточно длительного периода; *long-term considerations*). Соответственно, чиновник должен нести (принимать на себя) всю полноту ответственности за решения. Исходя из этого, сёгун устано-

вил новый пост *каттэ-гакари рōдзю̄* и возложил на облечённого этими обязанностями (на держателя этого поста) всю полноту ответственности за экономические и финансовые дела. Эти обязанности были вверены ХОТТА Масатоси, прежде оказавшему содействие в назначении Цунаёси на пост сёгуна. Но в 1684 ХОТТА был убит в замке одним из «молодых старейшин» *вакадосиёри* по имени ИНАБА Масаясу 稲葉 正休 (1640—84). Тогда эти обязанности передаются ставшему вскоре всемогущим держателю «новоявленной» должности — «секретарю» *собаёнин* 側用人. Вообще, *собаёнин* — это своего рода вариант личной свиты, приближённого, камердинера, спутника, личного слуги *собасю̄* 側衆, принимавшего на себя заботы по личным нуждам сёгуна (служившие в качестве его доверенных лиц, наперсников). У *собасю̄* не было никаких полномочий на ведение дел, имеющих отношение к политике (на политические материи; *to deal with political matters*). Находившийся при особе сёгуна, «рядом», «бок о бок» — служил посланцем, передававшим политические воззрения сёгуна старейшинам *рōдзю̄* и приносившим доклады старейшин сёгуну [15].

После смерти ХОТТА служили в качестве *собаёнин* и вели дела для Цунаёси — МАКИНО Нарисада 牧野 成貞 (1634—1712)¹, а затем — ЯНАГИСАВА Ёсиясу. Отец ЯНАГИСАВА, как уже говорилось, был мелким финансо-

¹ Подробнее см., напр.: [20, стр.1068 left, №054].

вым служащим, служившим *Цунаёси* ещё во времена, когда тот был *даймё Татэбаяси* 館林 в провинции *Кодзукэ* 上野. По родословной — его предки совершенно не подходили для занятия высокого положения, но личные связи с сёгуном позволили преодолеть невозможное [15].

Порядок дел, когда человек явно несоответственного происхождения (как *ЯНАГИСАВА*, без соответственной родословной, пользовался бы полным и абсолютным доверием сёгуна — называется *собаёнин-сэйдзи* 側用人政治, либо «политикой *собаёнин*», правлением «секретаря» сёгуна, управлением «государственного секретаря». Для этого требовалась власть достаточная для превосходства над старейшинами *родзю* и младшими старейшинами *вакадосиёри* — власть, позволявшая вести, руководить ведением абсолютно любых политических дел. Эта схема управления продолжала сохраняться на протяжении кратковременных периодов правления VI и VII сёгунов, *Иэнобу* и *Иэцугу*, когда в качестве влиятельных приближённых служили *МАНАБЭ Акифуса* 間部 詮房 (1666—1720) и *АРАИ Хакусэки* 新井 白石 (1657—1725). Во время правления VIII сёгуна *Ёсимунэ* в этом качестве выступали *АРИМА Удзинори* 有馬 氏倫 (1668—1735) и *КАНО Хисамити* 加納 久通 (1673—1748)¹. При их наследниках — IX и

¹ В отношении политики такого рода при *Ёсимунэ*, в начале периода *Кёхо*, порой употребляется и другой термин «*гоё-*

Х сёгунах, *Иэсигэ* и *Иэхару* — это были *О́ОКА Тадамицу* 大岡 忠光 (1709—60) и *ТАНУМА Окицугу* 田沼 意次 (1719—88). Если затрагивать вопрос о их происхождении, то *МАНАБЭ* был ранее актёром *Нō*, *АРАИ* — учёным-конфуцианцем. *АРИМА* и *КАНŌ* — вассалами *Ёсимунэ* ещё в бытность того *даймё* в *Кисю* 紀州. *О́ОКА Тадамицу* происходил из ветви вассалов-ленников дома *О́ОКА*, а *ТАНУМА* — был сыном пешего воина *асигару* 足輕 из *Кисю* 紀州 [15]. Действительно, для одного поста — невероятное разнообразие социальных статусов (имевших в эпоху *Эдо* чрезвычайно большое значение).

Чиновники казначейства (*кандзэ-бугё* 勘定奉行), реально (фактически) управлявшие финансами *бакуфу* под руководством старейшин *рōдзю*, *каттэ-гакари рōдзю* и «секретарей» сёгуна *собаёнин* — были управляющими финансами (суперинтендантами = *superintendents of finance*, *кандзэ-бугё* 勘定奉行). На эти должности обычно назначали четверых чиновников из прямых вассалов *хатамото* с годовым жалованьем порядка 3 тыс. *коку*. Существовало 5 200 домов *хатамото*, но лишь 250 имели пожалования в 3 тыс. *коку* или более. Таким образом, управляющие финанса-

торицуги сэйдзи 「御用取次政治」, т.е. «политика официальных посредников, [представителей правительства]» [23, стр.75-124]. Порой называют их и «теневыми влиятельными фигурами» 陰の実力者御用取次 [21, стр188].

ми избирались из сравнительно узкого круга, соответственно вероятность, что должность займут способные люди, была достаточно низкой. Поскольку *каттэ-гакари рōдзю* служили главными управляющими финансов — значительных практических способностей от них и не ожидали. Но для понимания мелочей и деталей в своём деле — им надлежало быть хорошо сведущими в экономике и расчётах. Поскольку лишь 5% *хатамото* могли служить в этом качестве — нехватка квалифицированных лиц для занятия этого поста была очевидна и неизбежна [15].

Цунаёси разрешил проблему утверждением, что для занятия поста управляющего финансами *кандзэ-бугэ* решающим фактором должны быть способности, а не происхождение. Первым человеком, появившимся в качестве *кандзэ-бугэ* в соответствии с этой руководящей линией, оказался *ОГИВАРА Сигэхидэ*. Он, при взаимодействии с *ЯНАГИСАВА*, управлял финансами *бакуфу* на протяжении периода *Гэнроку*. С родовым пожалованием порядка 100 *коку*, он пришёл из низших рангов 5 200 фамилий *хатамото*. **ОГИВАРА** был первым из трёх великих *кандзэ-бугэ* эпохи *ТОКУГАВА*. Его политика в сфере денежного обращения, особенно перечеканка монеты, считается зарождением современной денежной политики в Японии. Вторым наиболее великим *кандзэ-бугэ* был *КАНЬО*

Харухидэ 神尾 春央 (1687—1753)¹, заведовавший финансовыми делами *бакуфу* во вторую половину правления Ёсимунэ. Именно ему приписывается высокомерное утверждение, мол, «Что крестьяне, что кунжутное семя — сколько нажмёшь, столько масла и выжмешь» 「百姓と菜種なたねは搾しぼるほど油が出る」². Он, таким образом, символизирует, представляет образ *кандзё-бугё* как безжалостного эксплуататора, на самом деле являясь крайне способным финансистом, сделавшим очень много для укрепления финансов *бакуфу*. Третий *кандзё-бугё*, чрезвычайно много внёсший в финансовое оживление *бакуфу* — это МАЦУМОТО Хидэмоти 松本 秀持 (1730—97)³. Будучи помощником ТАНУМА Окицузу 田沼 意次 (1719—88), в числе других важных мероприятий, он провёл обследование Хоккайдō. КАНЬО и МАЦУМОТО происходили из семей даже

¹ Подробнее см.: [16, том 3, стр.775; 22, 神尾若狭守増徴反対一揆]. В английском переводе статьи ОИСИ *Синдзабурō* неверно переданы как фамилия, так и имя при отсутствии иероглифики — человек по имени КАМИО Харунака нигде в серьёзных изданиях не упоминается, в то же время известнейший казначей КАНЬО Харухидэ упоминаем как в японоязычных работах того же автора [18, стр.44], так и в других справочных изданиях (см. выше).

² Выражение приводится и на русском языке, скажем, в работе Я.Б.Радуль-Затуловского [8, стр.256], однако, автор высказывания не назван.

³ Подробнее см.: [16, том 13, стр.171с].

более низких по статусу, чем это было в случае с ОГИВАРА — из семей *гокэнин* 御家人, т.е. низшей категории ленных вассалов сёгуна [15].

Между основанием Эдо-бакуфу и зенитом, лучшей порой правления Цунаёси минуло около сотни лет. Экономика, развивавшаяся феноменальными темпами в течение этого столетия, более или менее достигает апогея в своём росте. Значительные финансовые ресурсы бакуфу были порядком истощены, и режим вступал во времена, когда бюджетный дефицит являлся зна́ком эпохи. Бакуфу более не могло позволить себе свободно тратить деньги на любую цель, казавшуюся достойной — надлежало тщательно взвешивать, соразмеряя расходы с доходами. Следовательно, уже не мог удовлетворять подбор финансовых служащих и далее только по благородству их происхождения. Было необходимо искать шире и набирать людей способных, поэтому политика Цунаёси, состоявшая в найме людей для финансовой деятельности согласно их способностям — отвечала сложившейся ситуации [15].

Бакуфу со времён начала династии набирало на работу «следственных служащих», наблюдающих за поддержанием порядка (*investigative officials*), таких как «старшие наблюдающие» *ō-мэцукэ* 大目付 и «контролёры» *мэцукэ* 目付. Цунаёси установил дополнительную контролирующую должность, имевшую отношение исклю-

чительно к финансовым делам — *кандзэ̄-гиммияку* 勘定吟味役 (должность бюджетных экспертов = *budget examination office*), практически соответствие современной ревизионной комиссии, комиссии по проверке отчётности (*board of audit*). ОГИВАРА *Сигэхидэ* начал карьеру как младший служащий финансового ведомства, стал контролёром по финансам *кандзэ̄-гиммияку*, а впоследствии был продвинут, и стал *кандзэ̄-бугэ̄* [15].

На большинство административных постов *бакуфу* во времена Эдо набиралось более, чем по одному служащему на должность. Существовала своего рода ротационная система (так называемая «система стражей месяца» *цукибан-сэй* 月番制), одну из целей которой можно усмотреть в стремлении избежать чрезмерной концентрации власти в одних руках. Например, старейшин *родзю̄* было 4 человека, градоначальников *мати-бугэ̄* — 2 (а одно время 3) человека, 4 казначея *кандзэ̄-бугэ̄*. В отличие от нынешнего порядка, принятого при ведении административных дел, в аппарате *бакуфу* судебные и административные функции не разделялись. К примеру, занимаясь ведением дел по фондам *бакуфу* — *кандзэ̄-бугэ̄* приходилось решать правовые конфликты (улаживать тяжбы; *handle legal disputes*), заниматься сбором налогов, следить за расходами (*management of expenditures*). Позже, при VIII сёгуне Ёсимунэ была повышена эффективность деятельности аппарата разделением этих вопросов на судебные и финансовые дела. Правовые и судебные проблемы вверили ведению двоих казначеев *кандзэ̄-бугэ̄*, контролиро-

вавших судебные дела, а все финансовые проблемы — двоим казначеям *кандзё-бугё*, ответственным за финансовые дела. [15]

Явление того же рода: даже когда *Токугава-бакуфу* создавало систему статусных различий — вызвали к авторитету сёгуна и, по мере необходимости, подстраивались, адаптировались к ходу истории, дерзко набирая лиц талантливых, вне зависимости от их социального статуса. Это то, что сделало систему *Токугава* способной к выживанию на протяжении 265 лет среди неистовства (бури; *violent shifts in the historical current*) перемен в течении истории — вплоть до перехода от феодализма к капитализму. Впоследствии, отношение к подобной практике (когда лицам талантливым отдавалось предпочтение невзирая на социальный статус) в системе *бакуфу* вновь изменилось при переходе реальной политической власти от ТАНУМА *Окицузу* к МАЦУДАЙРА *Саданобу* (с начала правления XI сёгуна *Иэнари* в 1787). Вновь возобладали консервативные традиции (в данном случае — это было реакционное воздействие), когда генеалогия и происхождение вновь стали преобладающими при принятии решений о назначении на должности. Это затруднило способности *бакуфу* справляться с быстро изменяющимся потоком, волной истории, и, как результат, способствовало ускорению вступления на путь упадка и распада [15].

КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ ЦУНАЁСИ

Выше уже говорилось о том, что это были несчастливые времена, особенно для восточных районов стра-

ны, имея в виду множество стихийных бедствий в первое десятилетие XVIII века (включая и извержение Фудзи в 1707).

Известно, что в это время не было заметного упадка в здоровье *Цунаёси*. Ведь проявление интереса более к игре в пьесах *Нō*, чем к политике не может считаться признаком болезни. Однако, где-то около 1698, когда *ЯНАГИСАВА* был приравнен по статусу к верховному старейшине *тайрō*, начало создаваться впечатление, что *Цунаёси* устал от дел и постепенно отходит от официальной жизни, дабы посвятить себя наукам и представлениям театра *Нō*. По некоторым данным, он предался разгулу (но свидетельства по этому поводу скудны). Логичнее предположить, что в последние десять лет жизни он медленно угасал умственно и физически. Он умер в возрасте 64 лет, поэтому едва ли можно утверждать, что он разрушил своё тело беспутством [14, том 3, стр.137].

В этой обстановке *Цунаёси* ушёл от дел, вверив их ведение *ЯНАГИСАВА*. Летом 1708 он провозгласил, что слагает с себя обязанности в пользу нового сёгуна, своего племянника *Иэнобу*, *даймё Кōфу*, которого рекомендовал *Мицукуни* из *Мито*. *Цунаёси* оставалось жить недолго. Он был болен, когда *Иэнобу* от его имени проводил новогодний приём, а несколькими днями позже скончался [14, том 3, стр.135].

Некоторые историки того времени сообщают, что, мол, увлечение сёгуна довело его до обещаний поднять

доход Ёсиясу до 1 млн. коку и назначить наследником бакуфу сына, рождённого супругой Ёсиясу для Цунаёси. Как показывает исторический опыт, такие высочайшие проявления безрассудства всегда предотвращались в канун задуманного безумства — сёгун был заколот насмерть ударом жены, немедля совершившей самоубийство. Это предание, однако, является скорее вымыслом, основанным всего более на том, что смерть Цунаёси произошла слишком неожиданно и в крайне критический момент [10, стр.605]¹.

Цунаёси умер от оспы в 1709, проболев недолгое время. У него не было сыновей, и за 5 лет до того его племянник Иэнобу был объявлен наследником сёгуна. Родившись в 1662, Иэнобу стал VI-м сёгуном на 47-м году своей жизни. Первым его действием стала отмена указов Цунаёси о защите животных. Говорят, он предложил следующее объяснение на могиле почившего сёгуна: «Ты желал защитить живые существа и строго воспретил убийство любого из них. Ты хотел, чтобы и по твоей смерти запрет соблюдался. Но сотни из тысяч человеческих существ страдали от действия закона твоего. Отменить его — единственный путь вернуть мир людям» [10, стр.608]. Иэнобу явил доказательством своей проницательности и немедленное смещение ЯНАГИСАВА Ёсиясу, коррумпированного фаворита

¹ Но при этом несомненно, что перегибы и излишества, грубые административные просчёты Цунаёси, были во многом вызваны пагубным влиянием ЯНАГИСАВА Ёсиясу.

прежнего сёгуна, назначив на должность «секретаря» *собаёнин* надёжного МАНАБЭ Акифуса 間部 詮房 (1666—1720), облёк полным доверием АРАИ Хакусэки [10, стр.608].

Эпоха «собачьего сёгуна» завершилась...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Некоторые авторы говорят, что *бакуфу* при *Цунаёси* стало слабым и некомпетентным, но и эта точка зрения не слишком справедлива. Правда состоит в том, что он более **не был военным диктатором типа III сёгуна Иэмицу**, хотя в правление *Цунаёси* феодалов и заставляли поддерживать порядок весьма жестокими и болезненными мерами. **Страх, внушавшийся методами *Цунаёси***, хорошо ошутим в записях его современников. Малейший просчёт вассала наказывался жесточайшим образом. Чиновники стремились избежать принятия нового назначения из страха совершить ошибку, которая положит конец их карьере. Существовал действенный тайный надзор, велась слежка за посетителями резиденций князей *даймё* и старейшин *рōдзю*. Его **финансовая политика** в целом была успешна, несмотря на обрушившуюся чреду стихийных бедствий; он не испытывал колебаний, держа твёрдой рукой выдающихся представителей торгового мира *Эдо* и *Осака*. Он одобрил, поддержал (а возможно и

инициировал) значительные работы в прибрежной зоне и значительные сдвиги в транспортировке людей и грузов. При власти *Цунаёси* значительно улучшились отношения *бакуфу* и императорского двора. Он возродил и обеспечил фонды для проведения основных придворных церемоний и несколько других «обрядовых действий», упускаясь из виду столетие или более (включая ежегодный праздник в *Камо-дзиндзя* 賀茂神社 в Киото, храме древнем практически как сам город¹ и исторически связанным с императорским двором) [14, том 3, стр.137-138].

Главное (ведущее) политическое достижение *Цунаёси* состояло в усилении авторитета центральной власти и его работа в этом направлении описана некоторыми историками в работах, посвящённых реформам годов *Тэнна* и *Дзёкё* [14, том 3, стр.138]. В целом же, практически весь период правления *Цунаёси* был связан с проведением различных реформ и преобразований. Так, реформы, приходящиеся на девизы годов правления *Тэнна*, *Дзёкё* и *Гэнроку* (в общей сложности 1681—1704) — приходятся как раз на времена правления *Цунаёси*.

¹ Традиция связывает постройку храмов *Камо-дзиндзя* 賀茂神社 с 677 либо 678 годом [12, стр.730], [17: *かもみおやじんじや*【賀茂御祖神社】…天武天皇六年、賀茂別雷神社とともに創建…].

Завершая обзор жизнеописания *Цунаёси*, хочется добавить несколько слов. При всей неординарности его личности и многочисленности неоправданно и нелогично жестких меропрятий, связанных с его политикой — в его время был заложен фундамент для дальнейшей эволюции общества. Его роль в истории Японии времён *Эдо-бакуфу* может рассматриваться столь же неоднозначно, как и период *Гэнроку*. Ряд элементов в характере властных структур приобретает новые черты. Это (как и времена *Гэнроку*) знаменует перелом в развитии общества и переход к новой стадии — второй половине эпохи *Эдо*. С одной стороны, имело место ослабление и некоторое видоизменение ряда феодальных систем, а с другой стороны — укрепление коммерческих элементов и структур, развитие товарно-денежной сферы, зарождение и начало становления новых общественных отношений. Всё это нашло более или менее окончательное оформление только после полного краха режима *Эдо-бакуфу* и начала уже свободного от феодальных оков развития капитализма в Японии приблизительно с начала времён *Мэйдзи*. Таким образом, при рассмотрении фигуры *Цунаёси*, важно обращать внимание не только на скандально известные моменты его биографии, но и на важное место комплекса проводившихся им преобразований в ряду иных реформ эпохи *Эдо*. Возможно, уместно рассматривать реформы *Цунаёси* как заложившие основы для последующих преобразований эпохи (и в

определённой мере провоцировавшие их) — в том числе и для «трёх больших реформ эпохи Эдо» (годов Кёхō, Кансэй, Тэмпо). Хотя первоочередное внимание здесь следует обращать на социально-экономическую сущность этих процессов, а не на политическую. Политически последующие реформы предпринимались как раз под прямо противоположными лозунгами избавления от проблем, накопившихся за первую половину правления династии и «возвращения к старине» времён её начала.

Список использованной литературы

1. Воробьев М.В., Соколова Г.А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М.: ГРВА, 1976.
2. История Японии. Т.1-2. М., ИВ РАН, 1998.
3. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М., ИВ РАН, 1999.
4. Николаев А.А. Очерки по истории Японского народа. Т.1-2. СПб.: Издание «Общественной пользы», 1905. С.198, 217.
5. Очерк истории Японии, составленный В.Костылевым. СПб., 1888.
6. Очерки новой истории Японии (1640—1917) / Под ред. А.Л.Гальперина. М., 1958.
7. Позднеев Д.М. Японская историческая хрестоматия. В 3 т.: Часть 1 (Отдел 1-2); Книги 1-2. Токио: Тейкоку Инсацу Кабусики Кайся, 1906. С.297; 68, 5; 70, 2.
8. Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.
9. Словарь современной экономической теории Макмиллана / Общ. ред. Дэвида У. Пирса. М.: ИНФРА • М, 1997. С.608.
10. BRINKLEY F. A History Of The Japanese people: from the

- earliest times to the end of the Meiji era. London (The Encyclopaedia Britannica Co., N.Y.-London), [1912] 1915.
11. Illustrated Who's Who of Japan: 100 historical personages. (英文) 日本絵とき辞典 9: 人物日本史 Tokyo: Japan Travel Bureau, 1991. P.191.
 12. Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo: Kodansha, 1993.
 13. КАЕМПФЕР Engelbert. Kaempfer's Japan: Tokugawa culture observed / Edited, translated and annotated by Beatrice M. BODART-BAILEY. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1999. P.xiv,545.
 14. SANSOM G.B. A History of Japan. Vol.1-3. [London, 1958-1963] Tokyo, 1993.
 15. Tokugawa Japan: The Social and Economic Antecedents of Modern Japan / Ed. by NAKANE Chie, OISHI Shinzaburo, translation edited by TOTMAN Conrad. Tokyo: Univ. of Tokyo Press, 1991. [hardcover 1990]
 16. Кокуси дайджитэн=Большой [энциклопедический] словарь по истории Японии: В 15 (+ 3) т. Токио: Ёсикава кобункан, 1979—1997. 国史大辞典。全 15 卷。東京: 吉川弘文館、1979-1997 年。
 17. Майкурософуту Сёгакукан Буккусэруфу бэсикку = Мультимедийный словарь Микрософт/Сёгакукан «Bookshelf Basic» (CD ROM), версия 2.0. [Б.м.]: Microsoft/Shogakukan 1987-1998. マイクロソフト/小学館 ブックシェルフベーシック (Microsoft/Shōgakukan Bookshelf Basic):マルチメディア統合辞典。Ver.2.0. [No place:] Microsoft/小学館、1987-1998 年。
 18. Нихон-си 5. Кинсэй 2 = История Японии (5). Новое время кинсэй 2 / Под ред. ОИСИ Синдзабурō. Токио: Юхикаку, 1977. С.227, 6. 日本史(5) 近世 2 / 大石慎三郎 編。東京: 有斐閣、1978 年。247, 5 頁。
 19. Нихонси дзитэн / Кёдай Нихонси дзитэн хэнсан-кай хэн = Словарь по истории Японии / Редакционный совет по истории Японии ун-та Киото. Токио: Сōгэнся, [1990,] 1992.

- C.1457. 日本史辞典 / 京大日本史辞典 編纂会編。東京: 創元社、[平成 2 年、] 平成 4 年。1457 頁。
20. Нихонси дзитэн / НАГАХАРА Кэйдзи кансю̄ = Словарь по истории Японии / Под ред. НАГАХАРА Кэйдзи. Токио: Иванами сётэн, 1999. 日本史辞典。永原 慶二 監修。東京、岩波書店、1999。
21. ОИСИ Синдзабурō. Нихон-но рэкиси. Дай 20-кан. Бакухан-сэй-но тэнкан = История Японии. Т.20. Трансформация системы бакуфу—княжества (бакухан-сэй). Токио: Сёгакукан, 1975. С.390. 大石 慎三郎 著。日本の歴史。第 20 卷。幕藩制の転換。東京: 小学館、1975 年。390 頁。
22. Сёгакукан Супа-Ниппоника: Нихон дайхякка дзэнсё̄ = Мультимедийная энциклопедия «Super Nipponica CD ROM» (4 CD ROM), версия 1.0. [Б.м.]: Сёгакукан, 1998. 『小学館スーパー・ニッポニカ』、日本大百科全書。Ver.1.0. [No place:] 小学館、1998 年、12 月。
23. ФУКАИ Масауми. Токугава-сёгун сэйдзи-кэнрёку-но кэнкю̄ = Исследование политической власти сёгунов Токугава. Токио: Ёсикава кобункан, 1991. С.11, 504, 9. 深井雅海 著。徳川将軍政治権力の研究。東京: 吉川弘文館、1991 年。11, 504, 9 頁。
24. Эдо-мати-ката-но сэйдо = Система [организации] у горожан Эдо / Под ред. ИСИИ Рёсукэ. Токио: Дзимбушу брайся, 1968, апрель. С.526. 江戸町方の制度 / 石井 良助 編。東京: 人物往来社、昭和 43 年 4 月。526 頁。¹

¹ В действительности, данное переиздание представляет собой материалы по периоду Эдо, несколько не относящиеся собственно к правовой системе, но представляющие значительный интерес с точки зрения быта, обычаев, нравов, дает неплохое представление об эпохе. Оригинальное, исходное издание представляло собой публикацию в газете «Тёя симбун 朝野新聞» с апреля 25 г. по июль 26 г. Мэйдзи (1892—93) под названием «Токугава сэйдо», т.е. «система Токугава». Материал крайне интересен. [из Предисловия ИСИИ Рёсукэ]

Филиппов А.В.

**ТАНУМА Окицугу (1719—88)
и злоупотребления властью в Японии конца XVIII в.**

Времена после Ёсимунэ: специфика и тенденции

Изменения политического курса времён *Эдо* впечатляют чётким чередованием периодов «достойного» и «дурного» управления. После правления *Ёсимунэ* последовал период злоупотреблений, которые затем пришлось «исправлять» очередному реформатору.

Несколько слов о характере историописания в Японии. По издревле идущей из Китая традиции историю писали, дабы наставлять потомков, соответствующим образом корректируя характер изложения. Последующие поколения должны были на основе «доходчивых» исторических записей суметь понять, в чём достоинства одних правителей и недостатки других, почему династии теряют силу и гибнут. Таковы были принципы составления ещё китайских летописных сводов, глубоко усвоенные в Японии. Часто деятельность правителя не слишком достойного в назидание потомкам принято было описывать в ещё более «тёмном свете», а благородного — тем больше возвеличивать. Именно в рамках этой традиции вскоре пришедшая после *Ёсимунэ* эпоха, когда власть оказалась в руках *ТАНУМА Окицугу*, часто рисуема чёрным цветом, зато

потом вновь приходит черёд создания довольно светлого образа следующего политика — МАЦУДАЙРА Саданобу. Приход МАЦУДАЙРА Саданобу знаменовал нечто вроде воссоздания, «обновления идеалов», утраченных в грязи коррупции и распущенности режима ТАНУМА Окицугу. Подобное восприятие этих фигур не лишено доли истины, но тем не менее несколько не соответствует реальной картине. Историки современные прибили нас к реальным героям событий, но не стоит забывать и о традиционном варианте изложения материала. Как никак — на нём воспитано множество поколений японцев, и именно на базе восприятия былых традиций слагались новые, приведя нас к дням сегодняшним и Японии нынешней.

Такой неоднозначной персонаж как ТАНУМА Окицугу 田沼 意次 (1719—88)¹ определял политику

¹ Пожалуй, из работ на европейских языках, посвящённых ТАНУМА Окицугу, наиболее фундаментальной является монография Дж.У.Холла 1955 г. «ТАНУМА Окицугу — предвестник современной Японии» [HALL J.W. TANUMA Okitsugu, 1719-1788: Forerunner of modern Japan. Cambridge(Mass.), 1955]. Осмелимся привести вариант оценки этой работы Г.И.Подпаловой, данный в «Очерках новой истории Японии». «Автор... пытается изобразить ТАНУМА как новатора, государственного деятеля, понимавшего в отличие от его предшественников и преемников, что натуральное рисовое хозяйство себя исчерпало, что надо всецело способствовать развитию предпринимательской деятельности, торговли, в частности внешней, и т.д. Но вопреки намерениям автора приведённый им материал подтверждает, что мероприятия ТАНУМА преследовали

Японии во времена X сёгуна *Иэхару*¹ (1760—86). Своего рода символом эпохи стала «дурная слава» ТАНУМА — произвол, взяточничество, казнокрадство, продажа государственных должностей, роскошь, разврат и господство фаворитов]. Впрочем, это касалось не только окружения сёгуна, но и большинства княжеств. Детализированная биографическая справка, достаточно колоритное описание судьбы ТАНУМА *Окишугу* содер-

лишь цель увеличения доходов сёгуната и личного обогащения» [*Очерки новой истории Японии (1640—1917)* / Под ред. А.А. Гальперина. М., 1958, с.79]. Несмотря на такой довольно резкий характер высказывания, пожалуй, всё же следует признать, что волей или неволей, но немалая доля прогрессивного, по крайней мере, свидетельствовавшего о движении, развитии экономики страны вперёд, в деятельности ТАНУМА присутствовала. Поэтому определённая его роль и впрямь как провозвестника новой Японии, в частности как поборника такого направления, как меркантилизм *дзюсё-сюги* 重商主義, на самом деле имела место. Кстати, следует назвать и ещё одну работу Дж.У.Холла, рассматривающую ту же тему, но в значительно более сжатой форме, в сборнике персоналий по японской истории [*GOEDERTIER J. M. A Dictionary of Japanese History. New York; Tokyo, 1968, с.208-218*]. На русском языке штрихи биографии ТАНУМА также излагаются в различных работах. См., напр.: [*Очерки... 1958, с.79-80*].

¹ Судьбу *Иэхару* также трудно назвать сколь-нибудь счастливой. Ещё в детстве лишившись матери, он теряет и детей: рано умерли два его сына и дочь. Странна была и смерть самого сёгуна: возможно, он был отравлен в результате интриг собственных придворных [*История Японии. Т.1-2. М., ИВ РАН, 1998, том1, с.448*].

жится в «Очерке истории Японии» В.Я.Костылева (с.376-378)¹. У Дж.Сэнсома времена режима ТАНУМА *Окицугу* определены 1767—86 гг. (том 3, с.174). Это видится справедливым, т.к. именно в 1767 г. ТАНУМА *Окицугу* был назначен на пост «секретаря» *собаёнин* 側用人.

Иэхару, родившийся в 1737 г., занял пост сёгуна в возрасте 23 лет. Одним из первых предпринятых им «деяний» оказалось выдвижение на ведущие должности ТАНУМА *Окицугу* (при значительных земельных пожалованиях) и его сына ТАНУМА *Окитомо* 田沼意知 (1749—84)². Они оба могут быть названы центральными фигурами этой эпохи «злоупотреблений». Их сила и влияние были таковы, что в народе даже говаривали: «И птица с крыльями от ТАНУМА не уйдёт». Возможно, сёгун оказался опутан и задавлен всяческими «хитростями» ТАНУМА *Окицугу*, будучи совершенно не в состоянии реагировать на происходившее с его поддан-

¹ Также, помимо «Очерка» В.Я.Костылева [с.376-378] с разной степенью детализации судьба ТАНУМА *Окицугу* нашла отражение у Дж.У.Холла [HALL J.W. 1955; *Great Historical Figures of Japan* / Ed. by MURAKAMI Hyoue and HARPER Thomas J. Tokyo, 1978, с.208-218], Дж.Сэнсома [том 3, с.174-177, 181-186, 191, 194, 207] и в ряде других публикаций [Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo, 1993, с.1528; *Super NIPPONICA* CD-ROM 1998; *Bookshelf Basic* CD-ROM 1998; 国史大事典. 全 15 卷. 東京、吉川古文刊、1979-97, том 9, с.272-273; 日本史事典. 永原慶二監修. 東京、岩波、1999, с.738, №682 right].

² Биографию ТАНУМА *Окитомо* см., напр.: [*Super NIPPONICA*].

ными. Любая попытка открыть сёгуну глаза приводила к немедленному смещению виновного. Известна история о том, как в некий день трое высших чиновников *бакуфу* были заняты прижиганием ноги одного из вассалов *Окицугу* моксой. Все трое понимали, что их власть покоится лишь на расположении этого человека к ним. Что же можно было сказать про его сюзерена — самого *ТАНУМА Окицугу*? Взятничество никто и не пытался скрывать. Суд правый и неправый вершился в зависимости от того, кто платил. С именем *Окицугу* связывают слова: мол, жизнь человека не столь ценна, как золото и серебро. Его искреннее расположение обреталось поднесением даров, и лучшим способом избежать треволений было позаботиться о том, чтобы дом *Окицугу* всегда был полон ими. Считается, что падение нравов в эти времена было всеобщим — этого даже не стеснялись. Сёгун же *Иэхару* пребывал в полном неведении обо всём.

Откровенным самоуправством *ТАНУМА Окицугу* были крайне недовольны представители боковых ветвей дома *ТОКУГАВА*, да и князя *даймё* также. Ярким примером проявления ненависти к нему можно считать убийство прямо при дворе сёгуна в 1784 г. его сына — *ТАНУМА Окитомо* 田沼意知¹. Смолodu он

¹ Убийство *ТАНУМА Окитомо* в те же годы стало даже сюжетом для пьесы как событие, являвшееся воплощением духа времени. Об этом см.: [NISHIYAMA Matsunosuke. *Edo culture: Daily Life and*

занимал виднейшие посты и отличался, подобно отцу, откровенными злоупотреблениями властью. Своеволию *Окицугу* был положен конец лишь в 1786 г., когда по смерти его покровителя (сёгуна *Иэхару*) *ТАНУМА* сместили с конфискацией¹ большей части имуществва.

Обратим внимание на некоторую «ритмичность» во властвовании тех или иных групп (родов) в эпоху *Эдо*. Так, во времена пребывания *ТАНУМА Окицугу* у кормила власти к числу его ближайших помощников относился дом *МИДЗУНО* 水野, выдвижение которого во влиятельные сферы началось только в XVIII в. По смещении *ТАНУМА Окицугу*, с приходом к власти *МАЦУДАЙРА Саданобу* и началом реформ *Кансэй* позиции дома *МИДЗУНО* существенно не пострадали, дело обошлось лишь некоторым понижением в должности. Однако после очередной смены власти и отставки

Diversions in Urban Japan, 1600–1868. Honolulu, 1997, с.51]. Решившийся на это вассал сёгуна *САНО Масакото* был вынужден покончить счёты с жизнью ритуальным самоубийством, но достоинство его деяния была оценена современниками, и влияние *ТАНУМА* пошло на спад [*BRINKLEY F. A History Of The Japanese people: from the earliest times to the end of the Meiji era. London, 1915, с.619*]. Подробности об отважившемся на этот поступок *САНО* см. далее.

¹ В.Я.Костылев охарактеризовал итог пути *ТАНУМА Окицугу* следующим образом: «В 1787 г. при сёгуне *Иэнари*, из опасения восстания против сёгуна, у *ТАНУМА* отняты были владения, его замок был срыт до основания, а его дом в *Эдо* конфискован» [*Костылев* 1888, с.378].

Саданобу в 1793 г. МИДЗУНО вновь выдвинулись на передовые позиции и на длительное время, свыше трёх десятилетий, оказались в самых высших сферах власти. Вновь выдвинулся дом МИДЗУНО и во времена реформ годов *Тэмпо* — в 40-х годах XIX в. (они проводилась под руководством МИДЗУНО *Тадакуни*). Таким образом, времена *Тэмпо* оказываются до некоторой степени связаны с временами ТАНУМА *Окицугу* в канун реформ *Кансэй*. Оба имени (как ТАНУМА, так и МИДЗУНО), учитывая и воспоминания о злоупотреблениях, и последующее возникновение представителей этих домов у вершин власти, стали своего рода негативными образами и вошли в язык и в качестве присловий, присказок, стали частью идиоматического ряда¹.

¹ Так, КИТАДЗИМА *Масамото* в работе, посвящённой уже агонии системы *бакухан*, один из разделов — по временам *Бунка—Бунсэй* (уже XIX в.) — назвал, обращаясь и к игре слов «К прежнему болоту — ТАНУМА» [КИТАДЗИМА 1966=北島 正元 著. 日本の歴史、第18 卷.幕藩制の苦悶.東京:中央公論社、1966, 1972, с.222-223]. Действительно, значение этой фамилии может быть воспринято и просто в значении «болото». В том контексте это связано с фигурой выдвинувшегося в те годы МИДЗУНО *Тадакира* 水野 忠成 (1762—1834; на посту *родзю* в 1817—18). Известен своими взятками *вайро* 賄賂 да ходатайствами *сэйтaku* 請託, с чего и пошло вновь загнивание, коррупция (腐敗 *фухай*) аппарата *бакуфу* [国史大..., т.13, с.326d—327a]. Явная игра слов. Намеки на предшествующие эпохи: мол, власть в руках одних и тех же. И имена всё одни (невзирая на то, что времена, вроде бы, совсем

Эпоха власти ТАНУМА осталась в памяти людей и множеством крестьянских¹ выступлений (максимум которых приходится на годы *Тэмэй*)², и массой

другие). Однако, политика любого из них — продолжение былого, да и бывшее это — одна коррупция, а уж то, что все они насквозь продажны — тут и вопросов быть не может. Раздел построен на обыгрывании бытовавшего присловья 「水の出てもとの田沼となりになるそろそろと柳に移る水の影」 [КИТАДЗИМА 1966, 1972, с.226]. Смысл фразы можно понять примерно так: «Хоть вода МИДЗУНО и уйди — всяко-прежне болото ТАНУМА будет, а там глядишь — тень воды МИДЗУНО и в иву Янаги [сава] (ЯНАГИСАВА Ёсиясу) обратится».

Создавалось впечатление возвращения ТАНУМА *Окицугу* 田沼意次 (1719—88), державшего в самый канун реформ *Кансэй* всю власть *бакуфу* в своих руках. Сразу вспоминается и другой «прославленный коррупционер» ЯНАГИСАВА Ёсиясу (1658—1714) времён V сёгуна *Цунаёси*, стремительный взлёт назначений и доходов которого был нарушением всех правил и норм. С его именем связано и «дурное управление» тех лет [*Кинсэй* си ёго дзитэн=近世史用語事典.村上直編.東京、新人物往来社、1993, с.278]. Уже говорилось, что были у него и неплохие черты — возможно, он лишь искренне следовал воле сёгуна *Цунаёси*, помогая в распространении конфуцианства и буддизма: взял на службу ОГЮ *Сорай* 荻生徂徠 (1666—1728) и ХОСОИ *Котакү* 細井広沢 (1658—1735) [*Japan...* 1993, с.1738].

¹ Впрочем, выступления горожан — *утиковаси* 打ち壊 — также постоянно сотрясали страну во времена ТАНУМА.

² По числу выступлений разного рода это время уступает лишь непосредственному кануну краха *бакуфу* (1866 г.) [*Очерки новой*

постигших страну в эти времена бедствий, вызванных стихией. Засуха, пожары, голод, болезни, эпидемии, тайфуны, небывалые ливневые дожди и наводнения¹ — это лишь краткий перечень бедствий². Истинным ужасом стал голод годов Тэмэй 天明の飢饉³. Продлившись со 2-го по 7-й год этого девиза годов правления (1782—87), голод унёс 900 тыс. жизней, послужил причиной буквально повального бегства из деревень⁴.

истории..., с.80]. Впрочем, выступления городской бедноты также относятся к числу характерных черт именно этого периода.

¹ *Леценко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава*. М., 1999, с.100.

² Весьма впечатляющий список этих стихийных бедствий тех лет по годам приводится В.Я.Костылевым [*Костылев* 1888, с.375-378].

³ Краткое описание ужасов этих голодных лет можно найти в «Очерках новой истории Японии»: «Население питалось травой, корнями растений, древесной корой, соломой ... имелись случаи людоедства. Люди, бросая дома и ... родных, уходили в другие районы просить милостыню. Ежедневно умирало от одной до двух тысяч человек. Обработанные поля превращались в пустыри» [*Очерки новой истории...*, с.82].

⁴ Уровень падения численности населения деревни хорошо выражен нижеследующей цитатой из «Очерках новой истории Японии». «...МАЦУДАЙРА Саданобу указывал, что число бежавших из деревни в эти годы достигло 1400 тыс. человек, или свыше 5—6% всего крестьянского населения. Если учесть, что деревня потеряла за то же время около 1 млн. умершими, то следует признать, что крестьянское население страны уменьшилось примерно на 10%. Это было тяжелейшим ударом для натурального хозяйства Японии» [*Очерки новой истории...*, с.81].

Последнее явилось причиной скорого очевидного запустения деревни, наносившего серьёзный удар по феодальной экономике *даймё*. Да и череда стихийных бедствий сама по себе явилась естественной объективной причиной снижения налоговых поступлений. В целом XVIII в. даже не принёс прироста населения, о чём свидетельствуют регулярно, раз в шесть лет проводившиеся с 1721 г. переписи¹. А 80-е годы XVIII в. в экономическом отношении оказались, возможно, наиболее тяжёлым временем за все времена *Эдо*. Это подчеркивает беспрецедентное в рамках эпохи снижение численности населения страны.

Объективно продолжали набирать силу структурные изменения в экономике. Во второй половине XVIII в. зарождается рассеянная мануфактура в производстве текстиля (хлопок, лён, шёлк) в форме работы крестьян и ремесленников на скупщика, снабжавшего их сырьём и забиравшего готовую продукцию для реализации. В конце XVIII в. появляются новые формы мануфактуры при охвате иных отраслей и направлений²: винокуре-

¹ Х.Т.Эйдус, оценивая население Японии тех лет, приводит цифру в 25-26 млн. чел. и говорит о начале широкого распространения детоубийства *мабики* 間引 — букв. «прореживания ростков», якобы способствовавшего спасению от смерти семей целиком [Эйдус Х.Т. *История Японии с древнейших времён до наших дней*. М., 1968, с.65].

² Упомянув новые направления производства, представляется интересным назвать, пусть и не всегда важные, но крайне

ния, металлургии, гончарного дела и др.¹. Вторая половина XVIII в. — это переломный период (*тэнкан-ки* 転換期) для государства системы *бакухан* 幕藩 с очевидными противоречиями² и кризисными явлениями в социальных, экономических, политических структурах.

Общие направления политики при ТАНУМА Оки-узу — развитие ремесла, продолжение разработки новых полей и систем ирригации, развитие производительности сельского хозяйства. Предпринимались меры

любопытные новшества. Так, как раз в это время в конце 1780 г. в Японии впервые началось изготовление столь распространённых впоследствии бумажных зонтиков для защиты женских лиц от солнечных лучей [Костылев, с.376].

¹ Развитие мануфактуры, в частности, в рассматриваемый период японской истории, получило отражение в работах целого ряда авторов. Однако представляется, что, если обратиться к отечественной историографии, то одной из наиболее целенно отражающих данный вопрос работ можно назвать статьи Л.В.Зениной о мануфактуре в Японии.

² Н.Ф.Лещенко характеризует это время следующими словами: «происходили большие структурные изменения в деревне и городе, активно развивались процессы социальной мобильности, подтачивавшие сословную систему... Всё больше беднело японское военное дворянство. В деревне быстрыми темпами шло развитие товарного хозяйства. Появился новый слой владельцев земли, а бедняки, потерявшие землю за долги, становились или наёмными рабочими, или арендаторами. Резко возросла разница между бедными и богатыми» [Лещенко, с.100].

по развитию внешней¹ и внутренней торговли, создавались новые торговые гильдии *кабу-накама*², расширялось освоение (или «колонизация») севера — *Хоккайдō*. Предоставление монопольных прав в различных сферах также были одной из важнейших черт экономической политики эпохи *ТАНУМА Окицугу*. Падение налоговых сборов и острая потребность *бакуфу* в средствах привели *ТАНУМА Окицугу* к ориентации на проведение политики меркантилизма *дзюсё-сюги* 重商主義³ в различных сферах. Правительство предпринимает шаги по увеличению взимания налогов, контролю за государственными расходами — это был заметный удар по карману чиновников. Практически все стороны деятельности *ТАНУМА* предполагали получение доходов — и контроль за торговлей, и взимаемый за разрешение на создание гильдий *кабу-накама* налог — *мёгакин* 冥加金. Дальнейшее развитие гильдий предполагало и усиление контроля над ними. При решении вопросов лицензирования гильдий появилась ещё одна интересная (всегда естественно возникающая) тема — рост

¹ Так, в расчёте на увеличение доходов *бакуфу* волей *ТАНУМА Окицугу* было принято решение увеличить вывоз меди из страны [История Японии 1998, том 1, с.448]. В различные времена решения об экспорте золота, серебра и меди — несли массу проблем для экономики. Эпоха *ТАНУМА*, таким образом, принесла новые изменения.

² Своего рода развитие политики *Ёсимунэ* в годы *Кёхо*.

³ Политике меркантилизма была связана и с экономической политикой при *АРАИ Хакусэки*.

взяточничества в среде служащих, ответственных за их выдачу. По словам Н.Ф.Лещенко, «политика экономического крохоборства обернулась политикой взяточничества»¹.

Как раз на времена ТАНУМА пришлось развитие дальнейших изменений в формах, структуре организации политической власти. Продолжалось смещение ядра власти в руки разного рода «посредников», фаворитов. Сёгун всё больше становился номинальной фигурой, а реальная власть концентрировалась в руках «бюрократов».

ТАНУМА Окицугу 田沼意次: личность и судьба

ТАНУМА Окицугу 田沼意次 (1719—80) по своему происхождению, казалось бы, не мог рассчитывать на взлёт к высотам власти. В.Я.Костылев называет его «сыном простолюдина» (с.376), Дж.Сэнсом говорит о его отце как «пешем воине» *асигару* 足輕 (том 3, с.174), то же подтверждают и японские авторы. Статус его отца ТАНУМА Мотояюки 田沼意行² и

¹ Лещенко, с.101.

² Любопытно, что от фонетических разночтений и неточностей при прочтении имён исторических личностей не свободны и работы японских авторов. Так, именитый историк ЯМАДА Тадао 山田忠雄 в энциклопедической статье, посвящённой ТАНУМА Окицугу, даёт, судя по всему, ошибочное прочтение имени его отца как ТАНУМА Окиюки (иероглифика при этом абсолютно идентична другим материалам) [*Super NIPPONICA*, 田沼意次]. В то

впрямь нельзя назвать высоким. Он был родом из княжества *Кисю* (известного и как *Киш*), откуда пришёл к власти VIII сёгун *Ёсимунэ*, во времена рождения сына, *Окицугу*, он уже был «вассалом бакуфу» (*бакусин* 幕臣)¹. Со времён молодости *ТАНУМА Мотоюки* оказался в ближайшем окружении *Ёсимунэ*, а с назначением того в сёгуны стал *хатамото*, занимая различные посты. С юных лет шанс на заметное продвижение по служебной лестнице появился и для *ТАНУМА Окицугу*, его сына. С 15-лет (1734 г.) он стал пажом *косё* 小姓 в свите наследника сёгуна, будущего IX сёгуна *Иэсигэ* (с содержанием лишь около 300 *коку* риса в год). После смерти отца *ТАНУМА Окицугу* унаследовал его жалованье в 600 *коку* годового содержания. Начав с поста мелкого чиновника в княжестве *Киш*, *Окицугу* впоследствии обратил на себя внимание будущего X сёгуна *Иэхару*. Послужной список *ТАНУМА Окицугу* весьма значителен. К числу занимаемых им постов относились: член свиты *собасю* 側衆 и «приближённый сёгуна» *соккин* 側近. В 1751 г.

же время один из известнейших, пожалуй, специалистов по этому периоду ОИСИ *Синдзабуру* 大石慎三郎 приводит прочтение имени отца (田沼意行) как *ТАНУМА Мотоюки* [国史大..., том 9, с.272]. Того же варианта прочтения имени (как *Мотоюки*) придерживается и Джон Уитни ХОЛЛ [Great Historical..., с.210].

¹ Нередко в различных изданиях статус *ТАНУМА Окиюки* упоминаем именно как *бакусин* 幕臣. См., напр.: [日本史..., с.738, №682 right].

он получил статус «посредника сёгуна» *гоё-торицугу* 御用取次, а в 1758 г. с получением новых земель и превышением суммарного дохода в 10 тыс. *коку* в год — *Окицугу* стал *даймё*¹. Когда являвшийся его господином *Иэхару* стал сёгуном, продвижение стало ещё заметнее. С 1767 г. «секретарь» *собаёнин* 側用人, а с получением статуса «владельца замка» *дзёсю* 城主 в *Сагара* 相良, расположенного в земле *Тотоми* 遠江国 (ныне — преф. *Сидзуока*) его доход достиг 20 тыс. *коку*. Далее он занимал действительно ведущие посты и, по получении в 1769 г. «статуса, равного старейшине *родзю*» *родзю-каку* 老中格, стал практически у самого руля руководства *бакуфу*; в 1772 г. — удостоился назначения старейшиной Внутренней части замка сёгуна (*Хоммару* *родзю* 本丸老中). Этот послужной список является далеко не исчерпывающим².

Притязания *Окицугу* порою кажутся чрезмерными. Так, Конрад Тотмэн сообщает, что *ТАНУМА Окицугу* пытался получить себе в качестве владения ни много ни

¹ Как утверждает К.Тотмэн, небывалый взлёт *ТАНУМА Окицугу* к самым вершинам власти, возможность проявления такой социальной мобильности были исключительны. Для XVIII столетия подобное становится практически нереальным для большинства [TOTMAN C.D. *Politics in the Tokugawa Bakufu: 1600-1843. Cambridge; Massachusetts: 1967, с.183*].

² Его карьера была действительно головокружительна: о подробностях и деталях см., напр.: [*Super NIPPONICA; 日本史...*, с.738, №682 right; *Japan...* 1993, с.1528].

мало *Осака* с окрестностями (с.254). Как хорошо охарактеризовал его поведение В.Я.Костылев, сёгун «давал ему важные поручения, а он брал взятки, казнил невинных и теснил народ» (с.377). В 1767 г. по его навету были казнены *Ямасита* и *Фудзи* из Киото, якобы смущавшие народ разговорами о волнениях и высказываниями против сёгуна. Причастным к этому был назван и ОДА *Нобукуни* (потомок ОДА *Нобунага*), покаранный домашним арестом. Влияние *Окицугу* на сёгуна с той поры неуклонно росло. Уловив страсть сёгуна к изобразительному искусству, он окружил сёгуна художниками, избегая докладов о делах. Сёгун даже не ведал о бедствиях страны, хотя они были, пожалуй, самой характерной чертой эпохи. Молва народа связывала смерть сына и наследника сёгуна в 1779 г. с ядом, данным тому врачами по воле *Окицугу*. О ненависти к нему со стороны *даймё* уже говорилось. Прежние возможности займов князей у торговцев *Осака* стали невозможны из-за неоплаты прежних долгов. *ТАНУМА* же силой «брал в долг» у тех же купцов якобы для нужд *бакуфу*. Полученные деньги были распределены затем, как и предполагалось, между *даймё*¹, но часть *ТАНУМА* «оставил лично для сёгуна», чем вызвал крайнее возмущение мира торговцев и их

¹ Ф.Бринкли, также упоминая о создании такого «собранного фонда» *юдзу-кин* (*accommodation money*), полученного за счёт внесения средств храмами, крестьянами, ремесленниками, торговцами для нужд *даймё*, упоминает, что последние должны были возвратить полученные средства в течение пяти лет [BRINKLEY 1915, с.619].

резкий отказ от дальнейшего кредитования правительства. Взвинчивание налогов со стороны ТАНУМА для покрытия издержек и дефицита было абсурдом на фоне стихийных бедствий, когда нереально было рассчитывать и на исполнение выплат прежних ставок налогов.

Служебная карьера его сына, ТАНУМА Окитомо, шедшего путём отца как по служебной лестнице, так и в манере поведения, ввиду его презрения и откровенного грабежа народа также вызвала всеобщее неприятие. Это и стало причиной его убийства в 1784 г. САНО Масакото 佐野 政言¹ прямо в резиденции сёгуна. Затем, согласно понятиям о чести, САНО в тот же день совершил ритуальное самоубийство. Могила героя на долгое время стала местом поклонения для множества людей, почитавших его за отважный поступок.

¹ В.Я.Костылев, по-видимому, ошибочно приводит прочтение его имени как САНО Масатомо [Костылев 1888, с.376]. Тем не менее описание биографии ТАНУМА Окицугу, приведённое там же, несмотря на краткость, видимо, и поныне остаётся наиболее исчерпывающим и ярким в русском японоведении. В действительности же имя *хатамото*, убившего сына ТАНУМА Окицугу, читается как САНО Масакото 佐野 政言 (1757—84) [国史大..., том 6, с.454а; *Super NIPPONICA*, 田沼意知]. Сперва он носил имя Гэнносукэ 源之助, впоследствии стал известен как *Дзэндзаэмон* 善左衛門. В исследованиях на европейских языках имя этого человека фигурирует в работах Дж.У.Холла (как САНО Масакото) [*Great Historical...*, с.211], Дж.Сэнсома (как САНО Дзэндзаэмон) [том 3, с.177].

Когда, наконец, в 1786 г. *Окицугу* оказался вынужден уйти в отставку с поста старейшины *рōдзю*, состоявшие с ним в родстве *даймё* изо всех сил стремились уничтожить эти связи, прибегая к разводам и т.п., дабы избежать гнева сёгуна.

Многое в политике *ТАНУМА Окицугу* и является причиной для явной дискредитации его имени. Однако именно его политика в целом довольно ярко отразила изменения финансовой политики *бакуфу* в направлении меркантилизма, коммерциализации. Историческое значение деятельности *ТАНУМА Окицугу* двойственно: отражает как стремление *бакуфу* к усилению масштабов централизации, так и невозможность придать этим процессам видимость законности, легитимности. Личные слабости *ТАНУМА Окицугу*, недостаточное благородство его происхождения, уязвимость с точки зрения подверженности коррупции, — все эти моменты существенно осложняют адекватную оценку его политики, хотя всё же не превращают последнюю в неизбежно и однозначно негативную.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рыбин В.В.</i> Кафедре японской филологии 110 лет	3
<i>Зенина Л.В.</i> Н.И.Конрад – глава российской школы японоведения	96
<i>Акулов А.Ю.</i> Предварительное сообщение об открытии письменности древних айну	106
<i>Алпатов В.М.</i> Почему так говорят японские женщины	121
<i>Гуревич Т.М.</i> Некоторые культурно-специфические особенности грамматики японского языка	135
<i>Климов В.Ю.</i> «Наставление юношам»	148
<i>Кудоярова Т.Н.</i> Об изменениях, наблюдаемых в лексическом составе современного японского языка на примере использования аббревиатур <i>рякуго</i> и их полных форм	171
<i>Мельникова И.В.</i> Японские паломники к Л.Н.Толстому	181
<i>Мещеряков А.Н.</i> Довоенная Япония: победа духа над плотью	194
<i>Михайлова Ю.Д.</i> О чувстве комизма у японцев – на примере материалов журнала «Ниппонти» (1904 г.)	206
<i>Торопыгина М.В.</i> Басни Эзопа в «Исохо моногатари» (XVII в.)	221
<i>Филиппов А.В.</i> Сёгун ТОКУГАВА Цунаёси (правл. 1680-1709): Личность и политика (новый взгляд на полузабытую литературу)	236
<i>Филиппов А.В.</i> ТАНУМА Окицугу (1719-1788) и злоупотребления властью в Японии конца XVIII в.	294

**Материалы научной конференции,
посвящённой 110-летию основания кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета.**

28 февраля 2008 г.

Печатается без издательского редактирования

Дизайн и оригинал-макет:
И.В.Павлов, А.В.Филиппов

Подписано в печать 11.02.2008
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,4. Тираж 200 экз. Заказ № 67

Типография Издательства СПбГУ,
199061, Санкт-Петербург, Средний проспект, 41

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**«Issues Of Japanology»
Вопросы японоведения
№2**

Материалы научной конференции,
посвящённой 110-летию основания
кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008